

ЙОН КОЛФЕР

АРТЕМИС ФАУЛ

ПАРАДОКС
ВРЕМЕНИ

АРТЕМИС ФАУЛ

**АРТЕМИС ФАУЛ.
МИССИЯ В АРКТИКУ**

**АРТЕМИС ФАУЛ.
КОД ВЕЧНОСТИ**

**АРТЕМИС ФАУЛ.
СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ**

**АРТЕМИС ФАУЛ.
ОТВЕТНЫЙ УДАР**

**АРТЕМИС ФАУЛ.
ЗАТЕРЯННЫЙ МИР**

**АРТЕМИС ФАУЛ.
ПАРАДОКС ВРЕМЕНИ**

THE PRACTICAL

ART OF

MANUFACTURE

OF

IRON,

STEEL,

COPPER,

BRASS,

ALUMINUM,

LEAD,

WROUGHT IRON,

SCREW METALS,

AND OTHERS.

BY

JOHN DUNN,

MANUFACTURER,

AT THE WORKS,

LIVERPOOL.

ЙОН КОЛФЕР

АРТЕМИС
ФАУН

ПАРАДОКС
ВРЕМЕНИ

Санкт-Петербург
ИД ДОМИНО

УДК 82(1-87)
ББК 84 (4Вел)
К 61

Eoin Colfer

ARTEMIS FOWL and THE TIME PARADOX

Copyright © Eoin Colfer, 2008

Руководитель проекта *Александр Жикаренцев*

Оформление серии *Андрея Старикова*

Оригинал-макет подготовлен
Издательским домом «Домино»

Колфер Й.

К 61 Артемис Фаул. Парадокс времени : фантастический роман / Йон Колфер ; [пер. с англ. Н. Берденникова]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2009. — 544 с.

ISBN 978-5-699-38949-0

Из дневника Артемиса Фаула:

«Люди меняются, и я не исключение. Честно говоря, до знакомства с волшебным народцем я порой вел себя довольно-таки беспринципно. И вот спустя четыре года эта беспринципность может стоить жизни моей маме. Если бы я тогда пожалел того лемура... Впрочем, умный человек способен не только признать свою ошибку, но и исправить ее. Даже если для этого придется вернуться в прошлое. Главное – избежать столкновения с самым серьезным из всех возможных противников. С самим собой».

Впервые на русском языке! Новый роман из легендарного цикла историй об Артемисе Фауле!

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Н. Берденников,
перевод с английского, 2009
© Издание на русском языке.
Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2009

ISBN 978-5-699-38949-0

*Посвящается Грейс,
новой дочке, внучке, племяннице и кузине*

Пролог

Особняк Фаулов, Дублин, Ирландия

В часе езды к северу от Дублина раскинулось поместье Фаулов. Границы его за последние пятьсот лет особых изменений не претерпели.

Со стороны шоссе особняк, скрытый вековыми дубами и прямоугольником высоких каменных стен, не просматривается совершенно. На столбах сверхпрочных стальных ворот размещены камеры видеонаблюдения. Тот, кому позволяют пройти через этот портал, снабженный автономным электропитанием, окажется на посыпанной мелким гравием дорожке, плавно огибающей некогда ухоженную лужайку, ныне превратившуюся в дикие заросли.

По мере приближения к особняку деревья теснятся все ближе друг к другу: высоченные дубы и конские каштаны вперемежку с более изящными ясенями и ивами. Расчищенная до-

8 • ПРОЛОГ

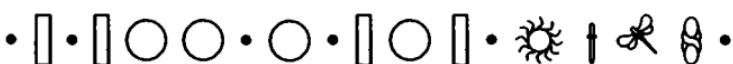
рожка и фонари, парящие в воздухе, на первый взгляд, без всякой опоры,— вот и все признаки заботы о парке.

На протяжении веков родовое поместье Фаулов не раз становилось ареной захватывающих приключений. В последние годы приключения эти приобрели несколько волшебный оттенок, но почти никто из Фаулов об этом не подозревал. Так, большинство домочадцев понятия не имели, что главный холл однажды был превращен в руины, когда волшебный народец послал тролля, чтобы тот уничтожил Артемиса, старшего сына в семье и гениального преступника. На тот момент этому юноше исполнилось всего двенадцать лет. Однако в последнее время ничего противозаконного в особняке не происходило. Никакой спецназ Нижних Уровней не штурмовал крепостные стены; в подвале не сидела заложница-эльфийка, офицер Подземной полиции; нигде не мелькал настраивающий подслушивающие приборы или тепловые сканеры кентавр. Артемис заключил с волшебным народцем мир и подружился со многими его представителями.

Криминальная деятельность приносила Артемису огромную прибыль, но обходилась ему еще дороже. Люди, которых он любил, теря-

ли рассудок, страдали. Порой их даже похищали. Последние три года, пока он сражался с демонами на Гибрассе, родители считали его погибшим. Вернувшись, потрясенный Фаул обнаружил, что мир, несмотря на его отсутствие, продолжал вращаться, а сам он обзавелся братьями-близнецами двух лет от роду — Беккетом и Майлзом.

ГЛАВА 1

«ЭСПРЕССО» И ПАТОКА

Удобно устроившись в бордовом кожаном кресле, Артемис воззрился на Беккета и Майлза. Маму свалил грипп, папа находился в ее комнате вместе с врачом, поэтому карапузов развлекал старший брат. А что может быть веселее урока!

Сегодня Артемис решил одеться попроще: небесно-голубая шелковая рубашка, светло-серые шерстяные брюки и мокасины от Гуччи. Он зачесал темные волосы назад и постарался придать лицу жизнерадостное выражение, что, как он слышал, очень нравится детям.

— Артемис хочет пи-пи? — Беккет восседал на тунисском ковре в одной перепачкан-

ной травой футболке, которую натянул на колени.

— Нет,— бодро отозвался старший брат.— Просто пытаюсь выглядеть веселым. Разве тебе не положено носить памперс?

— Памперс! — презрительно фыркнул Майлз.

Он еще в четырнадцать месяцев научился обходиться без подгузников, забираясь на сиденье унитаза при помощи лестницы, сложенной из томов энциклопедии.

— Памперс — не! — Беккет надул губы и прихлопнул застрявшую во влажных светлых кудрях еще жужжащую муху.— Беккет ненавидит памперс.

Артемис недоверчиво прищурил глаз. Сомнительно, чтобы няня забыла надеть на брата подгузник, а потому следовало бы задуматься, где сей предмет находится в данный момент.

— Хорошо, Беккет,— продолжил он.— Отложим вопрос о памперсах на потом и займемся сегодняшним уроком.

— На потом — это шоколадки,— заметил Беккет и растопырил пальцы, словно пытаясь дотянуться до воображаемых сладостей.

— Да, конечно. На потом иногда бывают шоколадки.

— И «эспрессо», — добавил Беккет, чьи вкусы по части еды отличались своеобразием: он обожал «эспрессо» в пакетиках и патоку. Желательно, в одной емкости.

Однажды ему удалось сделать несколько глотков этой гремучей смеси, прежде чем у него отобрали чашку. Юный гурман не спал двадцать восемь часов.

— Артемис, давай учить новые слова. — Майлзу не терпелось поскорее вернуться к оставшейся в спальне колбе с плесенью. — У меня сперимент с Профессором Приматом.

Плюшевая обезьяна по имени Профессор Примат являлась непременным участником лабораторных опытов Майлза. Большую часть времени мягкая игрушка проводила в химическом стакане из боросиликатного стекла на *спериментальном* столе, а Артемис перепрограммировал ее голосовой аппарат так, чтобы она отзывалась на голос братишки двенадцатью фразами, включая «Оно живое! Оно живое!» и «Этот день войдет в историю, профессор Майлз».

— Скоро ты сможешь вернуться в свою лабораторию, — пообещал Артемис. Майлз был сделан из того же теста, что и старший брат — прирожденный исследователь. — Итак, ребя-

та, сегодня мы займемся ресторанными терминами.

— Слизняки — они как червяки, — заявил Беккет, не склонный зацикливаться на одной теме.

Артемис не сразу понял, что малыш имел в виду. Никаких червяков в меню, конечно, оказалось не могло — другое дело, улитки.

— Забудь о червяках.
— Забыть о червяках?! — с ужасом переспросил Беккет.

— На время, — успокоил его наставник. — Как только закончим новую игру, можешь думать, о чем угодно. А если будете вести себя хорошо, я отведу вас к лошадкам.

До сих пор единственным видом спорта, удостоившимся благосклонности Артемиса, оставалась верховая езда. Что естественно, ведь основную работу выполняла лошадь.

Беккет указал на себя.

— Беккет, — объявил он с гордостью. Червяки уже превратились в далекое воспоминание.

— Простак, — вздохнул Майлз.

Старший Фаул уже начинал потихоньку жалеть о выбранной им теме урока, однако, раз начав, был решительно настроен продвигаться вперед.

14 • ГЛАВА 1

- Майлз, не называй своего брата простаком.
- Не бойся, Артемис. Ему нравится. Беккет, ты простак?
- Беккет — простак, — с готовностью подтвердил малыш.

Артемис потер руки.

- Хорошо, братья мои. Продолжим. Представьте, что вы сидите за столиком в кафе на Монмартре...

— В Париже, — добавил Майлз, самодовольно поправляя позаимствованный у отца широкий галстук.

— Да, в Париже. И несмотря на все ваши усилия, внимание официанта вам привлечь не удается. Ваши действия?

Близнецы тупо уставились на него. Артемис прикинул, не слишком ли сложную тему он выбрал для урока, и тут же с несказанным облегчением и легкой долей удивления заметил искорку понимания, мелькнувшую в глазах Беккета.

— Гм... сказать Дворецки надавать ему по голове?

Майлз тоже выглядел приятно удивленным.

— Простак прав.

— Нет! — воскликнул Артемис.— Вы просто поднимаете один палец и отчетливо произносите: «*Ici, garçon*»*.

— Ищи чего?

— Что? Нет, Беккет, не «ищи».— Артемис вздохнул.

Невозможно. Просто невозможно. А ведь ему вскоре предстояло объяснить близнецам, что такое флэш-карта, и научить их работать модифицированной лазерной указкой, при помощи которой можно либо выделить слово, либо прожечь несколько стальных пластин — в зависимости от настройки...

— Попробуем вместе. Поднимите один палец и скажите: «*Ici, garçon*». Все вместе...

Малыши с готовностью выполнили просьбу. Все, что угодно, лишь бы доставить удовольствие чокнутому братцу.

— *Ici, garçon*,— произнесли они хором, подняв пухленькие пальчики.

А затем Майлз прошептал, едва шевеля губами, на ухо Беккету:

— Артемис — простак.

Старший брат поднял руки.

---

* Официант, сюда (*фр.*) (Здесь и далее примеч. ред.)

— Сдаюсь. Вы победили, с уроками покончено. Может, порисуем?

— Превосходно! — воскликнул Майлз.— Я нарисую свою колбу.

— А мне не будет уроков? — с подозрением поинтересовался Беккет.

— Нет, не будет.— Артемис в приливе нежности взъерошил волосы младшего брата и тут же пожалел об этом.— Никаких.

— Хорошо. Теперь Беккет доволен. Смотри.— Малыш показал на себя, особо подчеркнув широкую улыбку на чумазом личике.

Войдя в комнату, отец узрел всех троих растянувшихся на полу и перемазавшихся по локти в плакатной краске. После длительного дежурства в качестве сиделки Фаул-старший выглядел несколько утомленным, однако оставался как обычно сильным и подтянутым. Несмотря на искусственную ногу, он двигался так, будто всю жизнь занимался спортом. Биомеханический протез состоял из наращенного обрубка кости, титановых стержней и имплантированных датчиков, реагирующих на сигналы спинного мозга. Иногда, в конце трудного дня, Фаул-старший прикладывал к ноге разогретый в микроволновке мешочек со специ-

альным гелем, чтобы снять напряжение, но в целом вел себя так, словно новая конечность являлась естественной частью организма.

Перепачканный краской Артемис поднялся с пола.

— Я оставил затею научить их французским словам и решил просто поиграть с ними,— сообщил он с улыбкой, вытирая руки.— Удивительно раскрепощает. Рисуем прямо пальцами. Пытался ввернуть небольшую лекцию на тему кубизма, но в награду за старания меня обрызгали краской.

Тут Артемис заметил, что родитель выглядит не просто уставшим. Его что-то явно встревожило.

Оставив братьев, он вместе с отцом отошел к стеллажу с подпиравшими потолок книжными нагромождениями.

— В чем дело? Маме стало хуже?

Положив руку на передвижную стремянку, Фаул-старший перенес вес тела на здоровую ногу. Такого странного лица Артемис у него еще не видел. Нет, отец выглядел даже не беспокоенным. Скорее, напуганным до смерти.

— Папа?

Глава семейства вцепился в ступеньку стремянки с такой силой, что дерево затрещало. Он

собрался было заговорить, но передумал. Теперь занервничал и сам Артемис.

— Отец, ты должен мне все рассказать.

— Конечно,— произнес тот, вздрогнув, будто только сейчас осознал, где находится.— Я должен тебе сказать...

Слеза скатилась по его щеке и упала на рубашку, сделав голубой цвет более темным.

— Помню нашу первую встречу с твоей матерью,— произнес он.— Я был в Лондоне, на частной студенческой вечеринке. Полная комната прохвостов, и я — самый отпетый из них. Арти, она сделала меня другим человеком. Разбила мне сердце, потом снова собрала по кусочкам. Ангелина спасла мне жизнь. А теперь...

Самообладание стремительно покидало Артемиса. Кровь зашумела в ушах атлантическим прибоем.

— Мама умирает? Ты это пытаешься мне сказать?

Сама мысль казалась нелепой. Невероятной.

Отец прищурился, словно пробуждаясь от глубокого сна.

— Нет, если мужчины рода Фаулов хоть на что-то способны, верно, сынок? Настало вре-

мя подтвердить свою репутацию.— Взгляд Артемиса-старшего наполнился отчаянием.— Любыми средствами. Чего бы это ни стоило.

Любими средствами?

«Успокойся,— приказал себе Артемис.— Ты способен все исправить».

Он не обладал всей полнотой информации, но практически не сомневался в своей способности при помощи магии исцелить маму, в каком бы состоянии та ни находилась. Следует заметить, старший наследник семейства Фаулов пока оставался единственным человеком на Земле, в чьем теле жила эта самая магия.

— Папа,— негромко поинтересовался он,— врач уже ушел?

Вопрос на мгновение озадачил Артемиса-старшего.

— Ушел? Ах да! Нет. Он сейчас в холле. Я как раз подумал, что ты захочешь поговорить с ним. Вдруг я что-нибудь упустил...

Артемис не сильно удивился, увидев в холле не семейного врача, а доктора Ганса Шальке, ведущего европейского специалиста по редким болезням. Естественно, отец вызвал Шальке, когда состояние Ангелины Фаул начало ухуд-

шаться. Врач ждал под чеканным гербом рода Фаулов. У ног его, словно верный страж, застыл похожий на гигантского жука саквояж из жесткой кожи. Именитый эскулап завязывал пояс серого плаща и что-то резко выговаривал ассистентке.

В этом человеке все было острым и резким, начиная с треугольных залысин на лбу и заканчивая острыми как бритва гранями скул и носа. Два стеклянных овала увеличивали голубые глаза Шальке, губы рассекали лицо чуть кривоватой щелью и едва шевелились, когда он говорил.

— Все симптомы,— произнес он с легким немецким акцентом.— По всем базам данных, вы поняли?

Ассистентка, изящная молодая дама в дорогом сером костюме, несколько раз кивнула, записывая инструкции при помощи клавиатуры смартфона.

— Университетские тоже смотреть?
— Все,— повторил Шальке, подчеркнув слова резким кивком.— Разве я не сказал «по всем»? Или меня не понимаете вы из-за акцента? Потому что я германец происхождением?
— Простите, доктор,— извинилась ассистентка.— Конечно, по всем.

Артемис подошел к врачу и протянул руку для рукопожатия. Врач не отреагировал на его жест.

— Заражение, мастер Фаул,— констатировал он без тени извинения или сочувствия.— Мы еще не определили, является ли заболевание вашей матери заразным.

Артемис сжал пальцы в кулак и убрал руку за спину. Врач, безусловно, прав.

— Доктор, мы незнакомы. Буду весьма признателен, если вы перечислите симптомы болезни моей матери.

— Хорошо, молодой человек,— раздраженным тоном произнес немец,— но я не привык иметь дело с детьми, поэтому не собираюсь подслащивать горькую правду.

У Артемиса вдруг пересохло в горле.

«Подслащивать горькую правду...»

— Возможно, состояние вашей матери уникально.— Шальке взмахом руки приказал ассистентке удалиться и заняться делом.— Как мне представляется, у нее начинают отказывать внутренние органы.

— Какие именно?

— Все,— отрезал доктор.— Мне необходимо доставить оборудование из Тринити-колледжа. Ваша мать нетранспортабельна, это оче-

видно. До моего возвращения ее будет наблюдать моя ассистентка Имоджин, мисс Бук. Мисс Бук не только мой пресс-агент, но и великолепная сиделка. Полезное сочетание, не так ли?

Краем глаза Артемис заметил, как мисс Бук поворачивает за угол и что-то сбивчиво говорит в смартфон. Оставалось надеяться, что пияница-медсестра в уходе за его матерью проявит больше уверенности.

— Думаю, да. Все внутренние органы? Буквально все?

Шальке не собирался повторять.

— Это напоминает мне волчанку, но в более агрессивной форме и в сочетании со всеми тремя стадиями болезни Лайма. Однажды в Амазонии я наблюдал племя с подобными симптомами, но не настолько ярко выраженными. При такой скорости развития болезни вашей матери осталось жить всего несколько дней. Честно говоря, я сомневаюсь в том, что мы успеем завершить все анализы. Здесь требуется чудо, но я по опыту знаю, что чудесных исцелений не бывает.

— Может, и бывают... — рассеянно отозвался Артемис.

Шальке подхватил саквояж.

— Советую верить в науку, молодой человек,— назидательно произнес он.— Именно наука поможет вашей матери, а не какие-то сверхъестественные силы.

Артемис распахнул перед Шальке дверь. Эскулап спустился по лестнице к винтажному «мерседесу». Серый цвет машины перекликался с мрачными тучами над головой.

«На науку нет времени,— подумал молодой ирландец.— Вся надежда на магию».

Вернувшись в кабинет, он застал отца сидящим на ковре. Беккет, словно мартышка, карабкался по нему.

— К маме можно?

— Конечно. Ступай к ней и постараися разобраться, что к чему. Изучи симптомы для своего проекта.

«Он сказал, моего проекта? — Артемис сперва не поверил собственным ушам.— Похоже, нас ждут тяжелые времена».

У основания лестницы ждал гигант-телохранитель Дворецки в полном доспехе для занятий кэн-до.

— Я был в додзё*, тренировался с голограммой.— За решетчатым забралом шлема угадывались контуры суворого, обветренного лица.— Твой отец позвонил мне и велел немедленно возвращаться. Что происходит?

— Мама,— бросил на ходу Артемис.— Она серьезно заболела. Пойду посмотрю, не могу ли я чем ей помочь.

Дворецки с трудом поспевал за ним, громыхая нагрудной пластиной.

— Будь осторожен, Артемис. Магия — не наука. Ею невозможно управлять. Ты же не хочешь ненароком ухудшить состояние миссис Фаул.

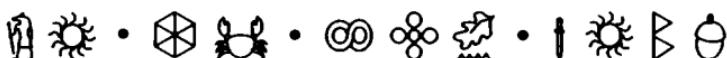
Артемис поднялся на верхнюю площадку парадной лестницы, где располагались спальни, и опасливо протянул руку к бронзовой дверной ручке, словно та находилась под напряжением.

— Боюсь, ухудшить ее состояние невозможно.

Дверь закрылась за Артемисом. Оставшись в одиночестве, телохранитель снял шлем и освободился от нагрудника хон-нури. Традиционные широкие штаны-хакама он не носил, пред-

---

* Зал для упражнений в японских боевых искусствах.

почитая надевать под доспехи обычный тренировочный костюм. Несмотря на пятна пота, темными кляксами расползшиеся по груди и спине, Дворецки проигнорировал желание немедленно отправиться в душ. Он занял пост у двери, с трудом заставляя себя не прислушиваться к тому, что происходит за ней.

Дворецки был единственным человеком, посвященным в волшебные приключения молодого Фаула. Он находился рядом с молодым хозяином во всех его предприятиях, много раз они вместе противостояли людям, и не только в самых разных уголках земного шара. Лишь путешествие сквозь века на остров Гибрас Артемис совершил без него и вернулся оттуда совершенно другим. Для начала, находясь во временному туннеле, юный Фаул и капитан Элфи Малой, сами того не подозревая, обменялись левыми глазами. Кроме того, за время путешествия с Земли на остров демонов и обратно Артемис, уже по своей воле, ухитрился стянуть у представителей волшебного народца, чьи атомы на тот момент перемешались с его собственными, толику магии.

По возвращении домой он первым делом с помощью неодолимых чар *предложил* родителям не думать о том, где их старший сын про-

вел последние три года. Следует признать, спрятано было довольно топорно, поскольку весть об исчезновении Артемиса разнеслась по всему миру и разговоры на данную тему возникали на каждом приеме, где присутствовали Фаулы.

Тем не менее юному гению ничего не оставалось, кроме как обходиться подручной магией — до тех пор, пока не удастся разжиться оборудованием для стирания памяти, применяемым сотрудниками ЛеППРКОНа. Или разработать свое собственное. А еще он *посоветовал* родителям на все вопросы о нем отвечать, что это семейное дело и что они просят уважать неприкосновенность частной жизни.

«Артемис — человек-волшебник, — подумал Дворецки. — Единственный на свете».

Телохранитель сразу догадался, что попытается предпринять хозяин. Без сомнения, молодой Фаул вознамерился прибегнуть к магии. Опасная игра: магия не являлась естественной частью его организма. Сам того не желая, юный человек рисковал заменить один набор симптомов другим.

Он крадучись пробрался в спальню. Близнецы врывались сюда в любое время дня и ночи и под притворное негодование родителей

до умопомрачения брахтались на огромной кровати под балдахином. Сам Артемис никогда такого не устраивал. В его собственном детстве царили порядок и дисциплина.

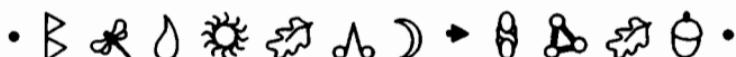
«Всегда стучи в дверь, прежде чем войти,— наставлял отец.— Тем самым ты проявляешь уважение».

С тех пор папа сильно изменился. Семь лет назад, чудом разминувшись со смертью, он осознал, что в этой жизни действительно важно, и теперь был всегда готов покуыркаться среди одеял и подушек с любимыми чадами.

«А мне уже поздно,— вздохнул про себя Артемис.— Я слишком взрослый для детской возни».

С мамой все обстояло иначе. Она никогда не позволяла себе быть неприветливой с сыном, разве только в то время, когда пропал Фаулстарший и ее постигло помрачение рассудка на фоне депрессии. Магия и возвращение любимого мужа избавили Ангелину Фаул от душевного недуга, и она снова сделалась самой собой. По крайней мере, до последнего времени.

Артемис медленно пересек комната. В страхе перед тем, что ему предстояло увидеть, он автоматически перешагивал через вытканные на ковре виноградные лозы.

«Наступил на виноград — до девяти считай подряд».

Детская привычка, старинное поверье, когда-то в шутку поведанное папой. Тем не менее Артемис о нем никогда не забывал и всегда честно отсчитывал положенное число, стоило ему хотя бы кончиком пальца задеть за ветку, вплетенную в общий орнамент.

Окутанная солнечным светом кровать стояла у дальней стены. Слабый ветерок, залетавший в открытое окно, теребил шелковый полог, натягивая его, словно парус пиратского судна.

Материнская рука свесилась вниз. Бледная и тонкая.

Артемиса пронзил ужас. Еще вчера мама чувствовала себя вполне сносно. Слегка хлюпала носом, но в остальном вела себя как обычно. Всегда ласковая и веселая.

— Мама! — выпалил он, увидев ее лицо.

Крик вырвался сам собой, будто от удара под дых.

Невероятно: всего за сутки Ангелина Фаул стала похожа на скелет. Скулы заострились, глаза глубоко запали в темные глазницы.

«Спокойно,— приказал себе Артемис.— Несколько коротких мгновений, и она поправится. Что с ней произошло, я потом разберусь».

Прекрасные вьющиеся волосы Ангелины Фаул теперь напоминали паутину. Хрупкими, ломкими прядями они разметались по подушке. От кожи исходил странный запах.

«Лилии. Приторно-сладкий душок с примесью запаха болезни».

Глаза мамы вдруг распахнулись, круглые от ужаса. Выгнувшись дугой, она пыталась втянуть воздух сквозь отекшую горлышко. Скрюченные пальцы бессмысленно цеплялись за пустоту. Затем Ангелина так же резко обмякла, и Артемису на миг показалось, будто она умерла.

Наконец ее веки затрепетали, и она протянула руку к сыну.

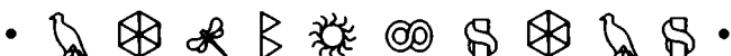
— Арти,— прошептала мама еле слышно.— Мне снится очень странный сон.

Даже столь короткая фраза далась ей с невыносимым трудом — перед каждым словом больная судорожно втягивала в себя воздух.

Артемис бережно сомкнул пальцы вокруг материнской кисти. Рука ее оказалась необычайно тонкой. Лишь кожа и кости.

— Или, может быть, я бодрствую и сном была моя другая жизнь...

Слова Ангелины отдались в сердце Фаула-младшего едва ли не физической болью, напо-

мнив ему о тех страданиях, которые матери пришлось перенести.

— Ты не спиши, и я рядом с тобой. У тебя просто легкий жар и небольшое обезвоживание. Ничего страшного.

— Как я могу не спать, Арти,— глаза Ангелины, обведенные черными кругами, смотрели на удивление спокойно,— если чувствую, что умираю. Разве можно бодрствовать, когда умираешь?

Напускная невозмутимость Артемиса испарилась окончательно.

— Это просто... температура,— пробормотал он.— Все кажется немного странным. Ты скоро поправишься. Я обещаю.

Мама закрыла глаза.

— Мой сын всегда выполняет обещания, я знаю. Арти, где ты был все эти годы? Мы так волновались. Почему тебе не семнадцать лет?

Охваченная лихорадкой, Ангелина Фаул разглядела правду сквозь пелену магии. Она снова помнила об исчезновении Артемиса на три года и о возвращении его не повзрослевшим и на день.

— Мне — четырнадцать, мама, уже почти пятнадцать, и я останусь таким на некоторое

время. А теперь закрой глаза, а когда ты их откроешь, все будет хорошо.

— Что ты сделал с моими мыслями? Где ты этому научился?

Фаул-младший взмок. Жаркий воздух, пропитанный запахом болезни, усиливал его тревогу.

«Она знает. Мама знает. А вдруг после исцеления она вспомнит вообще все?»

Неважно. С этим можно будет разобраться по ходу дела. Сейчас Артемиса волновало только ее здоровье.

Он мягко сжал хрупкую руку Ангелины, ощущив ладонью, как трутся друг о друга ее высохшие кости. Второй раз в жизни Фаул-младший собирался подвергнуть мать воздействию магии.

Волшебство не входило в число врожденных способностей Артемиса, и каждый раз, прибегая к нему, он страдал от кинжалных приступов головной боли. Фаул-младший по-прежнему оставался человеком, однако теперь на него распространялись определенные правила, касающиеся обладателей магии. Например, прежде чем войти в жилище без приглашения, он всегда принимал таблетки от морской бо-

лезни. В полнолуние Артемис нередко запирался в библиотеке и включал музыку на полную громкость, дабы заглушить голоса, переполнявшие изнутри черепную коробку. Вместе с магией ему досталась родовая память бесчисленных поколений волшебного народа, чье присутствие выражалось наплывами беспорядочных эмоций, оканчивавшимися непременной мигренью.

Порой Артемиса терзали сомнения, не совершил ли он роковую ошибку, похитив магию, однако в последнее время симптомы исчезли. Мигрени и тошнота прекратились. Возможно, его мозг приспособился к перегрузкам, вызванным превращением в волшебное существо.

Итак, он мягко сжал хрупкую руку Ангелины, закрыл глаза и избавился от лишних мыслей.

«Магия, только магия».

Магия — дикая сила, плохо поддающаяся обузданию. Позволь себе Артемис перескакивать с одной мысли на другую, магия последовала бы его примеру. В таком случае, открыв глаза, он имел все шансы обнаружить маму по-прежнему одержимой болезнью, но, скажем, с волосами другого цвета.

«Исцеляй,— приказал себе Артемис.— Выздоровливай, мама».

Магия отзывалась на его призыв. Она с гудением устремилась по руке, вызвав легкое покалывание во всем теле. Вокруг запястья возникло кольцо из синих искр, юрких, будто стайки крошечных рыбешек. Они казались живыми.

Артемис сосредоточился на воспоминаниях. Раньше мама была другой. Кожа ее излучала здоровье, глаза сияли от счастья. Он слышал мамин смех, ощущал прикосновение ее рук. Вспоминал силу любви Ангелины Фаул к семье.

«Я хочу, чтобы было так».

Наконец искры уловили желание целителя. Они потекли к больной, проникая сквозь кожу ладони и запястья, опутывая исхудалые руки. Артемис увеличил энергию, и стайки синих огоньков потоком хлынули из его пальцев в тело матери.

«Исцеляй,— думал он.— Выгоняй болезнь».

Артемису уже доводилось применять магию, но на этот раз все обстояло иначе. Он чувствовал сопротивление, словно организм Ангелины не желал исцеляться, отвергая все усилия Фаула-младшего. Искры, пробегая по высохшей коже, мигали и с шипением гасли.

«Еще! — потребовал он.— Больше!»

Артемис напряг все силы. В глазах почернело от головной боли, а горло распирало от подступавшей тошноты. Не обращать внимания!

«Выздоравливай, мама».

Магическая паутина опутала Ангелину, как египетскую мумию, проникла под ее тело, вознесла над постелью на несколько ладоней. Мать дрожала и стонала, пар валил из пор ее кожи в тех местах, где по ней пробегали синие искры.

«Ей больно.— Артемис чуть приоткрыл один глаз.— Она ужасно мучается, но я уже не могу остановиться».

Из самых глубин своего естества он извлекал последние капли волшебной силы.

«Все. Отдай ей все до последней искры».

Магия не принадлежала ему по праву рождения. Он украл ее, а теперь избавлялся от украшенного сокровища, отдавая всё без остатка ради исцеления родного человека. Тем не менее все его старания оказались тщетны. Более того, болезнь усиливалась. Она не подпускала синие волны, лишала искры живого цвета и отбрасывала к потолку.

«Что-то не так.— Во рту появился явственный привкус желчи. Страшная боль пронзила лоб над левым глазом.— Так не должно быть».

Последняя капля магии покинула его. Артемиса отшвырнуло назад. Он кубарем прокатился по полу и ткнулся в кушетку. Ангелину Фаул сотряс последний спазм, затем тело больной, окутанное странной густой слизью, рухнуло на постель. Синие искры, мигнув последний раз, гасли в толстом, но прозрачном слое этой слизи, испарявшейся так же быстро, как и возникла.

Артемис лежал, обхватив голову руками, не способный ни шевелиться, ни думать, и ждал, когда утихнет кипевший в мозгу хаос. Каждый вздох отдавался в черепе гулким скрежетом. Наконец боль отступила в область воспоминаний, а спутанные слова начали складываться в предложения.

«Магии больше нет. Всё. Я стал обычным человеком».

Затем раздался скрип двери. Открыв глаза, Артемис увидел лица отца и Дворецки, в испуге склонившихся над ним.

— Мы услышали грохот. Похоже, ты упал.— Фаул-старший, придерживая сына за локоть, помог ему подняться.— Не стоило отправлять тебя сюда одного. Просто подумалось, вдруг ты сможешь что-нибудь сделать. Я знаю, у те-

бя есть определенные способности. Надеялся...— Он поправил рубашку Артемиса и похлопал его по плечу.— Очень глупо с моей стороны.

Сбросив отцовскую руку, Фаул-младший еле-еле добрел до ложа матери. Ноги почти не слушались.

Одного взгляда хватило, чтобы подтвердить его наихудшие опасения: попытка исцелить маму при помощи магии успехом не увенчалась. Щеки Ангелины Фаул не порозовели, дыхание не выровнялось.

«Ей стало хуже. Что я натворил!»

— Что же это? — ахнул отец.— Что же с ней творится? Если так пойдет и дальше, меньше чем через неделю моя Ангелина...

— Нельзя сдаваться, джентльмены,— резко перебил его Дворецки.— У нас у всех остались кое-какие связи из прошлой жизни, способные пролить свет на состояние миссис Фаул. В другой ситуации мы бы предпочли не иметь дела с этими личностями, но теперь нам придется найти их и доставить сюда. Такие мелочи, как паспорта и визы, нас волновать не должны.

Артемис-старший закивал, сначала медленно, потом с большим энтузиазмом.

— Да. Да, черт побери! Еще не все потеряно. Моя Ангелина не привыкла сдаваться, правда, любимая?

Он взял жену за руку, нежно, словно ее тонкие пальцы изваяли из тончайшего хрусталия. Больная не отреагировала ни на его голос, ни на прикосновение.

— По поводу фантомных болей в моей ноге мы обращались почти ко всем мастерам нетрадиционной медицины в Европе. Может, кто-то из них сумеет нам помочь.

— А я знаю одного человека в Китае,— подхватил Дворецки.— Он работал с мадам Ко в Академии. Просто кудесник, когда дело касается лечебных трав. Жил в горах. Никогда не выезжал за пределы провинции, но для меня сделает все.

— Отлично,— произнес Фаул-старший.— Чем больше вариантов, тем лучше.— Он повернулся к сыну.— Послушай, Арти, может, и ты найдешь, кого подключить? Кого угодно. Хотя бы даже знакомых из какой-нибудь подпольной организации?

Рассеянно потеребив перстень, который с некоторых пор всегда носил на среднем пальце, Артемис сжал кулак. Довольно аляповатое юве-

лирное изделие, словно невзначай развернутое в противоположную сторону, прижалось камнем к ладони. На самом деле под видом дорогой безделушки Фаул-младший носил при себе портативное средство связи с волшебным народцем.

— Да,— вздохнул он.— У меня имеются кое-какие выходы на подполье.

Минуту спустя Фаул-младший вышел из кабинета и направился к выходу.

Следом за ним вышли Фаул-старший и Фаул-младший.

Фаул-старший, несмотря на то что был старше Фаула-младшего на восемьдесят лет, был вдвое выше его.

Фаул-старший был одет в костюм из темного шелка, а Фаул-младший — в костюм из белого шелка.

Фаул-старший был одет в костюм из темного шелка, а Фаул-младший — в костюм из белого шелка.

Фаул-старший был одет в костюм из темного шелка, а Фаул-младший — в костюм из белого шелка.

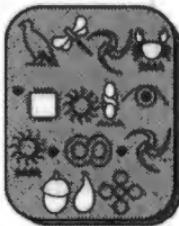
Фаул-старший был одет в костюм из темного шелка, а Фаул-младший — в костюм из белого шелка.

Фаул-старший был одет в костюм из темного шелка, а Фаул-младший — в костюм из белого шелка.

ГЛАВА 2

САМЫЙ БОЛЬШОЙ В МИРЕ

Бухта Хельсинки, Балтийское море

Огромное морское чудовище, кракен, простерло к поверхности океана ребристые щупальца. Вслед за ними подтянулось и обрюзгшее тело. Единственный глаз бешено вращался в глазнице, а широко распахнутый изогнутый клюв размером с нос шхуны гнал потоки воды к пульсирующим жабрам.

Кракен был голоден, и за все время пути из глубины наверх, к туристическому парому, в его крошечном мозгу нашлось место только для одной мысли: «Убить... убить... УБИТЬ...»

— Чушь троллячья,— фыркнула капитан Подземной полиции Элфи Малой, отключив в шлеме трансляцию аудиофайла.— Во-первых, у кракена нет никаких щупальцев, а что касается «убить-убить-убить»...

— Знаю,— раздался в наушниках голос Жеребкинса, через коммуникатор руководившего выполнением задания.— Просто мне показалось, что этот отрывок тебя позабавит. Не забыла еще, как смеялась?

Элфи смеялась вовсе не собираясь.

— Это такично для людей. Взять что-нибудь абсолютно естественное и придать ему демонический облик. Кракены — воплощение спокойствия, а люди превратили их в каких-то кровожадных гигантских кальмаров. «Убить-убить-убить»! Лучше избавь меня от этого.

— Перестань, Элфи. Обычное бульварное чтиво. Сама знаешь, как вершки умеют фантазировать. Успокойся.

Жеребкинс прав. Если переживать всякий раз, когда люди изображают какое-либо из мифических существ в неверном свете, придется полжизни пребывать вне себя. За многие столетия волшебный народец изредка попадался на глаза вершкам, и те всегда исказали истину до неузнаваемости.

«Хватит об этом. Есть ведь и приличные люди. Вспомни Артемиса и Дворецки».

— А ты видел человеческие фильмы о кентаврах? — поддела она собеседника по ту сторону коммуникатора. — Они там такие благородные и лихие. Как гаркнут: «Мой меч к вашим услугам, ваше величество!» — и тут же галопом скачут драться. Подтянутые кентавры — вот это действительно смешно!

В нескольких тысячах миль от нее, под Ирландией, в недрах земной мантии технический консультант Подземной полиции погладил себя по животу.

— Элфи, ты меня обижашь. А Кобыллине мое пузико нравится.

Пока Элфи с Артемисом спасали демонов на Гибрассе, Жеребкинс успел жениться. «Надел хомут», как это называли сами кентавры. Многое изменилось за прошедшие три года, и порой капитану Малой приходилось нелегко. Жеребкинс все свободное время проводил с новоиспеченной супругой, а старого друга Элфи, Трубу Келпа назначили командующим Подземной полицией. Сама же она вернулась в разведку и теперь служила в оперативной группе Krakенского Дозора.

— Прости, дружище, — вздохнула капитан Малой. — Свинство с моей стороны так шутить. Мне тоже нравится твое пузико. Жаль, я не видела его перетянутым свадебным шарфом.

— Ничего. В следующий раз.

Эльфийка улыбнулась.

— Обязательно.

Согласно древней традиции, кентавры могли иметь несколько жен, но Кобыллина придерживалась современных взглядов. Элфи глубоко сомневалась в том, что супруга Жеребкинса потерпит присутствие еще одной дамы в стойле.

— Не волнуйся, я пошутил.

— Надеюсь, потому что на этих выходных мы с Кобыллиной договорились встретиться в оздоровительном центре.

— Как тебе новое снаряжение? — поспешил сменить тему Жеребкинс.

Элфи широко раскинула руки, ловя кончиками пальцев стремительный трепет ветра. Внизу сине-белыми полосами проносилось Балтийское море.

— Замечательно, — ответила она. — Просто чудесно.

Капитан ЛеППРКОНа Элфи Малой лениво описывала широкие круги над Хельсинки, с наслаждением вдыхая врывавшийся в шлем чистый воздух Скандинавии.

Едва пробило пять утра по местному времени, и первые лучи восходящего солнца играли на золоченой луковице Успенского собора. Знаменитый городской рынок уже расчертчили вдоль и поперек снопы света автомобильных фар: продавцы спешили занять места за прилавками. Самые ретивые чиновники подъезжали к сине-серому фасаду здания ратуши.

Однако цель Элфи находилась на некотором расстоянии от того места, где вскоре предстояло развернуться оживленной торговле. Капитан Малой шевельнула пальцами, и датчики, размещенные в перчатках, мгновенно преобразовали движения в сигналы управления механическими крыльями за спиной, направив ее вниз по спирали к расположенному в полумиле от порта островку Уунисаари.

— Контактные датчики работают прекрасно,— доложила она.— Воспринимают малейшее движение.

— Ты стала птицей, насколько это возможно без интегрирования,— прокомментировал Жеребкинс.

— Спасибо, как-нибудь обойдусь.— Элфи передернула плечами. Летать она любила, но не настолько, чтобы позволить полицейскому хирургу набить ее мозжечок имплантатами.

— Очень хорошо, капитан Малой.— Жеребкинс перешел на деловой тон.— Последняя проверка. КОП, пожалуйста.

Термин «КОП» в разведке обозначал ряд тестов, предписываемых оперативнику непосредственно перед входом в зону проведения операции. Крылья, Оружие, Пути отступления.

Элфи пробежала глазами по прозрачным мониторам вывода информации, расположенным на забрале шлема.

— Блок питания полностью заряжен. Индикаторы оружия — зеленые. Крылья и костюм полностью функциональны. Красные индикаторы отсутствуют.

— Превосходно,— сказал Жеребкинс.— Проверено, проверено и проверено. Наши показания совпадают.

Элфи услышала, как кентавр защелкал клавишами, вводя данные о предстоящей операции. Все знали о его пристрастии к старомодным клавиатурам, хотя он сам недавно запатентовал исключительно эффективную виртуальную — виратуру.

— Элфи, не забывай, у нас обычное рутинное задание. Просто спустись вниз и проверь состояние датчика. Этим штуковинам почти двести лет, и проблема, скорее всего, заключается в банальном перегреве. Тебе надо только отправиться туда, куда я скажу, и сделать то, что я скажу. Никакой беспорядочной пальбы. Понятно?

Элфи фыркнула.

— Теперь я понимаю, почему Кобыллина в тебя влюбилась. Она не устояла перед твоим обаянием.

Жеребкинс тихо заржал.

— Я больше не встаю на дыбы по любому поводу. Женитьба сделала меня мягче.

— Мягче? Если ты проведешь десять минут в одной комнате с Мульчем и не начнешь бить копытом, я в это, пожалуй, поверю.

Гном Мульч Рытвинг успел побывать Жеребкинсу и Элфи и врагом, и партнером, пока наконец не сделался другом. Самое большое удовольствие в жизни он получал, набивая брюхо, а также доводя своих многочисленных врагов, партнеров и друзей до белого каления.

— Ну, для достижения такой мягкости потребуется несколько лет супружеской жизни. А лучше несколько веков.

Окаймленный белоснежной пеной прибоя остров занимал уже почти весь экран. Как бы Элфи ни хотелось еще покружить в небе и потрепаться со старым другом, настала пора прекратить болтовню и приступить к выполнению задания. А ведь они разговаривали по-настоящему едва ли не впервые после ее возвращения с Гибраса. Жеребкинс продолжал жить своей жизнью, для Элфи же три года отсутствия проскочили в несколько часов. Она совсем не постарела, но все же считала это время украденным у нее. Полицейский психиатр сказал бы, что капитан Малой страдает от депрессии, вызванной смещением внутренних координат из-за перемещения во времени, и выписал бы тонизирующие инъекции. Впрочем, Элфи доверяла уколам счастья ничуть не больше, чем мозговым имплантатам.

— Захожу на цель,— доложила она.

Первую сольную операцию после возвращения с острова демонов следовало выполнить безупречно. Пусть это всего лишь Krakenskij Dzozor.

— Понял тебя,— ответил Жеребкинс.— Датчик видишь?

На острове располагались четыре биодатчика, передававшие информацию на Polis-Пла-

за. Три индикатора пульсировали мягким зеленым светом на дисплее забрала. Четвертый горел красным. Тому могли быть разные причины, но в любом случае все показатели существенно превышали норму. Температура, частота сердечных сокращений, мозговая активность — все достигло опасного уровня.

— Вероятно, он действительно неисправен, — хмыкнул Жеребкинс. — Иначе показания остальных датчиков выглядели бы по-другому.

— Вижу его. Отчетливый сигнал.
— Хорошо, включи экран и иди на сближение.

Элфи сильно, до хруста шейных позвонков, крутанула головой влево, вводя себя в магическое состояние. На самом деле необходимость в подобном движении отсутствовала, поскольку магия являлась по большей части функцией мозга, но у всех подземных жителей имелись собственные приемы ее активации. Через мгновение эльфийка ощущила, как тело, наливаясь волшебной силой, начинает вибрировать так быстро, что глаза не в состоянии его увидеть. Костюм определил частоту вибрации и усилил ее настолько, что для закрепления эф-

фекта хватило одной-единственной искорки магии.

— Я невидима и приближаюсь к цели,— доложила она.

— Понял,— ответил кентавр.— Элфи, будь осторожна. Запись будет просматривать сам майор Келп, поэтому постарайся не нарушать правила.

— Хочешь сказать, что иногда я позволяю себе отступать от буквы устава? — Судя по тону капитана Малой, одно лишь упоминание о подобной возможности приводило ее в ужас.

Жеребкинс хихикнул.

— Ну, скорее всего, у тебя и самого-то устава нет. А если и есть, то ты вряд ли когда-нибудь открывала его.

«Угадал»,— подумала Элфи и устремилась к поверхности Уунисаари.

Самыми крупными млекопитающими на Земле принято считать китов. Но это неверно. Кракен может достигать пяти миль в длину и играет важную роль в скандинавских легендах начиная с тринадцатого века, когда в саге об Орваре-Одде впервые упоминается вызывающий ужас лингбакр. Ранние описания кра-

кена являются наиболее точными: морское животное размером с небольшой остров, причем опасность для кораблей представляет не само существо, а водоворот, возникающий при стремительном погружении кракена в океан. Но к Средним векам легенда о кракене смешалась с легендой о гигантском кальмаре, причем каждому существу приписывали самые ужасные черты другого. Кальмара изображали огромным как гора, у мирного кракена отросли щупальца и развилась кровожадность, достойная самой прожорливой акулы.

Сложно нарисовать картину, более далекую от истины. Кракен — безобидное создание, главными средствами защиты для него являются размеры и прочная броня. Газовая и жировая прослойки окружают мозг размером с небольшую дыню — его вполне достаточно, чтобы животное осознавало необходимость кормиться, ну и когда-нибудь сбросить панцирь. Под коркой скал, водорослей и кораллов кракен более всего напоминает обычный морской желудь, правда, в его скорлупе легко поместится олимпийский стадион или даже два.

Благодаря невероятно медленному обмену веществ и огромной сети вспомогательных систем, окружающих уязвимые центры, срок

жизни кракена составляет несколько тысяч лет. Селиться эти существа предпочитают в богатой кормом или магией местности и остаются на месте, пока не иссякнет то или другое. Расположение в центре архипелага, желательно рядом с человеческим портом, обеспечивает им не только хорошую маскировку, но и богатый источник корма. Именно поэтому кракенов чаще всего можно обнаружить в подобных местах: присосавшись, подобно гигантским моллюскам, ко дну, они фильтруют жабрами городские отходы и перерабатывают их в метан в огромных желудках. Впрочем, городские отходы являются не только спасением, но и проклятием кракенов, ибо чрезвычайно высокое содержание токсинов в рационе лишает гигантов способности к размножению, и в настоящее время в океане осталось не более полудюжины этих древних существ.

Кракен, к которому направлялась Элфи, считался патриархом. Судя по отметинам на панцире, старику Ракушке, как любовно называл его малочисленный Кракенский Дозор, перевалило за десять тысяч лет, а начиная с шестнадцатого века он выдавал себя за островок в бухте Хельсинки, правда, город тогда назывался Гельсингфорсом.

Все это время Ракушка в основном ел, спал и не испытывал ни малейшего стремления к миграции. Любая потребность к перемещению, если таковая и возникала, притуплялась сточными водами лакокрасочного завода, выстроенного у него на спине около ста лет назад. По всем параметрам кракен пребывал в состоянии кататонии, и за последние пятьдесят лет были зарегистрированы всего два крупных выброса метана. Короче, наиболее вероятной причиной красного цвета индикатора следовало считать обычное замыкание старых проводов, разомкнуть которые Элфи скорее всего и предстояло. Стандартное задание после возвращения на службу. Никакой опасности, никакой срочности и крайне низкая вероятность обнаружения.

Капитан Малой, выставив ладони против ветра, снижалась до тех пор, пока подошвы ее ботинок не коснулись крыши небольшого ресторана. На самом деле Уунисаари — это не один, а два острова, соединенных небольшим мостом. Один настоящий, а второй — присоединившийся к скале Ракушка. Элфи быстро произвела тепловое сканирование и не обнаружила ничего, кроме нескольких грызунов и сауны, наверняка работавшей в режиме автоматического прогрева.

Капитан взглянула на дисплей, дабы определить точное местонахождение датчика. Как оказалось, тот находился на глубине четырех метров, чуть ниже каменистого выступа.

«Под водой. Естественно».

Спланировав к морской поверхности, она сложила крылья и ногами вперед вошла в балтийские волны, одновременно слегка изогнув корпус, дабы всплеск получился как можно менее шумным. Впрочем, прислушиваться все равно было некому. Сауна и ресторан открывались лишь в восемь утра, а ближайшие рыбаки покачивали удилищами, будто пустыми флагштоками, на материковом берегу.

Элфи продула шлем, уменьшая плавучесть, и нырнула. Согласно показаниям дисплея, температура воды не превышала десяти градусов, но защитный костюм надежно защищал эльфийку от переохлаждения и даже компенсировал небольшое повышение давления.

- Используй криммеры,— раздался кристально чистый голос Жеребкинса в вибрационных блоках над ее ушами.
- Прочь из моей головы, кентавр.
- Повторяю, используй криммеры.
- Мне не нужны маркеры. Датчик прямо передо мной.

Жеребкинс вздохнул.

— Значит, они умрут, так и не выполнив свою задачу.

Кодированные радиационные маркеры представляли собой микроорганизмы, обработанные излучением той же частоты, что и искомый объект. При точном указании параметров в мастерской Жеребкинса они безошибочно вели прямо к цели. Правда, всего в двух шагах от поискивавшего на дисплее датчика необходимость их применения выглядела некоторым излишеством.

— Ладно,— простонала Элфи.— Просто не люблю, когда из меня делают подопытное животное.

Она открыла водонепроницаемый клапан на перчатке и выпустила в воду облачко светящихся оранжевых существ. На мгновение они собрались вместе, затем устремились к датчику.

— Плавают, летают, роют землю,— выдохнул изумленный собственным достижением Жеребкинс.— Да хранят небеса их крошечные души.

Криммеры оставили за собой светящийся оранжевый след, по которому и поплыла Эл-

фи. Обогнув острый каменистый выступ, она обнаружила сам датчик. Светящиеся микроорганизмы суетливо очищали его от растений.

— Ну, ведь удобно же? Скажешь, они не помогают оперативнику в его нелегком труде?

Они, конечно, помогали, учитывая, что воздуха у Элфи осталось всего на десять минут, но Жеребкинс и так слишком важничал.

— Лучше бы выдал мне шлем с жабрами, раз уж знал, что датчик находится под водой.

— Воздуха достаточно,— возразил кентавр.— Тем более, криммеры расчищают для тебя рабочее место.

Микроорганизмы поглощали водоросли и растворяли мелкие камни, пока наконец датчик не засверкал, словно в тот день, когда сошел с конвейера. Закончив работу, крошечные существа, мигнув напоследок, умирали и с легким шипением таяли в воде. Элфи включила фонари на шлеме, направив оба луча на прибор, изготовленный из прочного сплава. Размерами и формой он более всего походил на банан, покрытый электролитическим гелем.

— Благодаря Рақушке вода достаточно прозрачная. Я получаю изображение вполнеличного качества.

Элфи, повысив плавучесть защитного костюма до нейтральной, замерла в воде, насколько это было возможно.

— Ну, что ты видишь?

— То же, что и ты,— ответил кентавр.— Датчик с мигающим красным индикатором. Если дотронешься до экрана, я сниму некоторые показания.

Элфи коснулась ладонью гелевого слоя, и многоцелевой датчик в перчатке синхронизировался со старинным прибором.

— Жеребкинс, не забывай, осталось девять с половиной минут.

— Я тебя умоляю,— с усмешкой произнес кентавр.— За девять с половиной минут я успею откалибровать целую флотилию спутников.

Да уж, с него станется... Капитану Малой осталось лишь дождаться, пока ее шлем завершит системную проверку датчика.

— Ммм,— произнес через тридцать секунд Жеребкинс.

— Ммм?! — с некоторым беспокойством переспросила Элфи.— Не мычи, кентавр. Порази меня научными терминами, только не мычи.

— Судя по всему, датчик в полном порядке. Находится в поразительно исправном состоянии. А это значит...

— Что неисправны три других датчика,— сделала вывод Элфи.— Где твоя хваленая гениальность?

— Не я их придумывал,— обиженным тоном произнес Жеребкинс.— Это работа Опал Кобой.

Элфи вздрогнула всем телом. В свое время ее заклятый враг — пикси по имени Опал Кобой прославилась как один из самых одаренных изобретателей волшебного народца. Правда, затем она предпочла заняться противозаконной деятельностью, вознамерившись стать владычицей всего мира. Сейчас пикси находилась в специально сконструированной одиночной камере, исполненной в виде куба, подвешенного в Атлантиде, и занималась тем, что бомбардировала политиков письмами, умоляя о досрочном освобождении.

— Прости, дружище, что я позволила себе усомниться в твоих исключительных способностях. Полагаю, необходимо проверить остальные датчики. Надеюсь, они расположены над уровнем моря.

— Ммм,— снова отозвался Жеребкинс.

— Прошу тебя, перестань. Должна же я проверить оставшиеся датчики, раз уж оказалась здесь.

Последовала пауза — Жеребкинс запрашивал доступ к другим файлам. Наконец он заговорил отрывистыми фразами, одновременно просматривая полученную информацию.

— Оставшиеся датчики... в данный момент... не являются неотложной проблемой. Надо выяснить, почему поступает аварийный сигнал... именно от этого датчика. Сейчас посмотрю... возникала ли когда-нибудь подобная ситуация.

Элфи оставалось лишь поддерживать контакт с прибором, чуть подгребая ногами и не спуская глаз с показаний счетчика воздуха на дисплее.

— Так,— подал голос Жеребкинс.— Есть только две причины для подачи кракеном аварийного сигнала. Первая: у Ракушки должен родиться детеныш, что совершенно невозможно, ибо он — бесплодный самец.

— Остается вторая,— подытожила Элфи, заранее уверенная, что эта вторая причина ей не понравится.

— И вторая... он сбрасывает панцирь.

Капитан Малой с облегчением закатила глаза.

— Сбрасывает панцирь. Звучит не слишком страшно.

— Ну-у, на самом деле все немного страшнее, чем звучит.

— Что значит «немного»?

— Почему бы не обсудить данный вопрос, когда ты уже улетишь оттуда? И чем скорее, тем лучше.

Элфи не требовалось повторять дважды. Если Жеребкинс рекомендует офицеру сматываться *перед* тем, как прочесть одну из своих обожаемых лекций, значит, положение действительно серьезное. Она широко раскинула руки. Крылья за спиной тут же повторили ее движение.

— Контакт,— произнесла эльфийка, выбросив ладони вверх.

Мгновенно сработавшие двигатели, вспенив воду, вознесли ее над поверхностью Балтийского моря. Костюм высох почти сразу, поскольку влага скатывалась с водоотталкивающего материала, а последние капли и вовсе сдуло. Подгоняемая беспокойством в голосе Жеребкинса, она за несколько секунд поднялась на сотню метров.

— Кракен сбрасывает панцирь лишь единожды. Согласно имеющимся данным, Ракушка менял его порядка трех тысяч лет тому назад, и мы решили, что на этом все закончилось.

— Тогда в чем дело?

— Судя по всему, он прожил достаточно долго, чтобы повторить процедуру.

— И почему нас это так волнует?

— Нас это так волнует потому, что кракен сбрасывает панцирь посредством взрыва. Новый панцирь уже образовался, и Ракушка избавится от старого, взорвав слой насыщенных метаном клеток под ним.

— Ты хочешь сказать, Ракушка громко пукнет? — уточнила Элфи, дабы убедиться, что правильно поняла услышанное.

— Громко — не то слово. Он накопил столько метана, что Гавани бы на год хватило. Такого пуха не случалось со времен последнего племенного собрания гномов.

На дисплее появилась компьютерная модель взрыва. Для большинства подземных жителей изображение выглядело бы размытым пятном, но офицерам Подземной полиции пришлось выработать умение одновременно четко видеть дисплей и место, к которому они направляются.

Когда, судя по картинке, Элфи оказалась далеко за пределами предполагаемой зоны распространения ударной волны, она опустила ноги и, набрав высоту по широкой дуге, развернулась лицом к кракену.

— Мы ничего не можем сделать?

— Ну, разве что пару снимков. Слишком поздно. Осталось всего несколько минут. Внутренний панцирь Ракушки уже нагрелся до температуры горения, поэтому советую опустить светозащитный фильтр и насладиться представлением.

Элфи опустила фильтр.

— Эта новость разнесется по всему миру. Острова просто так не взрываются.

— Взрываются. Сейсмическая активность, утечки газа, химические аварии. Поверь мне, если вершки чему и научились, так это объяснять, почему произошел взрыв. Американцы придумали «Зону Пятьдесят один»* только потому, что сенатор воткнулся в гору на реактивном самолете.

— Материку опасность не угрожает?

* «Зона 51» — неофициальное название военного полигона в США, где якобы в строжайшей тайне хранилось то, что осталось после крушения НЛО.

— Скорее всего, нет. Разве что мелкие осколки долетят.

Элфи расслабилась, предоставив крыльям поддерживать тело в воздухе. Она не могла и не должна была ничего делать. Разворачивался вполне естественный процесс, и кракен, в конце концов, имел полное право сменить панцирь.

«Взрыв метана. Мульч бы скакал от восторга».

С недавних пор Мульч Рытвинг, на пару с пикси Штукой Фартом, заправлял частным детективным агентством в Гавани. В свое время гном и сам неплохо повеселился с метаном.

В одном из окон теплового сканирования едва заметно запульсировало красное пятно. На острове присутствовали живые существа, не грызуны и не насекомые. Несколько человек.

— Жеребкинс, там кто-то есть.

Несколько раз моргнув, Элфи изменила формат окна, пытаясь определить источник сигнала. Внутри сауны она различила четыре горячих тела.

— Жеребкинс, сауна! Как мы их не заметили?

— Их тела по температуре не отличались от кирпичных стен,— ответил кентавр.— А сейчас, полагаю, один из вершков открыл дверь.

Элфи включила шестикратное увеличение и сразу же заметила, что дверь в сауну приоткрыта и сквозь щель на улицу клубами валит пар. Здание остыпало быстрее человеческих тел, и теперь они отчетливо отображались на дисплее сканера.

— Что делают здесь эти вершки? Ты говорил, что все закрыто до восьми часов.

— Не знаю, Элфи, и знать не могу. Это же люди. Они непредсказуемы, как демоны в полночь.

Не имело смысла выяснять, почему люди оказались здесь, да это и не играло особой роли. Времени оставалось в обрез.

— Жеребкинс, я возвращаюсь.

Кентавр направил камеру на себя, передавая в шлем капитана Малой свое изображение в режиме реального времени.

— Элфи, внимательно посмотри на меня. Какое у меня лицо? Правильно, суровое. Не делай этого. Не возвращайся на остров. Люди гибнут каждый день, и мы не вмешиваемся. ЛеППРКОН никогда не вмешивается.

— Я знаю правила.— Элфи отключила звук.

«Ну вот, снова конец моей карьере», — печально подумала она, настраивая крылья на крутое пике.

В предбаннике сидели четверо весьма довольных мужчин. Еще бы — им снова удалось перехитрить островное начальство и насладиться бесплатной сауной до начала рабочего дня. Один из них, служивший на Уунисаари охранником, имел доступ к ключам и небольшой плоскодонке с пятисильным мотором. На ней-то он и переправил на остров своих друзей, а также ящик пива «Карелия».

— Славно нынче протопили, — заметил один.

Другой протер запотевшие очки.

— А по мне, так жарковато. Даже ногам горячо.

— Прыгни в Балтику, — посоветовал охранник, обиженный тем, что приятель не оценил его старания. — Охлади свои бедные пальчики.

— Плюнь ты на него, — произнес четвертый, застегивая ремешок часов на руке. — У него слишком чувствительные ступни. Вечно ему то жарко, то холодно.

Мужчины, друзья детства, смеялись и потягивали пиво. Однако смех и возлияния резко прекратились, когда часть крыши, озарив-

вшись странной вспышкой, прекратила свое существование.

Охранник поперхнулся пивом.

— Кто курил?! Я же сказал не курить!

Даже отзовись ему кто-нибудь из оторопевших любителей утренней сауны, он бы его все равно не услышал, поскольку каким-то непостижимым образом устремился из дома прямо в новообразовавшуюся дыру.

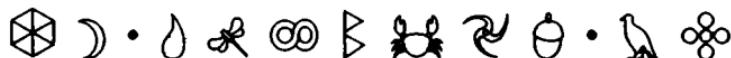
— Пяткам вот совсем жарко,— пробормотал очкарик, словно в надежде на то, что новая тема для разговора развеется сама собой, если он продолжит упрямо цепляться за старую.

Остальные ничего не сказали. Они предавались обычному занятию, свойственному мужчинам, оказавшимся перед лицом опасности,— лихорадочно натягивали штаны.

Знакомиться или входить через дверь не было времени. Элфи, достав из кобуры «Нейтирино», вырезала в крыше двухметровую дыру и увидела четырех вершков. Бледных и перепуганных.

«Я бы тоже дрожала. А ведь все только начинается».

Проблему, как удалить четырех человек из зоны поражения за четыре же минуты, она решала уже в полете.

Кстати, сравнительно недавно у нее бы возникла и вторая проблема, грозящая поставить под угрозу саму идею спасти людей. Согласно Книге волшебного народца, эльфийка не могла войти в жилище человека без приглашения. Наложенное десять тысяч лет назад заклятие по-прежнему действовало, вызывая у нарушителя тошноту или лишая его сил. Подобный закон давно сделался анахронизмом и серьезно мешал работе Полиции Нижних Уровней, поэтому после серии публичных обсуждений и референдума заклятие было снято Номером Первым. Чтобы решить проблему, над которой эльфийские колдуны бились на протяжении многих веков, маленькому демону понадобилось всего пять минут.

Впрочем, пора вернуться к главной проблеме. Четверо крупных вершков. И вот-вот грянет мощный взрыв.

Выбрать первого оказалось просто. Здоровенный дядька, чьи одеяния составляло полотенце и крошечная фуражка охранника, сидевшая на нем подобно скорлупке ореха на голове у медведя, загораживал остальных.

Элфи поморщилась.

«Нужно убрать его с глаз долой как можно быстрее, иначе сия картина останется у меня

в памяти навсегда. У этого вершка мускулов больше, чем у тролля».

Тролль! Ну конечно!

Пока Элфи пребывала на Гибрасе, снаряжение офицера разведки пополнилось некоторыми устройствами, изобретенными и запатентованными, естественно, Жеребкинсом. В частности, появились обоймы с дротиками для «Нейтрино». Кентавр называл дротики антигравами, а офицеры — просто «поплавками».

«Поплавки» действовали по принципу, схожему с ранее изобретенным Жеребкинсом «Лунным поясом». Устройство обладало способностью снижать гравитацию вокруг объекта, к которому его крепили, до одной пятой нормального значения. Изначально пояс использовался при транспортировке тяжелого оборудования, затем боевые офицеры приспособили его для собственных нужд. Например, к нему посредством карабина цепляли связанных пленников, что значительно облегчало перемещение последних.

В отличие от «Лунного пояса», дротик для передачи заряда использовал плоть самого беглеца, в результате делая того практически невесомым. Даже тролль выглядит не таким уж грозным, если покачивается на ветру, словно надувная игрушка.

Элфи отстегнула от пояса магазин и резким ударом ладони вогнала в «Нейтрину».

«Дротики,— скривилась она.— Назад в каменный век».

Огромный охранник с прыгающими от ужаса губами находился точно на линии огня.

«Даже лазерный прицел не нужен. С такого расстояния промахнуться невозможно».

Эльфийка и не промахнулась. Крошечный снаряд вошел в плечо здоровенного вершка, успевшего лишь вздрогнуть, прежде чем вокруг него образовалось антигравитационное поле.

— О-о! — Он поперхнулся пивом.— Кто...

В следующий момент Элфи приземлилась рядом с ним, схватила за бледную ногу и изо всех сил швырнула вверх. Стремительный, как выпускающий воздух шарик, громадный дядька взмыл к дыре в крыше, и его полные изумления вопли еще долго сотрясали утреннее небо.

Остальные вершки торопливо пихали ноги в штанины. Двое споткнулись, стукнулись лбами и рухнули на пол. Тарелки с булочками, кетчупом и моцареллой посыпались с опрокинутого столика, а пивные бутылки с грохотом покатились по керамическим плиткам.

— Мои бутерброды! — воскликнул один из людей, путаясь в лиловых джинсах.

«Некогда паниковать!» Элфи пригнулась, продолжая оставаться невидимой и неслышимой. Уклоняясь от беспорядочно мельтешащих бледных конечностей, она выпустила еще три дротика.

В сауне воцарилась странная тишина. Троє взрослых мужчин один за другим с ужасом ощутили, как какая-то неведомая сила вознесла их над полом.

— Мои пятки... — неуверенно произнес очкарик.

— Да заткнись ты со своими пятками! — зарорал любитель бутербродов и попытался двинуть его кулаком.

Удар не достиг цели, а привел лишь к тому, что человек перекувырнулся в воздухе и запрыгал от стены к стене, как шарик в пинболе.

Тем временем Жеребкину удалось отключить блокировку звукового сигнала.

— Д'Арвит, Элфи! У тебя осталось всего несколько секунд. Секунд! Немедленно улетай! Даже броня твоего костюма не выдержит взрыва такой мощности.

Лицо эльфийки покраснело и покрылось потом, хотя климат-контроль в шлеме работал в полную силу.

«Осталось всего несколько секунд. Сколько раз я слышала эту фразу?»

К черту приличия. Она упала на спину, настроила «Нейтрино» на ударный луч и выпустила рассеянный заряд перпендикулярно вверх.

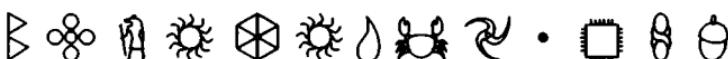
Невидимая волна подхватила вершков, как бурная река подхватывает пузырьки воздуха. Отскакивая от стен и друг от друга, они вылетели сквозь круглую дыру в крыше, все еще обрамленную по краям сияющими искрами.

Последний из покинувших баню взглянул вниз и рассеянно удивился, почему это он не вонит от страха. Полет такого рода, несомненно, мог послужить достаточным основанием для истерики.

«Вероятно, испуг придет потом,— решил мужчина.— Если у меня будет это “потом”».

Тут ему привиделось окутанное клубами пара существо, имевшее некоторое сходство с человеком. Миниатюрная крылатая фигурка распласталась на полу, затем вскочила на ноги и устремилась к болтавшимся в воздухе любителям прогреть косточки.

«Значит, это правда,— подумал он.— Совсем как во “Властелине колец”. Фэнтези не врет! Все правда!»

Но тут взорвался остров, и вопрос о фэнтези перестал волновать мужчину. Гораздо большее беспокойство у него теперь вызывали загоревшиеся штаны.

Подняв всех четырех вершков в воздух, Элфи сочла возможным и самой убраться подальше от мнимого клочка суши. Подпрыгнув из глубокого приседа, она одновременно включила крылья и понеслась навстречу утреннему небу.

— Ловко,— заметил Жеребкинс.— Ты в курсе, что этот трюк в твою честь прозвали «малолётом»?

Капитан Малой, направив оружие на потерявших вес людей, короткими импульсами отогнала их подальше от кракена.

— Жеребкинс, не время болтать. Если ты заметил, я пытаюсь оставаться в живых.

— Прости, друг. Я волнуюсь, а когда я волнуюсь, то много болтаю. Кобыллина говорит, это защитная реакция. Кстати, о «малолёте». Точно так же ты взлетела во время перестрелки на крыше в Дармштадте. Майор, я хотел сказать, командующий Келп, снял этот эпизод на видео. Теперь ту запись используют в Академии. Ты не представляешь, сколько кадетов

сломали себе лодыжки, пытаясь повторить твой трюк.

Элфи как раз собралась вежливо, но твердо попросить старого друга заткнуться, но тут Ракушка подпалил наполненные метаном камеры. Тонны обломков его старого панциря с диким грохотом устремились вверх. Взрывная волна великаническим пинком поддela Элфи снизу, и капитан закувыркалась в воздухе. Она всем телом ощутила, как прогнулся, поглощая силу удара, костюм. Крошечные чешуйки сомкнулись подобно щитам воинов демонского батальона. С шипением надулись мешки безопасности, защитившие от повреждений головной и спинной мозг. Экраны в шлеме померкли, изображение заметалось, но практически сразу все вернулось назад.

Мир по ту сторону забрала превратился в череду размытых серых и синих пятен. Искусственный горизонт перед глазами несколько раз перевернулся, хотя Элфи, конечно, прекрасно понимала, что кувыркается она сама, а не дисплей.

«Жива. Пока жива. Но рано или поздно везение прекратится».

Ее грустные мысли прервал Жеребкинс.

— ...Частота пульса повысилась, уж не знаю почему. Мне казалось, ты уже привыкла к по-

добным ситуациям. Вероятно, тебе будет приятно услышать, что все четверо вершков уцелели, ведь ради них ты рисковала собственной жизнью и моей техникой. Ты хоть представляешь, что произойдет, если один из моих поплавков попадет к людям?

С помощью сложной комбинации жестов и морганий Элфи активировала двигатели крыльев. Из двенадцати уцелели лишь несколько...

Выровняв полет, она подняла забрало.

— Огромное тебе спасибо за беспокойство, я в полном порядке.— Капитан Малой откашлялась и сплюнула.— Да, если кто-то забыл, все оборудование Подземной полиции оснащено функцией дистанционного уничтожения. Даже я! Поэтому твои драгоценные поплавки могут попасть людям лишь в одном случае — если подведет твоя хваленая техника.

— О, кстати, да,— засуетился Жеребкинс,— надо избавиться от этих дротиков.

Внизу царил ад кромешный. Едва ли не половина населения Хельсинки, набившись во всевозможные суда, направлялась к месту взрыва. Внушительную флотилию возглавлял катер береговой охраны с заданным носом и двумя мощными подвесными моторами, оставлявшими за кормой пенный след. Самого кракена

окутало плотное облако дыма и пара, а остатки панциря сыпались с неба, обугленные и измельченные до состояния вулканического пепла, покрывая палубы судов и поверхность Балтийского моря черной пеленой.

В двадцати метрах от Элфи четверо мужчин весело раскачивались в почти утративших силу невидимых волнах, порожденных взрывом. Обрывки штанов свисали с их поясниц экзотическими туземными одеяниями.

— Удивительно.— Капитан Малой увеличила на щите изображение спасенных вершков.— Они не обмочились. Даже не закричали.

— Капля успокоительного в дротиках,— хихикнув, объяснил Жеребкинс.— Ну, не совсем капля. Достаточно, чтобы тролль не узнал даже собственную маму.

— Собственных мам тролли иногда съедают,— напомнила Элфи.

— Вот именно.

Жеребкинс дождался, пока вершки окажутся в трех метрах над поверхностью моря, и активировал режим дистанционного уничтожения для каждого дротика. За четырьмя едва слышными хлопками последовали четыре громких всплеска. Любители бани успели провести в воде всего несколько секунд, когда к ним подоспал катер береговой охраны.

— Прекрасно,— с явным облегчением произнес кентавр.— Потенциальная катастрофа предотвращена, и на сегодня добрых дел достаточно. Теперь давай шевели крыльями и возвращайся к терминалу. Уверен, командующему Келпу не терпится услышать подробный отчет.

— Одну секунду, у меня тут сообщение.

— Сообщение? Сообщение?! По-твоему, сейчас самое подходящее время для переписки? Запасы энергии почти на нуле, задние панели твоего костюма серьезно повреждены. Тебе нужно немедленно улетать, пока защитный экран совсем не отключился.

— Жеребкинс, я должна прочесть это письмо. Это очень важно.

Вызов пришел от Артемиса. Когда-то они с Элфи договорились использовать цветовой код. Зеленый цвет — для обычных сообщений, синий — для деловых и красный — для неотложных. Сейчас на мониторе шлема настойчиво пульсировал ярко-красный огонек. Мигнув, она открыла короткое послание.

«Мама умирает,— прочла Элфи.— Прилетай немедленно. Захвати Номера Первого».

Капитан Малой похолодела от ужаса, мир качнулся перед ее глазами.

«Мама умирает... Захвати Номера Первого».

Вероятно, положение и впрямь отчаянное, если Артемис просит захватить самого могущественного колдуна.

Эльфийка мысленно перенеслась на восемнадцать лет назад, в тот день, когда умерла ее мать. Минули почти два десятилетия, а боль утраты ничуть не притупилась. Ей в голову пришла странная мысль: «Не восемнадцать лет, а двадцать один год. Три года меня не было в этом мире».

Коралл Малой служила врачом в морском отделе Подземной полиции, занимавшемся патрулированием Атлантического океана. В их обязанности входило наводить порядок за людьми и охранять исчезающие биологические виды. Однажды особо гнусного вида танкер, за которым они следовали, случайно вылил на их подлодку радиоактивные отходы. «Грязная» радиация смертельно опасна для подземных жителей, и спустя неделю мама умирала в клинике Гавани.

«Они ответят за это,— поклялась Элфи, рыдая у ее койки.— Я выслежу вершков, сделавших это. Всех до последнего».

«Нет,— сказала тогда Коралл Малой не терпящим возражений тоном.— Я посвятила всю

свою жизнь спасению живых существ. Ты должна поступить так же. Разрушение не станет моим наследством».

Это были практически ее последние слова. Через три дня Элфи, с каменным лицом, в застегнутой до подбородка зеленой форме, присутствовала на церемонии переработки останков. На ремне в специальном чехольчике висела универсальная отмычка, подаренная ей мамой при вручении диплома.

«Спасение живых существ». В тот день она и решила служить в разведке.

Теперь умирала мать Артемиса. Элфи вдруг поняла, что больше не думает о нем как о человеке. Он давно стал просто ее другом.

— Мне надо в Ирландию.

Жеребкинс не стал возражать. Он и сам втихомолку успел ознакомиться с чрезвычайным сообщением.

— Хорошо. Я тебя прикрою. Скажу, что тебе пора совершить Ритуал. Сегодня как раз полнолуние, а у нас еще сохранилось несколько волшебных мест рядом с Дублином. Попшлю сообщение в Восьмой отдел. Может, Кван согласится на несколько часов отпустить Номера Первого из магической лаборатории.

— Спасибо, дружище.

— Не стоит благодарности. Лети. На время я оставлю тебя в покое и послушаю, о чем тут болтают. Кстати, подкину пару гипотез в человеческие средства массовой информации. Лично мне нравится идея о подземном газовом кармане. И ведь почти правда.

«Почти правда».

Элфи невольно обдумала полученное сообщение с этой точки зрения. Юный ирландец слишком часто манипулировал людьми, говоря «почти правду».

Она заставила себя выбросить из головы подобную мысль. Конечно нет. Даже Артемис Фаул не стал бы лгать в такой ситуации.

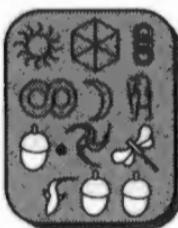
Предел допустимого имеется у любого человека.

Или нет?

ГЛАВА 3

~~~~~ ОТЗВУКИ МАГИИ

Артемис-старший собрал военный совет в зале заседаний, изначально предназначенному для пиров. До недавнего времени взмывающие ввысь готические арки закрывали подвесной потолок, но Ангелина Фаул распорядилась убрать его и восстановить зал в его первозданной двухэтажной красоте.

Артемис, его отец и Дворецки расположились в черных кожаных креслах от Марселя Брюйера вокруг стола со стеклянной столешницей, за которым вполне могли бы уместиться еще человек десять.

«Не так давно здесь сиживали контрабандисты,— подумал Фаул-младший,— не говоря

уже о гангстерах, хакерах, торговцах конфиденциальной информацией, фальшивомонетчиках, спекулянтах и ворах-домушниках. Старый семейный бизнес».

Артемис-старший закрыл ноутбук. Он побледнел и осунулся, но взгляд его, как всегда, горел непреклонной решимостью.

— План довольно прост. Мы должны получить заключение не еще одного специалиста, а как можно большего количества специалистов. Дворецки на нашем самолете отправятся в Китай. На официальные каналы нет времени, поэтому тебе придется найти взлетно-посадочную полосу, где не пасутся представители миграционных служб.

Телохранитель кивнул.

— Знаю такое место. Туда и обратно — два дня, если все пройдет нормально.

Артемиса-старшего это вполне устроило.

— Отлично. Самолет заправлен и готов к вылету. Я уже позаботился о том, чтобы команда была в полном составе, включая запасного пилота.

— Только вещи соберу.

Артемис мог представить, какие именно вещи намерен взять с собой Дворецки, особенно

учитывая тот факт, что на полосе не будет представителей власти.

— А ты, папа?

— Отправлюсь в Англию,— ответил Фаулстарший.— Вертолетом до аэропорта Лондон-Сити, а там лимузин доставит меня на Харли-стрит. Хочу поговорить кое-с кем из тамошних специалистов, и гораздо эффективнее отправиться туда самому, чем собирать их тут. Если кто-нибудь из них прольет пусть самый слабый лучик света на состояние твоей матери, я приволоку их сюда, сколько бы это ни стоило. Если понадобится, куплю их практики.

Артемис кивнул. Стратегически верно. Впрочем, он и не ожидал другого от человека, в течение двух десятилетий успешно руководившего преступной империей, а в последние годы задевавшегося филантропом.

С момента своего возвращения Артемис-старший более не совершил ни одного безнравственного действия. От текстильной компании, созданной исключительно законным путем, и до собственной доли в «Энергии Земли» — консорциуме исповедовавших сходные убеждения бизнесменов, где выпускали все: от легковых автомобилей, работающих на биотопливе, до геотермальных стержней и панелей

солнечных батарей. Даже машины, принадлежавшие его семейству, а также самолет и вертолет он приказал оборудовать новейшими фильтрами, чтобы и здесь внести свой вклад в снижение выброса углекислого газа в атмосферу.

— Я останусь дома,— заявил Артемис, не дожидаясь, пока ему об этом скажут другие.— Буду координировать ваши действия, установлю веб-камеру, чтобы специалисты с Харли-стрит могли видеть маму, присмотрю за доктором Шальке и мисс Бук, а также сам пороюсь в Интернете на предмет возможных методов лечения.

Артемис-старший едва заметно улыбнулся.

— Молодец, сынок. О веб-камере я не подумал.

Дворецки не терпелось отправиться в путь, однако он не смог удержаться от замечания.

— Мне бы не хотелось оставлять молодого мистера Фаула одного. Возможно, он гений, но, кроме того, вечно всюду сует свой нос и просто притягивает неприятности.— Телохранитель подмигнул Артемису.— Не хочу вас обидеть, сэр, но вы способны воскресный пикник превратить в международный инцидент.

Фаул-младший отнесся к обвинению благосклонно.

— Я не обиделся.

— Мне тоже пришла в голову эта мысль.— Отец задумчиво почесал подбородок.— Но что тут поделаешь? Няня согласилась на пару дней забрать близнецов в свой коттедж в Хауте, но Арти должен остаться здесь, и ему придется самому позаботиться о себе.

— Это составит ни малейшего труда,— заверил Артемис.— Пора уже хоть немного мне доверять.

Фаул-старший наклонился над столом и накрыл ладонь сына своей.

— Только вера друг в друга у нас и осталась. Мы должны верить, что спасение твоей матери возможно. Ты веришь?

Артемис заметил, как приоткрылась створка одного из верхних окон. В зал влетел подгоняемый легким ветерком опавший лист. Затем створка сама собой встала на место.

— У меня нет никаких сомнений. Моя вера крепнет с каждой минутой.

Элфи отключила экран, лишь когда усовершенствованный «Сикорски S-76C» Фаула-старшего оторвался от вертолетной площадки

на крыше. Перейдя в видимый спектр, эльфийка положила руку на плечо Артемиса. Тот как раз устанавливал веб-камеру в ногах материнской кровати.

- Мне очень жаль,— едва слышно произнесла Элфи.
- Спасибо, что пришла. Ты быстро добралась.
- Была на поверхности в Финляндии, наблюдала за кракеном.
- А, воспетое Теннисоном чудовище.— Артемис закрыл глаза, припоминая строки знаменитого сонета.

Под громоподобными волнами
Бездонного моря, на дне морском
Спит Кракен, не потревоженный снами,
Древним, как море, сном*.

- Спит? Уже нет. Будет время, посмотри заголовки новостей. Очевидно, произошел взрыв природного газа.
- Полагаю, Жеребкинс в данный момент предается любимому занятию — вводит в заблуждение средства массовой информации.
- Разумеется.

* А. Теннисон. «Кракен». Перевод К. Бальмонта.

— Кракенов осталось совсем мало,— заметил Артемис.— Семь, по моим сведениям.

— Семь? — удивленно переспросила Элфи.— Мы наблюдаем только за шестью.

— Ах да, точно, шесть. Я перепутал. Новый костюм? — Фаул-младший как-то слишком спешно сменил тему разговора.

— На три года новей прежнего,— ответила Элфи, взяв на заметку оговорку про кракена. Как-нибудь на досуге над этим следовало поразмыслить.— Автоматическая броня. Если датчики обнаруживают значительную угрозу, весь костюм изгибается и смягчает удар. Сегодня он практически спас мне жизнь.

На внутренней стороне забрала возникла иконка сообщения, и Элфи прочла короткий текст.

— Номер Первый уже в пути. За ним послали шаттл Восьмого отдела. Нет смысла держать все происходящее в тайне, действовать надо быстро.

— Хорошо. Буду признателен за любую помощь.

Разговор не клеился, так как все их мысли занимала странная болезнь Ангелины Фаул. Женщина лежала, мертвенно-бледная, в комнате подозрительно сильно пахло лилиями.

Артемис выронил веб-камеру, и та закатилась под кровать.

— Проклятье,— выругался он, опускаясь на колени и протягивая руку в темноту.— Я не могу... просто не могу...

И тут он вдруг до конца осознал чудовищность ситуации.

— Что я за сын? — прошептал он.— Лжец и вор. Мама всегда любила меня и пыталась защитить, а теперь она умирает.

Элфи помогла Артемису подняться на ноги.

— Артемис, ты стал совсем другим человеком, и ты любишь свою мать.

— Конечно люблю.— Артемис смутился.

— Значит, ты хороший сын. И твоя мать увидит это, как только я ее вылечу.

Элфи резко мотнула головой, и магические искры закружились обратным конусом вокруг ее кончиков пальцев.

— Нет,— выпалил Артемис.— Может, сначала проверить симптомы?

Элфи сжала кулак, погасив искры, и подозрительно сощурилась.

Она сняла шлем, подошла к Артемису, близко, гораздо ближе, чем ей нравилось подходить к людям, и посмотрела ему прямо в глаза. Каж-

дый имел собственный цвет. Странно ощущать на себе взгляд своего собственного глаза.

— Артемис, ты пытался что-нибудь сделать?

Он не отвел взгляда, в котором, как могло показаться, не было ничего, кроме грусти.

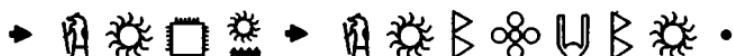
— Нет. Просто с мамой я стараюсь обращаться бережнее, чем с собственной персоной, вот и все.

Настороженность эльфийки объяснялась многолетним опытом общения с Артемисом. Почему Фаул-младший остановил ее? Он не разрешил ей применить магию, хотя раньше это никогда его не беспокоило. Может, сам уже пытался? Возможно, поток времени не лишил его украденной магии, хотя мальчишка уверял всех в обратном.

Она сжала ладонями виски Артемиса и прижалась лбом к его лбу.

— Элфи, перестань! У нас на это нет времени.

Эльфийка ничего не ответила и лишь, закрыв глаза, сосредоточилась. Фаул-младший почувствовал, как по телу, начиная с головы, растекается тепло, ощутил знакомые покалывания магии. Элфи проверяла его. Через секунду все закончилось.

— Ничего.— Она разжала руки.— Отзвуки магии. Но силы в них нет.

Артемис, покачнувшись, отступил на шаг.

— Твоя настороженность вполне понятна. Я неоднократно заслужил ее своими поступками. Но прошу тебя, осмотри маму.

Элфи наконец призналась себе, почему до сих пор медлила с попытками что-либо предпринять. Она бросила мимолетный взгляд на Ангелину Фаул. Вся ситуация вызывала слишком мучительные воспоминания.

— Конечно, Артемис. Извини, что пришлось проверить тебя. Я должна была убедиться, что тебе можно верить на слово.

— Мои чувства в данный момент не имеют значения.— Артемис подтолкнул Элфи за локоть.— А теперь — мама. Пожалуйста.

Элфи заставила себя наивнимательнейшим образом осмотреть больную, и, как только она это проделала, дрожь давно укоренившегося ужаса пробежала по всему ее телу.

— Я знаю, что это,— прошептала она.— Знаю.

— Тебе знакомы симптомы? — Артемис напряженно сглотнул.

Лицо и руки Ангелины покрывала прозрачная слизь. Она сочилась из пор кожи, непрерывно испаряясь. Глаза женщины оставались ши-

роко раскрытыми, но закатились так, что виднелись только белки. Пальцы ее сжимали простыню, словно Ангелина Фаул цеплялась за жизнь в прямом смысле.

Элфи сняла с пояса аптечку, положила ее на прикроватный столик и ватным тампоном взяла пробу слизи.

— Эта слизь... Этот запах... Не может быть. Просто не может быть.

— Чего не может быть? — Артемис стиснул ее предплечье.

Элфи, оставив его без ответа, надела шлем и открыла канал связи с Полис-Плаза.

— Жеребкинс? Слышишь меня?

Кентавр ответил после второго вызова.

— Слышишь тебя, Элфи. Прикован к столу. Командующий Келл прислал пару писем — спрашивает, где ты. Я скормил ему историю о Ритуале. Думаю, у тебя есть около...

Элфи прервала его болтовню.

— Жеребкинс, послушай меня. Мать Артемиса. Думаю, мы столкнулись кое с чем... очень плохим.

Настроение кентавра мгновенно изменилось. Элфи подозревала, что он трепался только для того, чтобы скрыть беспокойство. В конце концов, сообщение Артемиса и так выглядело достаточно мрачным.

— Ладно, я подключаюсь к системам особняка. Попроси Фаула назвать пароль.

Элфи подняла щиток и взглянула Артемису прямо в глаза.

— Жеребкинс просит сообщить ему пароль системы безопасности.

— Конечно-конечно.— Артемис с трудом со- средоточился, вспоминая придуманное им самим секретное слово.— КЕНТАВР. Прописными буквами.

Отделенный от него многими километрами земной коры, Жеребкинс сохранил комплимент в специальном уголке мозга, предназначенному для особенно приятных воспоминаний. Он собирался извлечь его позже и насладиться драгоценностью за бокалом псевдовина.

— Кентавр. Понял. Вхожу.

Огромный плазменный монитор, вмонтированный в стену, мигнув, ожил. На экране возникло лицо Жеребкинса, сначала размытое, потом идеально четкое. Веб-камера в руке Артемиса зажужжала: кентавр начал дистанционную фокусировку.

— Чем больше точек зрения, тем лучше, верно? — раздался голос Жеребкинса из динамиков системы объемного звучания.

Артемис поднес камеру к лицу матери, стараясь держать ее неподвижно.

— Судя по реакции Элфи, такое состояние тебе знакомо?

Эльфийка указала на кожу Ангелины.

— Обрати внимание, из пор выделяется обильная слизь. Кстати, очень сильно пахнет лилиями, нет никаких сомнений.

— Невероятно,— пробормотал кентавр.— Мы уничтожили ее много лет назад.

— Что невероятно? Что уничтожили? — Фаул-младший уже терял самообладание.

— Понимаешь, Артемис, пока еще рано ставить точный диагноз. Любые выводы преждевременны. Элфи, я должен произвести сканирование.

Капитан Малой поднесла ладонь ко лбу Ангелины Фаул, и универсальный датчик в ее перчатке окутал больную сетью лазерных лучей.

Палец Жеребкинса раскачивался как метроном, пока информация загружалась в его компьютер. Сие неосознанное движение могло показаться слишком легкомысленным в сложившейся ситуации.

— О'кей,— произнес он через полминуты.— Я получил все, что нужно.

Элфи сжала датчик в кулаке, подошла к Артемису и взяла его за руку, ожидая результатов

анализа. На это не потребовалось много времени, поскольку Жеребкинс имел исходное представление о параметрах поиска.

Лицо его, когда он сообщал выводы, сделалось по-настоящему мрачным.

— Компьютер произвел анализ слизи. Боясь, мы имеем дело с чаротропией.

Артемис почувствовал, как Элфи еще крепче сжала его ладонь. Очевидно, эта чаротропия — скверная штука.

Высвободив руку, он с решительным видом шагнул к монитору.

— Жеребкинс, мне нужны объяснения. Пожалуйста.

Кентавр с тяжелым вздохом кивнул.

— Хорошо. Чаротропия была сущим проклятием для волшебного народца. Исход неминуемо был летальным, с момента заражения до последней стадии проходило три месяца. После этого жить пациенту оставалось не больше недели. В этой болезни слилось буквально все: нейротоксины, распад клеток, сопротивляемость всем обычным методам лечения, невероятная агрессивность. Честно говоря, это поражает воображение.

Фаул-младший стиснул зубы.

— Поверить не могу, Жеребкинс. Наконец хоть что-то поразило твое воображение.

Прежде чем продолжить, кентавр смахнул с носа каплю пота.

— Артемис, от этой болезни нет лекарства. По крайней мере, сейчас. Боюсь, твоя мать умирает. Судя по концентрации веществ в слизи, жить ей осталось двадцать четыре часа. Тридцать шесть, если она будет бороться. Если это тебя утешит, в конце она совсем не будет страдать.

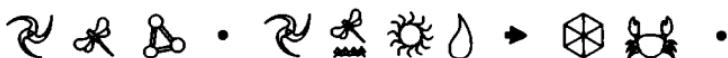
Элфи пересекла комнату и схватила Фаула-младшего за плечо, отметив про себя, каким высоким стал ее друг.

— Артемис, мы можем облегчить ее страдания.

Юноша почти грубо сбросил с плеча ее руку.

— Нет. Я умею добиваться невозможного. Я гений, и мое оружие — информация.— Он снова повернулся к экрану.— Жеребкинс, прости, не сдержался. Теперь я пришел в себя. Ты сказал, что эта чаротропия была настоящим бедствием. Откуда она взялась?

— Все началось с магии,— просто ответил кентавр и тут же пояснил: — Земля питает магию, и когда объем загрязнений возрастает настолько, что планета не в состоянии его погло-

тить, магия тоже становится грязной. Впервые чаротропия появилась около двадцати лет тому назад в китайском городе Линфен.

Артемис кивнул. Все логично. Линфен имеет дурную славу из-за высокого уровня загрязнения окружающей среды. Этот город является центром угольной промышленности Китая, и воздух в нем насыщен зольной пылью, угарным газом, окислами азота, летучими органическими соединениями, мышьяком и свинцом. Среди китайских работодателей ходит шутка: «Если работник чем-то тебя не устраивает, устрой ему командировку в Линфен».

— Болезнь передается магией, поэтому совершенно невосприимчива к ее воздействию. Она едва не уничтожила волшебный народец. За десять лет мы потеряли двадцать пять процентов населения. Сильнее всего пострадала Атлантида.

— Но вы ее остановили,— не сдавался Артемис.— Нашли лекарство.

— Это сделал не я,— вздохнул Жеребкин.— Противоядие открыла наша старая знакомая Опал Кобой. На разработку ушло десять лет, она заломила бешеную цену. Нам потребовалось решение суда, чтобы конфисковать все запасы противоядия.

Артемис начал терять терпение.

— Жеребкинс, мне наплевать на политику.

Я хочу знать, что это за лекарство и почему мы не можем ввести его моей матери.

— Долго рассказывать.

— Сократи,— резким тоном потребовал Артемис.

Жеребкинс опустил глаза, словно не мог смотреть на Фаула-младшего.

— Лекарство возникло естественным путем. Многие живые существа имеют целебные свойства и являются естественными усилителями магии, но из-за деятельности человека больше двадцати тысяч этих потенциальных спасителей исчезают каждый год. Опал изобрела простой шприцевой пистолет, чтобы извлекать лекарство от чаротропии, не убивая животное-донара.

Артемис вдруг понял, почему Жеребкинс не может смотреть ему в глаза, и повесил голову.

— О нет. Только не это.

— Опал Кобой нашла противоядие в мозговой жидкости обитающих на Мадагаскаре шелковистых сифаки.

— Я всегда знал, что придется ответить за это,— простонал Фаул-младший.

— К сожалению, шелковистый сифаки считается исчезнувшим видом. Последний его представитель скончался почти восемь лет назад.

Взгляд Артемиса сделался почти безумным.

— Я знаю,— прошептал он, терзаемый чувством собственной вины.— Это я убил его.

ГЛАВА 4

МАРТЫШКИН ДЯЛЮШКА

Особняк Фаулов, почти восемь лет назад

Десятилетний Артемис Фаул закрыл файл, с которым работал, переключил монитор в спящий режим и поднялся из-за стола в своем кабинете. Отец должен войти в комнату через несколько секунд. Утром Артемис-старший по внутренней почте подтвердил время встречи, а он никогда не опаздывал. Папа очень высоко ценил свое время и хотел, чтобы сын был готов к разговору. Ровно в десять глава семейства Фаулов в развевающемся кожаном пальто вошел в кабинет.

— В Мурманске минус пятнадцать,— сообщил он, пожимая сыну руку.

Артемис заблаговременно встал на особую плиту пола перед камином. Никто не требовал, чтобы он пребывал именно там, однако папа всегда располагался в стоящем у огня кресле времен Людовика XV, а кому понравится выворачивать шею во время разговора?

Фаул-старший занял обычное место у камина, и Артемис всем существом ощутил, насколько отец доволен его предусмотрительностью.

— Судно готово, я полагаю?

— Да, готово к выходу в море,— подтвердил папа. Его голубые глаза возбужденно блестели.— Арти, мой мальчик, это совсем новый рынок. Москва уже стала одним из самых прибыльных торговых центров, и север России неминуемо последует за столицей.

— Как я понимаю, мама не слишком довольна твоей последней затеей.

На днях родители спорили до глубокой ночи. Счастливую в остальном супружескую жизнь омрачали лишь деловые интересы Артемиса-старшего. Он управлял преступной империей, щупальца которой протянулись от серебряных рудников на Аляске до судострои-

тельных верфей в Новой Зеландии. Ангелина была убежденным борцом за охрану природы и филантропом и искренне считала, что своей криминальной деятельностью и безжалостным использованием природных ресурсов Артемис Фаул-старший подает дурной пример сыну.

— Он вырастет таким же, как его отец,— услышал как-то вечером Артемис благодаря установленному в аквариуме «жучку».

— Я думал, ты любишь его отца.

Артемис услышал шорох одежды, когда родители обнялись.

— Люблю. Люблю больше жизни. Но я люблю и эту планету.

— Любовь моя... — прошептал Артемис-старший так тихо, что «жучок» едва уловил его голос.— В последнее время возникли некоторые финансовые затруднения. Весь имеющийся в наличии капитал связан с незаконными предприятиями. Мне нужна одна крупная сделка, чтобы я мог начать переход на полностью легальный бизнес. Как только у нас появятся акции, приносящие высокие дивиденды, мы сможем спасти весь мир.

Артемис услышал, как мать поцеловала отца.

— Хорошо, мой принц пиратов. Одна крупная сделка, и мы начнем спасать мир.

Одна крупная сделка. Партия беспошлинной кока-колы для русских. Но и, что гораздо важнее, канал торговли через Арктику. Отцу, подозревал Артемис, будет не просто расстаться с этим каналом после одной-единственной сделки. Тут пахло миллиардами.

— «Звезда Фаула» полностью загружена и готова к выходу в море,— сообщил отец Артемиса во время их запланированной встречи в кабинете.— Не забывай, одними добрыми намерениями мир не спасти. Для достижения цели нужны средства, и лучшим из них является золото.

Артемис-старший кивком указал на герб и девиз Фаулов, красовавшийся на резной деревянной панели над камином.

— *Aurum potestas est.* Золото — это власть. Никогда не забывай об этом, Арти. Пока у зеленых не появятся большие деньги, никто не станет их слушать.

Молодой Артемис буквально разрывался между родителями. Отец олицетворял все, ради чего существовала семья. На протяжении веков династия Фаулов процветала благода-

ря преданности делу обогащения, и Артемис не сомневался в том, что отец найдет способ преумножить состояние, прежде чем переключиться на охрану окружающей среды. Он любил мать, но богатство Фаулов требовалось сохранить.

— Настанет день, и тебе самому придется заниматься делами семьи.— Артемис-старший застегнул пальто.— И когда он настанет, я буду спокоен, потому что самым важным для тебя будет благополучие Фаулов.

— Конечно, папа,— кивнул Артемис.— Фаулы — самое главное. Но этот день настанет через много десятилетий.

Глава семьи рассмеялся.

— Мне остается только надеяться на это, сынок. Я должен оставить тебя. Заботься о маме, пока меня не будет. И не позволяй ей растрачивать попусту семейное состояние, хорошо?

Эти слова были произнесены в шутку, но через неделю, когда судно Артемиса-старшего потерпело аварию, а самого Фаула признали погибшим, они стали законом, по которому отныне жил его сын.

«Заботься о матери, не позволяй ей растрачивать попусту семейное состояние».

Два месяца спустя Артемис сидел за столом в том же кабинете, просматривая данные на дисплее компьютера. По экрану бежали колонки цифр, отражавшие весьма удручающее финансовое положение его семьи. Оно стало резко ухудшаться сразу же после исчезновения отца. Теперь главой и хранителем империи Фаулов сделался сам Артемис, а потому ему надлежало вести себя подобающим образом.

Как только судно Фаула-старшего кануло в черные арктические воды, все должники единодушно прекратили платежи, а группы фальшивомонетчиков, боевиков, воров и контрабандистов переметнулись в другие организации.

«Воровская честь? — с горечью подумал Артемис. — Вряд ли таковая существует».

В одночасье большая часть состояния просто испарилась, а ведь ему, кроме всего прочего, приходилось управлять имением и заботиться о маме, состояние которой стремительно приближалось к нервному расстройству.

Вскоре объявились и кредиторы, спешившие отхватить свой кусок пирога, прежде чем останутся только крошки. Чтобы оплатить заладную на особняк и погасить другие текущие платежи, Артемис был вынужден продать на аукционе рисунок Рембрандта.

Ангелина Фаул не облегчала положения.

Она наотрез отказалась верить, будто Артемис-старший пропал без вести, и упрямо продолжала спасать мир, не считаясь с расходами.

Тем временем ее сын пытался организовать экспедицию для поисков отца. А это чрезвычайно трудно, если тебе всего десять лет и никто в мире взрослых не воспринимает тебя всерьез, несмотря на многочисленные призы в области изобразительного искусства и музыки, не говоря уже о дюжине или более того прибыльных патентов и авторских лицензий, оформленных по всему миру. Со временем Артемису светило сколотить неплохое состояние, вот только, к сожалению, это «со временем» приближалось недостаточно быстро. Деньги же требовались немедленно.

Он вознамерился оборудовать аналитический центр, откуда имел бы возможность контролировать Интернет и новостные каналы. Для осуществления замысла следовало приобрести не менее двадцати компьютеров. Кроме того, в одной из московских гостиниц команда исследователей Арктики дожидалась очередной выплаты. А платить было нечем.

Юный Фаул задумчиво постучал по экрану ухоженным ногтем.

«Надо что-то делать».

Войдя в спальню, Артемис застал мать в слезах. Сердце екнуло, но он сжал кулаки и приказал себе быть сильным.

— Мама,— он помахал выпиской из банковского счета,— что это такое?

Ангелина вытерла глаза носовым платком, приподнялась на локтях и с трудом, как могло показаться, узнала сына:

— Арти... — всхлипнула она.— Мой маленький Арти. Посиди со мной.

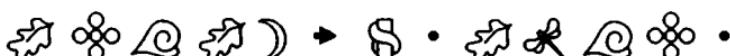
Круги расплывшейся туши окаймляли заплаканные глаза Ангелины, угольно-черные на мертвенно-бледном, почти прозрачном лице.

«Будь сильным».

— Нет, мама. Я не стану сидеть и разговаривать с тобой. Я жду от тебя объяснений по поводу чека на пятьдесят тысяч евро, который ты послала в Центр охраны дикой природы в Южной Африке.

Ангелина явно не понимала, о чем он спрашивает.

— В Южной Африке, дорогой? Кто поехал в Южную Африку?

— Ты послала чек на пятьдесят тысяч евро в Южную Африку. Я отложил эти деньги на экспедицию в Арктику.

— Пятьдесят тысяч. Знакомая сумма. Спроси у отца, когда он вернется. Путь только пробует снова опоздать к ужину, я...

Артемис потерял терпение.

— Мама, прошу тебя. Попытайся вспомнить. У нас нет лишних денег на благотворительность в Южной Африке. Мы уволили всех слуг, кроме Дворецки, и ему уже месяц ничего не платим.

— Лемур! — торжествующе воскликнула Ангелина.— Я вспомнила. Я купила шелковистую сифаку.

— Невозможно,— отрезал Артемис.— Вид Propithecus candidus считается вымершим.

Голос матери стал резким.

— Нет. Маленькую сифаку обнаружили в Южной Африке. Неизвестно, как она попала туда с Мадагаскара, вероятно, на браконьерском судне. Я должна была ее спасти. Арти, это последний экземпляр.

— Через год или два животное умрет,— холодным тоном произнес Артемис.— И наши деньги пропадут. .

Ангелина пришла в ужас.

- Ты говоришь совсем как...
- Отец? Отлично. Кто-то должен вести себя благоразумно.

Лицо Артемиса оставалось суровым, но внутри он дрожал от ужаса. Как он мог разговаривать подобным тоном с матерью, когда она сходит с ума от горя?

«Почему я не утратил присутствия духа? — спросил он себя и мгновенно ответил: — Потому что я — Фаул, а Фаулы всегда с честью преодолевали невзгоды».

- Но, мама, пятьдесят тысяч! За лемура?
- Возможно, удастся найти самку, — возразила Ангелина. — И мы сумеем спасти вид.

«Спорить бесполезно, — подумал Артемис. — Логика тут не поможет».

— И где сейчас этот счастливчик? — спросил он с невинным видом, улыбаясь так, как положено улыбаться десятилетнему мальчику при разговоре о крохотном пушистом существе.

— В полной безопасности в Ратдаун-парке. Живет как король. Завтра его отправят самолетом в специальную искусственную среду обитания во Флориде.

Артемис кивнул. Ратдаун-парк, частный заповедник в Уиклоу, создавался специально для

защиты вымирающих видов. Он охранялся надежней среднего швейцарского банка.

— Превосходно. Может быть, я навещу эту обезьянку, которая обошлась нам в пятьдесят тысяч евро.

— Не ожидала от тебя, Артемис, — пожурила его мама. — Как известно, сифака — лемур, а лемуры возникли значительно раньше обезьян.

«Знаю, но мне наплевать! — Артемис едва не прокричал это вслух. — Отец пропал, а ты истратила предназначенные на экспедицию деньги на какого-то лемура!»

Но он придержал язык. Состояние матери и без того вызывало тревогу, и сын не хотел, чтобы из-за него оно ухудшилось.

— Посетителей в Ратдаун обычно непускают, — продолжила Ангелина. — Но я уверена, для тебя сделают исключение, если я позвоню. В конце концов, Фаулы оплатили питомник для приматов.

Артемис притворился очень обрадованным.

— Спасибо, мама. Уверен, я получу незабываемое удовольствие, и Дворецки тоже. Ты же знаешь, как он любит маленьких пушистых зверюшек. Мне не терпится посмотреть на спасенное нами существо.

Ангелина улыбнулась, и безумие этой улыбки испугало сына до дрожи.

— Молодец, Артемис. Это слова настоящего крупного бизнесмена. Мать и сын, объединившись, спасут мир. Я посмеюсь над твоим отцом, когда он вернется.

У Артемиса душа ушла в пятки, и он попятился к двери.

— Да, мама. Объединившись, мы спасем мир.

Плотно прикрыв за собой дверь, Артемис бегом спустился по лестнице, на ходу разрабатывая план действий и дирижируя рукой под воображаемую мелодию. Он удалился в спальню, переоделся в дорожный костюм и направился на кухню, где обнаружил Дворецки, шинковавшего овощи коротким японским мечом кодачи. В дни испытаний гигант помимо охраны семьи взвалил на себя обязанности повара и садовника.

Огромный телохранитель ловко расправлялся с огурцом.

— Летний салат,— пояснил он.— Только зелень, яйца вкрутую и немного курятины. Хотел приготовить на десерт крем-брюле. Заодно проверил бы в деле огнемет.

Бросив взгляд на Артемиса, он вопросительно поднял бровь.

Юный мистер Фаул облачился в один из двух любимых деловых костюмов — темно-синий, в котором недавно посещал оперу в Ковент-Гарден. Мальчик всегда одевался аккуратно, но видеть его в костюме при галстуке Дворецки не привык.

— Мы идем на официальный прием?

— Нет, никакого приема не будет, — ответил Артемис нарочито холодным тоном, к которому телохранителю еще предстояло привыкнуть. — Только бизнес. Я вынужден заниматься семейными делами и должен одеваться соответственно.

— Ага... в этом вы явно стремитесь подражать отцу. — Дворецки тщательно вытер меч и снял передник. — Нам предстоит заняться привычными для семьи Фаулов делами, не так ли?

— Так, — подтвердил Артемис. — Начнем с обезьяньего дядюшки.

Особняк Фаулов, настоящее время

Элфи пришла в ужас.

— Значит, в порыве мальчишеской злобы ты убил лемура?

Артемис, уже взявшись себя в руки, сидел на стуле у кровати и нежно, словно птенца, держал в ладони материнскую руку.

— Нет. Иногда у меня случались приступы раздражения, ты сама прекрасно знаешь, но, как правило, непродолжительные. Эмоции не способны долго подавлять интеллект, подобный моему.

— Но ты сам сказал, что убил животное.

Артемис потер виски.

— Да, убил. В этом нет сомнений, хотя я и не брал в руки нож.

— Как именно?

— Я был молод... моложе,— пробормотал Артемис. Ему явно не хотелось говорить на эту тему.— Совсем другим человеком во многих смыслах.

— Мы знаем, каким ты был Артемис,— печально вздохнул Жеребкинс.— Ты представишь себе не можешь, какую часть моего бюджета сожрала осада поместья Фаулов.

— Как именно ты убил лемура? — не унималась Элфи.— Как он попал в твои руки?

— Все до смешного просто,— вздохнул Артемис.— Мы с Дворецки навестили Ратдаун-парк и вывели из строя систему охраны. А вечером вернулись и забрали лемура.

— Значит, его убил Дворецки. Я удивлена — это совсем не в его стиле.

Артемис поступил взор.

— Нет, Дворецки здесь ни при чем. Я продал животное группе экстинкционистов.

— Экстинкционистов?! — ужаснулась Эльфи.— Артемис, скажи, что это не так. Какой кошмар!

— Моя первая крупная сделка. Я доставил животное в Марокко, и мне заплатили за него сто тысяч евро. Этого хватило на финансирование экспедиции в Арктику.

Эльфи и Жеребкинс лишились дара речи. Артемис хладнокровно и эффективно распорядился чужой жизнью. Эльфийка попятилась от человека, которого всего несколько мгновений назад считала другом.

— Я все тщательно обдумал. Или мой отец, или лемур. Разве я мог от этого отказаться? — Взгляд Артемиса выражал искреннее раскаяние.— Понимаю, я поступил ужасно. Если б можно было повернуть время вспять...

И вдруг он замер. Фаул-младший не мог изменить течение времени, но знал демона, который умел это делать. Это был шанс. Реальный шанс.

Он осторожно опустил руку матери на постель и заходил по комнате.

«Нужна музыка,— подумал он.— Музыка для плана».

Он выбрал из обширной мысленной коллекции Седьмую симфонию Бетховена и стал напряженно думать, воспроизводя ее в голове.

«Удачный выбор. Несколько мрачновато, но вызывает духовный подъем».

Артемис, ничего не замечая вокруг, ходил взад и вперед по ковру, лихорадочно перебирая в уме возможные варианты.

Элфи мгновенно поняла, чем он занят.

— У него есть план,— сообщила она Жеребкину.

Физиономия кентавра вытянулась, что, впрочем, не стоило ему особых мышечных усилий.

— Почему я не удивлен?

Элфи воспользовалась тем, что Артемис погрузился в размышления, и закрыла щиток, чтобы поговорить с Жеребкином без свидетелей. Она подошла к окну и посмотрела на улицу сквозь щель в портьерах. Заходящее солнце дрожало за ветвями деревьев, красные и белые георгины пылали ярко, словно огни фейерверка.

— На карту поставлена не только жизнь матери Артемиса,— сказала она.

Жеребкин выключил телевизор, чтобы человек не смог его услышать.

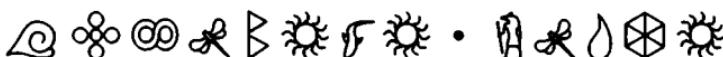
— Я знаю. В случае повторной вспышки болезни волшебному народцу грозят большие несчастья. У нас нет противоядия.

— Надо допросить Опал Кобой. Где-то должны были сохраниться ее записи.

— Опал всегда хранила наиболее ценные формулы в голове. Думаю, лесной пожар застал ее врасплох — один коварный удар лишил ее всех доноров.

Компания «Кобой индастриз» разработала специальный ультразвуковой манок и установила его в заповеднике Тсинги де Бемараха на Мадагаскаре, чтобы приманить лемуров. Практически все лемуры на острове откликнулись на зов — и погибли в пожаре, возникшем из-за удара молнии. К счастью, почти все зараженные уже прошли курс лечения, но пятнадцать подземных жителей все-таки умерли в изоляторах.

Артемис остановился и громко откашлялся. Он был готов поделиться своим планом и хотел, чтобы друзья ни на что не отвлекались.

— Наша проблема решается сравнительно просто,— сказал он.

Жеребкинс снова включил телевизор, и на плоском экране появилось его лицо.

— *Наша проблема?*

— Перестань, Жеребкинс. Не прикидывайся бестолочью. Болезнь подземных жителей мутировала и стала распространяться среди людей. У вас нет противоядия, так же как и времени на его разработку. Кто знает, сколько человек уже заразилось чаротропией.

«Включая меня самого,— мысленно добавил Артемис.— Я почти наверняка заразился, когда пытался исцелить мать».

— Мы установим для поместья карантинный режим,— сказал Жеребкинс.— Распространение вируса можно предотвратить, если никто не попытается лечить твою мать с помощью магии.

— Я сильно сомневаюсь в том, что моя мать — первая, кого поразил этот недуг. Трудно поверить в подобное совпадение. Уверен, есть и другие больные, и кто знает, до какой стадии развилась болезнь у них.

Жеребкинс хмыкнул — так он выражал свое согласие с чужим мнением.

— Скажи мне, Артемис, в чем заключается твое «сравнительно простое решение»?

— Я вернусь в прошлое и спасу лемура,— ответил Артемис с лучезарной улыбкой, словно предложил искупнуться в жаркий летний денек.

Молчание. Несколько минут стояла полная тишина, прерванная в итоге сдавленным ржанием Жеребкинса:

— Вернешься...

— В прошлое,— закончила за него Элфи полным сомнений тоном.

Артемис расположился в удобном кресле, сплел пальцы и кивнул.

— Готов выслушать возражения. Приступайте.

— Откуда такая самоуверенность? — спросила Элфи.— После всех трагедий, свидетелями которых мы стали, после разрушений, причиной которых послужили твои планы...

— Это решимость, а не самоуверенность,— поправил ее Артемис.— На осмотрительность нет времени. Матери осталось жить всего несколько часов, и волшебному народцу — не больше.

Жеребкинс наконец захлопнул разинутый от изумления рот.

— Ты хоть представляешь, сколько заседаний конституционного комитета мы должны провести, чтобы только вынести этот вопрос на рассмотрение Совета?

Артемис небрежно манул рукой.

— Не имеет значения. Я изучил Конституцию волшебного народца. В ней не упомянуты ни люди, ни демоны. Если Номер Первый решит мне помочь, вы не сможете на законных основаниях помешать ему.

В спор вступила Элфи.

— Артемис, это безумие. Путешествия во времени признали незаконными не просто так. Возможные последствия даже незначительного вмешательства могут оказаться катастрофическими.

Артемис грустно улыбнулся.

— Да, конечно, знаменитый парадокс времени. Если я вернусь в прошлое и убью собственного дедушку, то перестану существовать? Лично я согласен с мнением Горбена и Бернданта, а эти господа полагают, что последствия уже наступили. Мы можем изменить только будущее, но не прошлое или настоящее. Если я вернусь, значит, я уже возвращался.

Элфи было очень жаль Артемиса — болезнь Ангелины пробудила мучительные воспоми-

нания о последних днях ее собственной матери.

— Артемис, мы не имеем права вмешиваться,— мягко произнесла она.— Люди должны жить так, как им предписано судьбой.

Артемис понимал, что должен встать и произнести пафосную речь, доказать свою правоту, но не мог. Он собирался самым наглым образом обмануть своего ближайшего друга, и чувство вины давило почти невыносимо.

— Ты уже вмешалась, Элфи.— Он посмотрел ей прямо в глаза.

Элфи вздрогнула, услышав его слова, и подняла забрало.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты вылечила мою мать, вылечила и погубила.

Элфи машинально отпрянула и подняла руку, словно защищаясь от ударов.

— Я? О чём ты говоришь?

Артемис, продолжая лгать, попытался заглушить чувство вины вспышкой ярости.

— Ты вылечила мою мать после осады. Это ты заразила ее чаротропией!

— Это невозможно,— вступил за эльфийку кентавр.— С момента того исцеления прошло несколько лет. Инкубационный период

чаротропии длится всего три месяца и может колебаться только в пределах нескольких дней.

— Прежде болезнь не распространялась среди людей,— возразил Артемис.— Это новый штамм. Вы даже не представляете, с чем имеете дело.

От потрясения и сознания своей вины у Элфи задрожали губы. Она поверила Артемису. А тот понимал, что сам заразил мать, когда манипулировал ее памятью.

«Отец, вероятно, тоже болен. А от кого заразился я? И почему я чувствую себя нормально?»

Слишком много загадок, но с разгадками придется подождать. Сейчас необходимо найти противоядие и заручиться помощью волшебного народца, а для этого придется сыграть на их чувстве вины.

— Но я не больна,— возразила Элфи.— Меня проверяли.

— Значит, ты — переносчик,— отрезал Артемис и повернулся к изображению кентавра.— Ведь такое возможно?

Жеребкинс опешил от резкого его тона.

— Если действительно возник новый штамм, то возможно,— согласился он.— Но нельзя де-

лать выводы, основываясь лишь на предположениях...

— В обычных обстоятельствах я бы с тобой согласился. В обычных обстоятельствах я располагал бы временем и мог бы позволить себе проявить объективность. Но моя мать умирает, и подобная роскошь не для меня. Я должен вернуться назад и спасти лемура, и ваш моральный долг — помочь мне. Если вы откажетесь, то, по крайней мере, обещайте мне не препятствовать.

Эльфийка и кентавр молчали. Элфи — из-за угрызений совести. Жеребкинс же судорожно рылся в своей обширной памяти в поисках контраргументов. Безуспешно.

Капитан Малой сняла шлем и неуверенно подошла к постели Ангелины. Ноги плохо слушались Элфи, да и все тело тоже.

— Моя мать умерла... ее отравили люди. Это произошло случайно, но смерть есть смерть.— Слезы текли по ее щекам.— Я хотела найти этих людей. Я ненавидела их.— Элфи стиснула руки.— Прости меня, Артемис. Я не знала. Сколько еще людей заразилось от меня? Ты, должно быть, ненавидишь меня.

«Возьми свои слова обратно,— требовал внутренний голос Артемиса.— Скажи правду

сейчас, или ваша дружба уже никогда не будет прежней». Но другой внутренний голос возражал: «Нет. Будь сильным. Мама должна жить».

— Как я могу ненавидеть тебя, Элфи? — едва слышно отозвался Артемис. «Я ненавижу себя, но уже поздно признаваться в обмане». — Конечно, ты ни в чем не виновата, но ты должна позволить мне вернуться назад.

Элфи кивнула и смахнула слезы с ресниц.

— Я не только позволю тебе вернуться, я отправлюсь вместе с тобой. Пара зорких глаз и верная рука могут пригодиться.

— Нет, нет и нет!!! — завопил Жеребкинс, увеличивая громкость динамиков с каждым отрицанием. — Мы не можем изменять прошлое по собственной прихоти. А вдруг Элфи решит спасти свою мать или воскресить из мертвых Джулиуса Крута? Это абсолютно недопустимо!

Артемис наставил на него палец.

— Ситуация уникальна. Того и гляди вспыхнет эпидемия, но в наших силах ее предотвратить. И не только это. Мы можем возродить вид, который считался вымершим. Возможно, я стал причиной смерти одного лемура, но остальные не погибли бы в огне, если бы не манок Опал Кобой. Вина народца ничуть не меньше моей.

Вы извлекали мозговую жидкость из живых существ, чтобы спасти себя.

— П-положение было безвыходное,— возразил Жеребкинс, заикаясь от ужаса.

— Вот именно,— победоносно произнес Артемис.— Вы были готовы на все. Вспомни свои тогдашние чувства и спроси себя, хочешь ли ты пережить подобное еще раз.

Жеребкинс опустил взгляд и задумался. То время было сущим кошмаром для волшебного народца. Использование магии временно запретили. Лемуры уже погибли, когда суд наконец вынудил Опал открыть источник противоядия. В поисках альтернативного лекарства кентавр пахал день и ночь, но все его труды не увенчались успехом.

— Мы считали себя неуязвимыми. Единственную опасность для нас представлял человек.— Жеребкинс принял решение.— Лемур нужен живой. Мозговую жидкость можно хранить в течение непродолжительного времени, потом она становится инертной и лишается целебных свойств. Я разрабатывал заряженный контейнер, но...

— На этот раз у тебя все получится,— заверил его Артемис.— У тебя будет живой объект

и лабораторные условия. Ты сможешь клонировать самку.

— Клонирование признано незаконным,— задумчиво произнес Жеребкинс.— Но если дело касается вымерших видов, возможны исключения...

Шлем Элфи пискнул, извещая о том, что на подъездную дорогу приземляется летательный аппарат. Поспешив к окну, она успела заметить легкую мерцающую тень на озаренной лунным светом дорожке.

«Новичок за штурвалом,— с раздражением подумала Элфи.— Не догадался включить теневые огни».

— Шаттл прибыл,— сообщила она Артемису.

— Передай пилоту, чтобы он перегнал членок за дом в одну из конюшен. Ассистентка врача звонит по телефону из кабинета отца, и я не хочу, чтобы, выйдя из дома, она наткнулась на замаскированный аппарат волшебного народца.

Элфи передала инструкции, и все трое, замерев, стали ждать, пока шаттл не скроется за углом. Ждать пришлось долго. Гишину нарушило только хриплое затрудненное дыхание Ангелины.

— Вряд ли у Номера Первого что-нибудь выйдет,— задумчиво произнес Жеребкинс.— Он слишком молод, почти ничему не успел научиться. Путешествие во времени — самая трудная магическая операция.

Артемис ничего не сказал. Возражать не имело смысла. Все надежды он возлагал на Первого.

«У него все получится, или мама умрет».

Взяв руку Ангелины, он погладил большим пальцем сухую как пергамент кожу.

— Держись, мама,— прошептал Фаул-младший.— Я тебя не оставлю.

ГЛАВА 5

ОБЪЯВЛЯЮ ВАС...

Неуклюже спускавшийся по трапу шаттла маленький демон, известный как Номер Первый, выглядел, конечно, странно. Невысокое коренастое существо, защищенное серым панцирем, с короткими руками и ногами, напоминало миниатюрного прямостоящего носорога, за исключением, конечно, головы. Голова больше походила на голову горгульи.

«Вот если бы у меня был хвост...» — думал Номер Первый.

На самом деле хвост у него имелся, но таким обрубком разве что снег в климатическом парке отдыха в центре Гавани ворошить.

Номер Первый утешал себя тем, что, по крайней мере, он не рискует обмакнуть хвост в унитаз. У некоторых демонов с Гибраса возникли определенные трудности с привыканием к новомодным сиденьям, установленным в уборных (залах сбора отходов, как их там называли) Гавани. Истории ходили самые жуткие. Только за последний месяц, как он слышал, в трех случаях пришлось прибегнуть к неотложной реплантации.

Переселение с Гибраса в реальное время демоны переносили тяжело, но помимо отрицательных имелись и положительные последствия.

Ограничения, введенные прежним вождем племени, сняли. Демонам разрешили питаться продуктами, подвергнутыми кулинарной обработке. Семейные связи восстановились. Даже самые воинственные чувствовали себя более спокойно, когда рядом находились их матери. Труднее оказалось избавиться от насаждавшегося на протяжении десяти тысяч лет человеконенавистничества. Многим демонам-самцам пришлось пройти курс лечения, другие постоянно принимали успокоительное, дабы подавить в себе порыв вскочить на ближайший

шаттл, добраться до поверхности и отрубить что-нибудь первому встречному человеку.

Номера Первого это, впрочем, не касалось, он никогда не испытывал желания кому-нибудь что-нибудь отрубить. Он был своего рода аномалией среди демонов. Номер Первый любил всех, даже людей, особенно Артемиса Фаула, который всех их спас не только от ужасного мрака безвременья, но и от бывшего вождя племени — психопата Леона Аббота.

Поэтому, когда через Восьмой отдел пришло сообщение о том, что Артемис нуждается в его помощи, Номер Первый пристегнулся к креслу шаттла и потребовал, чтобы его доставили на поверхность немедленно. Командир летного отделения Виниайа согласилась, ибо несогласие могло вызвать у неопытного колдуна приступ магического раздражения. Однажды, в очередной раз не поверив в свои силы, Номер Первый случайно разрушил увеличительную стену огромного городского аквариума. Горожане до сих пор время от времени находили мелкую рыбешку в сливных бачках.

«Я тебя отпущу,— сказала ему Виниайа,— но только если команда охранников будет постоянно держать тебя за руку».

Ее не следовало понимать буквально. Номер Первый уяснил это, когда попытался взять за руку капитана охраны.

— Но так приказала командир Виниайа,— попытался объяснить он.

— Убери лапы, демон! — рявкнул капитан.— В мою вахту никаких «за ручку».

Поэтому Номер Первый подходил к особняку Фаулов самостоятельно, хотя его окружали невидимые полицейские. На полпути к дому он спохватился, что забыл изменить внешность, и торопливо проделал это при помощи соответствующего заклинания. Теперь любой человек, взглянувший на подъездную дорогу, узрел бы маленького мальчика в развеивающемся цветастом платье, решительно шагающего к парадной двери. Такого мальчика Номер Первый видел в снятом полвека назад человеческом кино и считал данный образ воплощением безобидности.

Волею судьбы Номер Первый буквально столкнулся в дверях с мисс Бук. Увидев демона, медсестра-пиарщица застыла как вкопанная. Потом неловко сдернула очки, словно они передавали глазам ложную информацию.

— Привет, малыш,— улыбнулась ассистентка профессора.

Она веселилась бы куда меньше, если бы знала, что ей в голову нацелены двенадцать плаズменных винтовок.

— Привет! — так же весело отозвался Номер Первый.— Я всех люблю, поэтому не надо меня бояться.

Улыбка мисс Бук поблекла.

— Бояться? Конечно нет. Ты кого-нибудь ищешь? Играешь в маскарад?

Вылетевший из дома Артемис прервал их разговор.

— А... Фердинанд, где ты пропадал? — воскликнул он, быстро проводя Номера Первого мимо медсестры.— Это Фердинанд, сын садовника,— объяснил Фаул-младший.— Любит играть в театр. Я вызову его отца, чтобы он забрал мальчика.

— Хорошая мысль.— В голосе мисс Бук слышалось некоторое сомнение.— Комната вашей матери закрыта как следует, но тем не менее я бы не стала позволять ему подниматься на верхний этаж.

— Разумеется. Я выведу его из дома через черный ход.

— Вот и славно. Я пойду подышу свежим воздухом, а когда вернусь, осмотрю вашу мать.

— Можете не торопиться,— заверил Артемис.— Я умею считывать показания приборов.

«Сам изобрел некоторые из них»,— добавил он мысленно.

Как только мисс Бук скрылась за углом, Фаул-младший помчался со своим другом-демоном вверх по лестнице.

— Мы поднимаемся на верхний этаж,— неуверенно запротестовал Номер Первый.— Разве эта молодая дама не сказала, что меня нельзя туда пускать?

Артемис вздохнул.

— Первый, ты давно меня знаешь?

Номер Первый кивнул с заговорщицким видом.

— А, понятно. Артемис Фаул никогда не поступает так, как ему говорят.

Элфи встретила Номера Первого на площадке, но отказалась обнять, пока не перестанет действовать меняющее образ заклинание.

— Мне не нравится ощущение,— сказала она.— Как будто обнимаешь мокрую губку.

Номер Первый обиженно надулся.

— А мне нравится быть Фердинандом. Люди мне улыбаются.

Артемис заверил гостя, что в кабинете никто не станет за ним подглядывать, поэтому колдун дождался, пока дверь за ними закроется, и одним щелчком отменил заклинание. Фердинанд осыпался с тела Номера Первого искристым облачком, и глазам присутствующих предстал маленький серый демон, без одежды, зато с улыбкой.

Теперь Элфи крепко обняла его.

— Я знала, что ты придешь. Мы отчаянно нуждаемся в твоей помощи.

Номер Первый перестал улыбаться.

— Ах да, мать Артемиса. Она нуждается в магическом исцелении?

— В этом она нуждается меньше всего,— ответила Элфи.

Номер Первый немедленно согласился помочь, как только ему объяснили ситуацию.

— Артемис, тебе повезло.— Маленький демон взволнованно шевелил восемью пальцами.— На прошлой неделе я как раз занимался путешествиями во времени по программе обучения на диплом колдуна.

— Готов поспорить, студентов не много,— сухо заметил Артемис.

— Я один,— признался Номер Первый.— А преподает, разумеется, Кван. Похоже, я самый могущественный колдун из всех, с кем ему приходилось встречаться.

— Отлично,— сказал Артемис.— Значит, для тебя не проблема перенести нас всех в прошлое.

Жеребкинс появился одновременно на всех пяти установленных в кабинете мониторах.

— Всех?! — воскликнуло каждое изображение.— Всех? Ты не можешь забрать Номера Первого с собой.

Артемис не был расположен спорить.

— Жеребкинс, он мне нужен. Разговор окончен.

Голова кентавра, казалось, вот-вот выскочит из экрана.

— Нет, вовсе не окончен! Элфи — взрослая, она сама способна принимать решение, но Номер Первый — почти ребенок. Ты не имеешь права подвергать его опасности. Слишком много надежд возложено на этого маленького демона. От него зависит будущее всех ветвей волшебного народца.

— Если Номер Первый не перенесет нас в прошлое, будущего не увидит никто из нас.

— Прошу вас, замолчите,— попросил Номер Первый.— От ваших споров у меня кружится голова. У нас нет времени на это.

Кровь бросилась в лицо Артемису, но он заставил себя замолчать, в отличие от Жеребкинса, который продолжал орать, правда, приглушив звук.

— Жеребкину надо выговориться,— объяснила Элфи,— иначе у него голова разболится.

Они подождали, пока кентавр успокоится, потом заговорил Номер Первый:

— Артемис, в любом случае я не смогу сопровождать тебя. Все происходит иначе.

— Но ты перенес нас домой с Гибраса.

— Это сделал Кван. Он — мастер, а я — всего лишь ученик. Кроме того, у нас нет ни малейшего желания снова оказаться на Гибрасе. Если ты хочешь вернуться сюда, я должен остаться здесь как якорь.

— Объясни,— просто попросил Артемис.

Номер Первый широко раскинул руки.

— Я — маяк,— объявил он.— Сверкающая сверхновая звезда. Вся выпущенная мной в эфир магия притягивается обратно ко мне. Я пошлю вас в прошлое, и вы вернетесь ко мне, как щенки на поводке.— Номер Первый нахмурился,

не слишком довольный таким сравнением.— Ну, как на поводке-рулетке.

— Мы поняли,— сказал Артемис.— Сколько времени потребуется на составление заклинания?

Номер Первый задумчиво пожевал губу.

— Примерно столько же, сколько потребуется вам двоим, чтобы раздеться.

— Хурк,— буркнул Артемис, едва не задохнувшись от удивления.

— Д'Арвит,— выругалась Элфи.

— Думаю, все знают, что значит «Д'Арвит»,— сказал Номер Первый.— Но такого слова, как «хурк», я не знаю. Может быть, ты имел в виду «hark», что на твоем языке означает «прислушиваться» или «вспоминать что-либо из прошлого», что, на мой взгляд, вполне уместно. Возможно, ты говорил по-голландски, в этом случае «hurk» можно перевести как «сидеть на корточках».— Номер Первый подмигнул.— В моем случае «припадать к земле».

Артемис наклонился к похожему на рожок уху демона.

— Почему мы должны снять одежду?

— Это очень хороший вопрос,— прошипела Элфи в другое ухо.

— Все очень просто,— ответил Номер Первый.— Я не так опытен, как Кван. Но даже во время последнего перемещения, которым он руководил, вы умудрились поменяться глазами — вероятно, потому, что кое-кто сосредоточился на краже магии. Если вы возьмете с собой одежду или оружие, вещи могут слиться воедино с вашими телами.— Демон поднял вверх палец.— Правило номер один для перемещения во времени: не усложняй. Вам потребуется максимально сосредоточиться, чтобы собрать собственные руки-ноги. А ведь еще придется думать о лемуре.

Номер Первый заметил смущение Артемиса и Элфи и решил сжалиться.

— Полагаю, одну вещь вы можете взять с собой, если это так необходимо. Небольшую деталь одежды, но убедитесь, что ее цвет вам к лицу, потому что носить данный предмет вам придется достаточно долго.

Оба понимали, что сейчас не до застенчивости, и все же густо покраснели. Элфи поборола смущение тем, что начала поспешно стаскивать с себя маскировочный костюм.

— Я оставляю это,— заявила она тоном, в котором отчетливо слышалось: «И только попробуй возрази!»

Предмет одежды походил на купальник, но с накладками на плечах и спине, к которым крепились крылья. Встроенные тепловые и кинетические панели, работавшие за счет поглощения энергии пользователя, служили источником питания костюма.

— О'кей,— сказал Номер Первый.— Но советую снять накладки и электронные приборы.

Элфи кивнула и сорвала накладки с «липучек».

Артемис собрал вещи Элфи.

— Положу твой шлем и костюм в сейф — хочу быть уверен, что на них никто не покусится. Не стоит рисковать, когда дело касается технологии волшебного народца.

— Заговорил, как настоящий кентавр,— заметил Жеребкинс.

Спрятать эльфийское снаряжение было делом одной минуты, и, вернувшись из хранилища, Артемис снял рубашку и брюки и аккуратно повесил их в шкаф. Туфли он поставил на полку для обуви рядом с несколькими аналогичными парами черных и одной коричневой для повседневной носки.

— Прикольное бельишко,— хихикнул с экрана Жеребкинс, на мгновение забыв о серьезности ситуации.

На Артемисе остались лишь трусы-«боксеры» от Армани, пунцового, как и его лицо, цвета.

— Может, продолжим? — раздраженно произнес он.— Куда нам встать?

— Туда, где хотите оказаться,— просто ответил Номер Первый.— Мне будет гораздо проще, если вы взлетите и приземлитесь в одной точке. Провести вас со сверхсветовой скоростью по узкому, словно червоточина, каналу и так достаточно трудно, чтобы еще и о месте думать.

— Мы стоим на нужном месте,— сказал Артемис.— Сюда-то нам и надо.

— Вы должны точно знать, в каком времени хотите оказаться,— добавил Номер Первый.— Временные координаты важны не менее, чем географические.

— Я знаю время.

— Отлично,— сказал Номер Первый, потирая руки.— Пора отправлять вас в путь.

— Я не завершила Ритуал,— спохватилась Элфи.— У меня почти не осталось магии, а тогда нам придется туго, потому что оружие мы оставляем. У нас нет желудя.

— Не говоря уже об излучине реки,— добавил Артемис.

Номер Первый ухмыльнулся.

— Да, это могло бы стать серьезным препятствием, но...

Сpirальные руны на лбу демона накалились докрасна и завертелись, как огненное колесо. Зрелище завораживало.

— Ого! — воскликнула Элфи.— Это же просто...

Тут пульсирующий малиновый луч магии вырвался из центра руны и окутал Элфи коконом света.

— Теперь ты полна до краев,— низко поклонился Номер Первый.— Большое спасибо. Работаем без выходных. Не забудьте напомнить вашим гоблинам зарыть желуди.

— Ого! — снова воскликнула Элфи, когда кончики пальцев перестали дрожать.— Ловкий трюк.

— Более того. Это моя личная магия. Фирменный коктейль Номера Первого, если угодно, который сделает тебя маяком в во временном туннеле.

Артемис машинально переступил с ноги на ногу.

— Сколько у нас будет времени?

Номер Первый уставился в потолок, подсчитывая в уме.

— Триста лет... Нет, три дня. До истечения этого срока Элфи сможет вернуть тебя домой

в любой момент, просто открывшись моей силе, но по прошествии трех дней связь начнет ослабевать.

- И с этим ничего нельзя поделать?
- Посмотрим фактам в лицо: я, может, и всемогущ, но это дело для меня новое, поэтому жизненно необходимо, чтобы вы стартовали оттуда, куда приземлитесь. Если не вернетесь через три дня, останетесь в прошлом навечно.
- А если мы разделимся, Элфи сумеет вернуться и забрать меня? — спросил Артемис.
- Нет, — ответил Номер Первый. — Вы не сможете встретиться в точке, в которой раньше не бывали вместе. Это разовая операция. Мне потребуется напрячь все силы, чтобы удержать вас двоих. Стоит хоть на мгновение отвлечься, и ваши атомы потеряют память и просто не смогут вспомнить, куда должны направляться. Вам обоим дважды пришлось побывать в туннеле времени. Неодушевленные предметы можно перемещать вечно, но живые существа распадаются, если в потоке нет колдуна, способного их защитить.

Элфи задала очень важный вопрос:

- Номер Первый, а ты раньше это проделывал?

— Конечно,— ответил демон,— несколько раз. На симуляторе. Двум голограммам удалось выжить.

Решимость Артемиса несколько поколебалась.

— Двум? Двум последним?

— Нет,— признался Номер Первый.— Две последние застряли во временнóм аппендице, и их сожрали квантовые зомби.

Элфи ощущала покалывание в остроконечных ушах. Плохой знак. Уши эльфов всегда чувствовали опасность.

— Квантовые зомби? Ты серьезно?

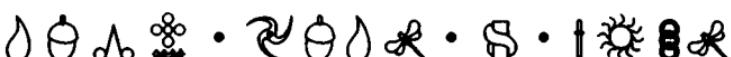
— Так я сказал Квану. Он написал эту программу.

— Не имеет значения,— перебил их Артемис.— Иного выхода у нас нет.

— Очень хорошо,— сказал Номер Первый, разминая пальцы, затем согнул колени и перенес вес тела на кончик хвоста.— Поза силы,— объяснил он.— Самых лучших результатов я достигаю именно в этой позе.

— Каки Мульч Рытвинг,— пробормотал Жербкинс.— Квантовые зомби. Нужно при случае раздобыть копию этой программы.

Красная дымка окутала демона-колдуна, между рогами у него с треском заметались крошечные молнии.

— Он накапливает энергию,— объявил Жеребкинс со всех экранов.— Можете стартовать в любую секунду. Помните, не прикасайтесь ни к чему без крайней необходимости. Ни с кем не разговаривайте. Не связывайтесь со мной в прошлом. У меня нет ни малейшего желания перестать быть.

Артемис кивнул.

— Я знаю. Стратегия минимального воздействия — на случай, если пресловутый парадокс времени имеет хоть какое-то отношение к реальности.

Элфи уже не терпелось отправиться в путь.

— Хватит околонаучной болтовни. Давай отправляй нас в прошлое. Мы вернем обезьяну.

— Лемура,— одновременно поправили Артемис и Жеребкинс.

Номер Первый закрыл глаза, а когда открыл, они были темно-красного цвета.

— Ну что, готовы? — небрежно произнес он.

Артемис недоверчиво прищурился. Он думал, что голос могущественного колдуна в подобной ситуации окажется не таким писклявым.

— Ты уверен?

Номер Первый застонал.

— Я понимаю. Все дело в голосе, да? Он недостаточно хриплый. Кван говорит, что в мо-

ем поведении должно быть меньше беззаботности и больше колдовства. Поверь, я готов. Возьмитесь за руки.

Артемис и Элфи стояли в одном белье, неловко сцепив ладони. За время знакомства они вместе пересекли время и пространство, пережили бунты, сражались с обезумевшими тиранами. Харкали кровью, теряли пальцы, дышали гномыми газами, даже поменялись глазами, но после всего этого, взявшись за руки, чувствовали себя неловко.

Номер Первый понимал, что делать этого не следует, но не мог удержаться от прощальной шутки.

— Объявляю вас...

Державшимся за руки шутка, конечно, не понравилась, но прежде, чем они успели хотя бы нахмуриться, два ярко-красных луча энергии вырвались из глаз Номера Первого и отправили друзей в туннель времени.

— ...человеком и эльфийкой,— закончил шутку Номер Первый и довольно хихикнул.

Жеребкинс фыркнул с экрана.

— Полагаю, за смехом скрывается беспокойство?

— Ты совершенно прав,— ответил Номер Первый.

Там, где только что стояли Артемис и Элфи, остались их мерцающие копии со ртами, открытыми, чтобы отругать маленького демона за неуместный юмор.

— Эти фантомные изображения каждый раз пугают меня. Словно они уже умерли.

Жеребкинс поежился.

— Не надо так говорить. Если они погибли, скоро и мы последуем за ними. Когда они вернутся?

— Примерно через десять секунд.

— А если не вернутся через десять секунд?

— Значит, не вернутся никогда.

Кентавр начал отсчет.

ГЛАВА 6

САМ У СЕБЯ

Когда сухопутное существо, будь то животное, человек или подземный житель, попадает в воду, всегда возникает частичная потеря ориентации. В момент погружения все органы чувств испытывают потрясение. Холод обжигает, движения замедляются, перед глазами возникают цветные пятна и лопаются пузырьки воздуха. Пребывание в туннеле времени можно сравнить с нырком, только растянутым.

Это вовсе не значит, что само путешествие протекает однообразно. Каждый раз все оказывалось по-другому. Демон-колдун Кван, считавшийся самым опытным темпоранавтом на планете, писал в своей ставшей бестселлером

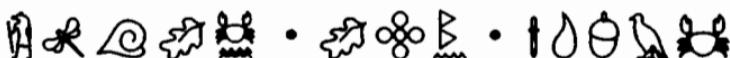
¤ ☮ ♀ ☮ • ♂ • ♀ • ☐ ☙ ☮ ☙ •

автобиографии «Кван: Мое время — сейчас»: «Путешествие по туннелю времени можно сравнить с полетом по кишечнику гнома. Некоторые участки преодолеваешь легко, даже не без удовольствия, но стоит свернуть, как тут же натыкаешься на зловонную пробку. Проблема заключается в том, что туннель времени является, по сути своей, эмоциональной конструкцией, поглощающей внешние ощущения из реального времени, вокруг которого он пролегает. Если вы попадаете в участок, как будто заполненный зловонной жижей, можете не сомневаться: люди что-то уничтожают».

Артемис и Элфи с трудом преодолели такой зловонный участок, соответствующий уничтожению всей экосистемы Южной Америки. Они воспринимали ужас животных и даже ощущали запах сгоревших лесов. Кроме того, Артемис чувствовал, что Элфи тонет в буре эмоций. Если она утратит самообладание, атомы ее тела рассеются и будут поглощены потоком.

«Элфи, сосредоточься, — мысленно обратился он к спутнице. — Вспомни, кто ты и почему мы здесь».

Им обоим приходилось нелегко. Память составляющих их организмы частиц уже была

ослаблена путешествием на Гибрас, и соблазн слиться с потоком казался почти непреодолимым.

Для укрепления решимости Артемис вызвал в памяти образ матери.

«Я знаю, где и когда хочу оказаться,— думал он.— Точно знаю, где и когда».

Поместье Фаулов, почти восемь лет назад

Артемис и Элфи вынырнули из туннеля времени и оказались в кабинете десятилетнего Артемиса. В физическом смысле все прошло гладко и напоминало прыжок с низкой стены на толстый ковер, но в плане эмоциональном этот переход стал для них десятиминутной атакой самых худших в жизни воспоминаний. Туннель времени: каждый раз — будто первый.

Элфи поплакала, вспомнив мать, но настойчивый бой напольных часов быстро напомнил ей, где и в каком времени она находится. Капитан Малой с трудом поднялась на ноги и увидала направляющегося к платяному шкафу Артемиса. Его вид немного развеселил ее.

— Надо же, а ты себя запустил,— сказала она.

Артемис рылся в шкафу.

— Конечно, ничего не подходит,— пробормотал он.— Все мало.

Элфи отодвинула его локтем.

— Зато мне — в самый раз,— заметила она, снимая с вешалки темный костюм.

— Мой первый костюм,— с любовью в голосе произнес Артемис.— Я надел его для рождественской семейной фотографии. Понятия не имел, как его носить. Помню, жутко нервничал во время примерки. Сшит на заказ у Джильдо Дзенья.

Элфи срывала с костюма полиэтиленовый чехол.

— Главное, чтобы подошло.

Только теперь Артемис достаточно успокоился, чтобы вспомнить о замечании Элфи.

— Что ты имела в виду, сказав, будто я себя запустил?

Элфи повернула дверцу шкафа так, чтобы зеркальная сторона оказалась обращена к Артемису.

— Сам посмотри.

Артемис посмотрел. В зеркале он увидел высокого стройного юношу со щетиной на подбородке и густыми волосами до плеч, почти закрывающими лицо.

— А, вижу.

— Странно, что видишь,— заметила Элфи.— Челочка не длинновата?

— Ускоренное старение. Побочный эффект путешествия во времени,— выдвинул гипотезу совершенно не обеспокоенный происшедшими в нем переменами Артемис.— Когда будем возвращаться, эффект должен получиться обратный.— Он бросил взгляд на Элфи.— Может, тебе тоже стоит взглянуть в зеркало. Не я один изменился.

Элфи оттолкнула его. Она была уверена, что он шутит, но улыбка исчезла с ее губ, когда она увидела себя в зеркале. Лицо было ее, но не совсем: не хватало некоторых шрамов и появившихся за несколько десятилетий морщин.

— Я молодая! — удивленно воскликнула она.— То есть моложе.

— Не расстраивайся,— попытался успокоить ее Артемис.— Это лишь временные изменения. Не более чем маскарад. Моя физическая зрелость, твоя молодость. Через пару мгновений мы снова окажемся в туннеле.

Но Элфи не могла не расстраиваться. Она понимала, как это произошло.

«Я думала о матери. О последних часах, проведенных с ней. О том, какой я была тогда».

Поэтому она изменилась.

«Судя по внешнему виду, я только что окончила Академию. Сейчас я чуть старше Артемиса, в человеческом исчислении».

По какой-то непонятной причине данная мысль ее беспокоила.

— Надень штаны,— произнесла она резким тоном, застегивая накрахмаленную белую сорочку на все пуговицы.— Твои теории обсудим потом.

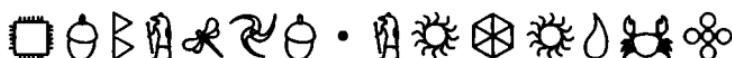
Артемис использовал несколько дополнительных дюймов роста, чтобы снять со шкафа большую коробку. В ней лежала аккуратно сложенная одежда, предназначенная для одного из благотворительных магазинов Ангелины Фаул.

Он бросил Элфи серебристый парик.

— Остался от костюмированного бала в стиле семидесятых,— объяснил он.— Насколько я помню, мама изображала звездную десантницу. Спрячь свои остроконечные уши.

— Гораздо проще было бы надеть шляпу,— заметила Элфи, закрывая париком коротко остриженные рыжеватые волосы.

— Боюсь, тебе не повезло,— вздохнув, произнес Артемис, вынимая из коробки старый тренировочный костюм.— Да, явно не из «Харродс», но придется обойтись тем что есть.

Старые туфли Артемиса подошли Элфи, а в коробке нашлась пара отцовских кроссовок, которые перестали сваливаться с его ног, когда он набил носки бумагой.

— Одежда никогда не помешает, если собираешься украсть обезьяну, — заметила Элфи.

Артемис закатал рукава куртки.

— Честно говоря, в одежде нет необходимости. Нам всего-то надо подождать несколько минут, пока мама едва не поймает Дворецки, когда тот попытается пробраться на верхний этаж с лемуром. Я помню, что он передал мне клетку через дверь, а я сам поднял ее на верхний этаж. Как только здесь появится клетка, мы схватим ее, сбросим с себя эти нелепые тряпки и вернемся к Номеру Первому.

Элфи уставилась в зеркало. Она напоминала президентского телохранителя с другой планеты.

— Слишком просто.

— Так и было просто. И будет. Дворецки никогда не входил в кабинет. Надо всего лишь немного подождать.

Артемис убрал прядь темных волос со лба, открыв печальные разноцветные глаза.

— Слышишь? — спросил он, указав на потолок.

Элфи заправила серебристую прядь за ухо, наклонила голову и напрягла и без того чуткий слух. Она услышала бой напольных часов, сердцебиение путешественников во времени, но, кроме того, пронзительные истеричные крики.

— Мама.— Артемис потупился.— В тот раз она впервые не узнала меня. В данный момент она угрожает вызвать полицию. Через мгновение сбежит по лестнице к телефону и обнаружит Дворецки.

Элфи все понимала. Разве мог сын забыть подобный момент? Пережить его во второй раз было, возможно, проще, но все равно мучительно.

— Я все отчетливо помню. Мы только что вернулись из Ратдаун-парка — частного зоопарка. Я решил узнать, как она себя чувствует, прежде чем лететь в Марокко. Буквально через месяц она уже не могла обходиться без посторонней помощи.

Элфи сжала его руку.

— Все в порядке, Артемис. Это осталось в прошлом. Через несколько минут твоя мать встанет на ноги и будет любить тебя, как любила всегда.

Артемис кивнул с печальным видом. Он знал, что, вероятно, все так и будет, но также

знал, что никогда не избавится от мрачных воспоминаний.

На верхнем этаже пронзительные крики Ангелины Фаул перенеслись из спальни на лестничную площадку.

Артемис прижал Элфи к стене.

— Дворецки, вероятно, уже на лестнице. Мы должны спрятаться, на всякий случай.

Элфи с трудом сдерживала волнение.

— Ты уверен, что он сюда не войдет? В последний раз, когда я встретилась с Дворецки как с противником, на моей стороне была вся Подземная полиция. Меня не прельщает перспектива вступить с ним в бой, будучи вооруженной одним серебристым париком.

— Успокойся, капитан, — произнес Артемис покровительственным тоном. — Он не войдет. Я видел это собственными глазами.

— Видел собственными глазами? — переспросил за их спинами Дворецки, который проник в кабинет из смежной спальни.

Артемис почувствовал, как удары сердца отдаются в кончиках пальцев. Этого не могло быть. Этого не было. Он никогда прежде не испытывал на себе испепеляющего взгляда Дворецки и теперь впервые понял, какой ужас вселяет в людей его телохранитель.

— Я вижу, вы, ребята, решили подобрать себе что-то из гардероба мистера Фаула,— продолжил гигант, не дожидаясь ответа на свой вопрос.— Итак, намерены поднять шум или будете вести себя спокойно? Бесплатный совет: правильно второе.

«Нам поможет только магия»,— решила Элфи.

Она резко дернула подбородком, вызывая магическую силу. Оглушить Дворецки не получится, но можно попытаться его загипнотизировать...

— Отойди, человек,— нараспев произнесла она голосом, заряженным гипнотической энергией.

Но чары работали по двум каналам — визуальному и звуковому. Дворецки слышал волшебные слова, но зрительный контакт в полу-мраке кабинета был затруднен.

— Что? — удивленно воскликнул телохранитель.— Как ты...

Гиганта слишком часто накачивали специальными лекарствами, чтобы он не распознал попытку манипулировать его волей. Эта мелочь пузатая каким-то образом пыталась подчинить его себе. Он попятился и сильно ударился плечом об арку.

— Усни, Дворецки,— сказала щуплая фигурка в серебристом парике звездной десантницы.

«Она меня знает?»

Положение становилось серьезным. Эти двое явно некоторое время наблюдали за поместьем и решили проникнуть в дом любой ценой.

«Я должен обезвредить их прежде, чем потеряю сознание,— подумал телохранитель.— Если они меня победят, Артемис и миссис Фаул останутся беззащитными».

Вариантов было два: упасть на карликов-взломщиков или выстрелить в них из пистолета дротиком со сноторвным, припасенным для похищения лемура из Ратдаун-парка.

Телохранитель выбрал второй вариант. По крайней мере, дротики с лекарством не раздавят этих двоих и не переломают им кости. Приняв решение усыпить юных взломщиков, Дворецки почувствовал себя виноватым, но не слишком, ибо сам работал на Артемиса Фаула и прекрасно знал, насколько опасными могут быть дети.

Звездная десантница вышла из темноты, и гигант отчетливо увидел ее глаза. Один голубой, второй — карий.

— Усни, Дворецки,— повторила она мелодичным, исполненным чарующей силы голосом.— У тебя уже тяжелеют веки? Спи.

«Она меня гипнотизирует!» — понял он и вытащил пистолет. Это удалось ему не без труда — пальцы словно кто-то окунул в патоку, а потом посыпал шариками от подшипников.

— Сама спи,— пробормотал он и выстрелил девице в ногу.

Элфи изумленно уставилась на торчавший из ноги шприц-дротик.

— Только не это! — простонала она и упала на пол.

В голове у Дворецки мгновенно прояснилось.

Второй незваный гость даже не пошевелился.

«Из них двоих профессионалом была девчонка,— подумал, поднимаясь с пола, телохранитель.— Интересно, чем помогал партнеру этот странный нечесаный тип?»

Артемис мгновенно понял, что ему остается только назвать себя и сделать Дворецки своим союзником.

«Это будет не просто,— подумал он.— В качестве доказательства я могу предъявить лишь отдаленное сходство с самим собой в детстве».

Тем не менее попытаться следовало, прежде чем его план потерпит полный крах.

— Послушай, Дворецки,— начал он.— Я должен кое-что сказать тебе...

Но тот и не собирался его выслушивать.

— Нет-нет-нет,— торопливо пробормотал он и выстрелил Артемису в плечо.— Не хочу слушать ни тебя, ни ее.

Артемис выдернул дротик, но слишком поздно. Крошечная капсула для транквилизатора уже была пуста.

— Дворецки! — воскликнул он, падая на колени.— Ты выстрелил в меня.

— Проклятье, все знают мое имя,— вздохнул телохранитель и наклонился, чтобы поднять с пола незваных гостей.

— Я заинтригован,— произнес десятилетний Артемис Фаул, рассматривая лежащие в багажнике «бентли» два бесчувственных тела.— Здесь произошло нечто из ряда вон выходящее.

— Едва ли,— возразил Дворецки, проверяя у девушки пульс.— Воришки каким-то образом проникли в поместье.

— Они обошли систему безопасности. Датчики движения даже не пискнули?

— Нет. Я наткнулся на этих ребят во время обычного обхода. Прятались в темноте, одеты были в обноски из платяного шкафа.

Артемис задумчиво постучал пальцем по подбородку.

- Гм. То есть их одежду ты не нашел?
- Ни лоскутка.
- Выходит, они проникли сюда и обошли систему безопасности в одном белье?
- А вот это действительно странно,— согласился телохранитель.

Артемис достал из кармана пиджака тонкий фонарик и направил луч света на Элфи. Пряди серебристых волос засверкали, как стеклянный шар на дискотеке.

— В ней есть что-то странное. Строение костей какое-то необычное. Высокие скулы... возможно, она славянка? Широкий, как у ребенка лоб. Но пропорции черепа по отношению к туловищу не как у ребенка, а как у взрослого.

Дворецки глухо хихикнул.

- Значит, они инопланетяне?
- Парень — человек, а она — совсем другое существо,— задумчиво произнес Артемис.— Может быть, генетически усовершенствованное.— Он провел лучом по лицу девушки.— Смотри. Уши остроконечные. Поразительно.

У Артемиса от волнения зашумело в ушах. Происходило что-то очень странное... Очень важное. Пахло большими деньгами.

Он энергично потер ладони.

— Хорошо. Я не могу позволить себе отвлечься. В долгосрочной перспективе это существо может помочь нам разбогатеть, но сейчас мы должны забрать лемура.

Дворецки мгновенно поскучнел, хотя попытался скрыть это, резко шлепнув ладонью по крышке багажника.

— Я надеялся, мы забудем об этой обезьяне. Я обучался многим видам боевых искусств, но даже представить себе не мог, что мне придется сражаться с мартышкой.

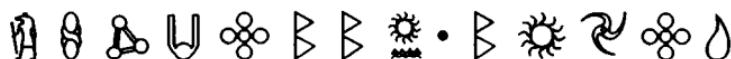
— С лемуром, Дворецки. Я прекрасно понимаю, что с твоей точки зрения эта операция ниже нашего достоинства, но на кону жизнь моего отца.

— Конечно, Артемис, как скажете.

— Вот именно. План таков. Мы отправимся в Ратдаун-парк, как планировали, а как мы поступим с незваными гостями, я решу, когда завершим сделку с экстинкционистами. Полагаю, в багажнике им ничего не угрожает?

Дворецки фыркнул.

— Вы шутите.

— Наверное, ты не заметил, Дворецки. Я редко шучу.

— Как скажете, хозяин. Вы — не шутник. Может быть, станете им когда-нибудь.

— Может быть — когда найду отца.

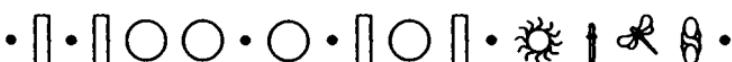
— Да. Кстати, отвечу на ваш вопрос. Это машина вашего отца, и в ее багажнике побывало больше пленников, чем вам исполнилось лет. Мафия, триады, якудза, Тихуанский картель, Ангелы Ада. Возьмите любую банду и можете не сомневаться: кто-нибудь из ее членов провел ночь в этом багажнике. Ваш отец специально усовершенствовал его. Установил кондиционер, светильник, чтобы люди не беспокоились, мягкую подвеску и даже источник питьевой воды.

— А он надежен? Не забывай, наши пленники смогли проникнуть в особняк.

Дворецки закрыл багажник.

— Титановый замок, усиленная крышка. Выбраться невозможно. Эти двое останутся там, пока мы их не выпустим.

— Превосходно,— заключил Артемис, устраиваясь на заднем сиденье «бентли».— Сейчас, только доделаю кое-что, а там забудем на время об этих двоих и сосредоточимся на лемуре.

— Превосходно,— эхом откликнулся Дворецки и добавил вполголоса: — Мартышки! Всю жизнь мечтал.

Ратдаун-парк, графство Уиклоу, Ирландия

Хотя Элфи была на пять килограммов легче Артемиса, в себя она пришла первой. Она была рада очнуться, потому что ей снился кошмар. Во сне она ударила коленями и локтями о стенки багажника «бентли», и ей привиделось, будто она находится на борту полицейской подводной лодки.

Свернувшись калачиком, Элфи лежала в темноте, глотала неподатливый комок в горле и сражалась со своими страхами. Ее мама получила смертельную дозу радиации, будучи заключена в металлическую коробку, а теперь и сама капитан Малой оказалась внутри такой же.

Именно мысли о матери в итоге успокоили Элфи. Она открыла глаза и попыталась исследовать замкнутое пространство глазами и кончиками пальцев. Очень скоро эльфийка обнаружила вмонтированный в стальную стенку плафон. Она включила свет и обнаружила лежащего рядом Артемиса, а за его плечом —

плавный скат крышки багажника. Позаимствованные туфли стояли на сверкающей дуге колесной арки.

«Все ясно. Мы в машине».

Артемис застонал, вздрогнул и открыл глаза.

— Продавайте акции «Феникса»... — пробормотал он, но быстро вспомнил о Дворецки и дротиках.— Элфи. Элфи!

Капитан Малой похлопала его по ноге.

— Все в порядке, Артемис,— произнесла она на гномьем языке на тот случай, если в машине притаились «жучки».— Я здесь. Куда я денусь?

Юноша повернулся на бок, откинул со лба густые волосы, мешавшие ему видеть, и тоже перешел на язык волшебного народца.

— Мы получили одинаковые дозы транквилизаторов, а ты, хоть и уступаешь мне в весе, очнулась первой. Магия?

Половина лица Элфи оставалась в темноте, несмотря на включенный светильник.

— Да. Фирменный коктейль Номера Первого — мощная штука.

— Достаточно мощная, чтобы помочь нам сбежать?

Элфи потратила минуту на осмотр поверхностей багажника, провела пальцами по каж-

дому сварному шву. Закончив, она покачала головой, сверкнув серебристым париком.

— Ни одного слабого места. Даже решетка кондиционера совсем не выступает. Нам не выбраться.

— Конечно, не выбраться,— согласился Артемис.— Мы внутри «бентли». Багажник — стальная коробка с титановым замком.— Он набрал полную грудь прохладного воздуха.— Как это могло получиться? Все изменилось. Дворецки должен был оставить клетку в моем кабинете. Вместо этого он подкрался из спальни и усыпал нас. Теперь мы не знаем, где находимся сами и, тем более, где находится лемур. А вдруг они его уже забрали!..

Элфи прижалась ухом к крышке багажника.

— Я могу сказать тебе, где мы находимся.

Снаружи сопели и фыркали звери.

— Мы рядом с животными. Я думаю, в зоопарке или зверинце.

— Ратдаун-парк! — воскликнул Артемис.— И это говорит о том, что они еще не забрали лемура. График и ситуация изменились.

Элфи задумалась.

— И мы эту ситуацию больше не контролируем. Наверное, пора признать поражение. Когда твоё младшее «я» отвезет нас в особняк, вер-

немся домой, в свое время. Может, тебе удастся отыскать лекарство в будущем.

Артемис ожидал такого предложения.

— Я думал об этом. Лемур по-прежнему представляет собой оптимальный вариант, и мы находимся всего в нескольких метрах от него. Дай мне пять минут, и мы выберемся отсюда.

Элфи, что неудивительно, ему не поверила.

— Пять минут? Даже великий Артемис Фаул вряд ли способен выбраться из стальной коробки всего за пять минут.

Артемис закрыл глаза и сосредоточился. Он старался не обращать внимания на тесноту, елозящие по щекам пряди волос и неприятный зуд от щетины на подбородке.

— Сдавайся, Фаул,— не отставала Элфи.— Мы попались. Даже Мульчу Рытвингу, если бы он проходил мимо, пришлось бы изрядно повозиться с этим замком.

Артемис нахмурился, недовольный тем, что его отвлекают, потом его лицо расплылось в жуткой из-за яркого света улыбке.

— Если бы Мульч Рытвинг проходил мимо,— прошептал он.— Каковы шансы?

— Нулевые,— ответила Элфи.— То есть совсем никаких. Готова поставить свою пенсию.

И в этот момент кто-то постучал по крышке багажника.

Элфи закатила глаза.

— Нет. Даже ты не...

Улыбка Артемиса прямо-таки лучилась самодовольством.

— Скажи, какая у тебя пенсия?

— Не могу поверить. Отказываюсь. Этого просто не может быть!

Кто-то снова постучал по крышке, потом послышался тихий скрип и приглушенное ругательство.

— Какой гортанный голос,— заметил Артемис.— Совсем как у гнома.

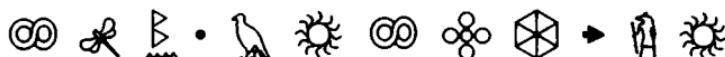
— Скорее всего, это Дворецки.— Элфи уже начал раздражать довольный вид Фаула.

— Дворецки ругается на гномьем? Маловероятно.

Из внешнего мира до них донеслись металлические звуки...

Дзинь. Блям. Бум.

...И крышка багажника распахнулась, открыв кусочек звездного неба и сверкающий силуэт гигантской опоры. Тут же проем заслонила косматая голова с лицом, измазанным землей и кое-чем похуже. Подобное лицо могла любить только родная мать его обладателя, и то

лишь в том случае, если у нее было слабое зрение. Темные, близко посаженные глаза, густая борода, которая шевелилась, словно раскачиваемые течением водоросли. Зубы у этого существа были крупные и квадратные, и копошащееся между резцами насекомое не добавляло ему привлекательности.

Это был, конечно, Мульч Рытвинг.

Гном поймал невезучее насекомое языком и с наслаждением разжевал.

— Жужелица,— сообщил он, смакуя добычу.— *Leistus montanus*. Приятный букет, крепкий, немного грубоватый, панцирь, и просто взрыв ароматов на нёбе, когда раскусишь.

Он проглотил бедную тварь, и мощно рыгнул, шлепнув толстыми губами.

— Никогда не рыгайте в туннеле,— посоветовал он Артемису и Элфи небрежным тоном, будто они сидели за столиком в кафе.— Земля опускается вниз, воздух поднимается вверх. Очень плохая мысль.

Элфи хорошо знала Мульча. Болтовней он просто отвлекал внимание, чтобы тем временем как следует осмотреться.

— Ладно, теперь к делу,— произнес наконец гном, отбрасывая в сторону мертвый волосок бороды, которым открыл замок.— Судя

по всему, я нашел запертыми в багажнике машины человека и эльфийку и должен задать себе вопрос: «Должен ли я выпускать их на свободу?»

— И как ты на него ответишь? — спросил Артемис, с трудом скрывая нетерпение.

Черные, навыкате глаза Мульча отражали лунный свет.

— Так, молодой вершок понимает язык гномов. Интересно. Тогда пойми вот что, человек. Я выпущу вас только после того, как получу свои деньги.

«Ага,— смекнула Элфи.— Значит, дело в деньгах. Эти двое каким-то образом успели договориться».

Она решила, что достаточно долго провела в заточении.

«Мульч еще не стал моим другом,— подумала она,— поэтому нет необходимости вести себя вежливо».

Она подтянула колени к подбородку, прижала их к себе обеими руками, чтобы увеличить хотя бы на фунт силу упругости.

Мульч мгновенно понял, что она собирается сделать.

— Эй, эльфийка...

Больше он сказать ничего не успел, поскольку получил сокрушительный удар по лицу крышкой багажника. Гном попятился и свалился в вырытую им самим яму, удивленно вскрикнув и подняв тучу пыли.

Элфи вылезла из багажника, перешагнув через Артемиса, и принялась жадно глотать свежий воздух, расправив грудь и подняв лицо к небу.

— Извини,— сказала она между вздохами.— Там было слишком тесно. Не люблю, когда тесно.

— Клаустрофobia? — спросил Артемис, выбинаясь из багажника.

Элфи кивнула.

— Была раньше. Я думала, что справилась с ней. Правда, потом...

Из ямы, в которую провалился гном, донесся шум, затем последовала россыпь очень скверных ругательств и земля зашевелилась.

Элфи быстро пришла в себя, спрыгнула в яму и схватила Мульча, прежде чем тот успел раззявити челюсти и удрать.

— Он может нам пригодиться,— прохрипела она, вытаскивая отчаянно сопротивляющегося гнома из ямы.— Все равно он нас видел, так что ущерб уже нанесен.

— Это двойной захват! — завопил Мульч.— Ты из полиции!

Она развернулся к ней лицом и зацепился волосками бороды за парик Элфи.

— Я тебя знаю, Элфи Малой. Капитан Элфи Малой. Один из цепных ротвейлеров Джуллиуса Крута...— Но вдруг морщинистый лоб гнома наморщился еще сильнее от недоумения.— Но этого не может быть.

Прежде чем Артемис успел предупредить Элфи, чтобы она ничего не спрашивала, она сделала именно это.

— Почему не может быть, Мульч?

Гном ничего не ответил, но его выдал виноватый взгляд, брошенный через плечо на висевший за его спиной потрепанный рюкзак «тек-фаб». Элфи, ловко развернув пленника, открыла главное отделение.

— Так, посмотрим, что у нас здесь за сокровища,— сказала она, обыскивая рюкзак.— Аптечка, паек, липкие панели связи. А это что, старая универсальная отмычка? — Потом она узнала нанесенную лазерным лучом надпись на основании.— Это же моя!

Несмотря на то что их связывала многолетняя дружба, Элфи направила всю силу гнева на Мульча.

— Где ты это взял? — закричала она.— Как ты ее достал?

— Подарок,— неуверенно произнес Мульч.— От моего... э...— Прищурившись, он прочел надпись.— От моей мамочки. Она всегда называла меня Элфи из-за моего вспыльчивого характера.

Такой рассерженной Артемис эльфийку еще не видел.

— Говори Рытвинг, только правду!

Мульч собрался заупрямиться, это было видно по тому, как он скрючил пальцы и оскалился, но буквально через мгновение природное добродушие возобладало и он успокоился.

— Украл эти вещи в Таре,— признался он.— Я вор, не так ли? Но в свою защиту могу сказать, что у меня было трудное детство, мое чувство собственного достоинства регулярно ущемляли, и я стал вымешивать обиду на других, наказывая их кражей собственности. Таким образом, пострадавшая сторона — я сам. И я себя прощаю.

Слушая болтовню Мульча, Элфи вспомнила, каким верным другом он станет, и гнев исчез так же быстро, как возник. Она провела пальцем по дарственной надписи.

— Мамин подарок,— сказала она тихо.— Самая надежная отмычка из всех, что у меня были. Как-то раз, в Гамбурге, беглый преступник заперся в машине. Я потянулась за отмычкой, а ее нет. Так я впервые упустила преступника. Беглеца схватили люди, и майору Крутому пришлось посыпать целую бригаду техников на зачистку. Это была катастрофа. А виноват, оказывается, всю дорогу был ты.

— Всю дорогу? — с недоумением переспросил Мульч.— Я снял ее с ремня в раздевалке всего час назад...— Мульч прищурился и хлопнул волосатыми ладонями.— Клянусь клапаном на заднице! Вы путешествуете во времени.

Элфи поняла, что сболтнула лишнего.

— Чушь!

Но гном уже пустился в пляс.

— Нет-нет, все сходится. Ты говоришь о грядущих событиях в прошедшем времени. Вы послали записку, чтобы я пришел сюда и спас вас.— Мульч прижал руки к щекам в притворном ужасе.— То, что совершили вы, по незаконности несравнимо со всеми моими преступлениями, как прошлыми, так и будущими. Представить невозможно, какую награду я получу, если сдам вас обоих Джулиусу Крутому.

— Послали записку? — переспросила Элфи.— Ерунда какая. Правда, Артемис?

— Определенно,— согласился юноша.— Но если бы кто-нибудь послал записку из будущего, то куда и в какое время?

Мульч ткнул большим пальцем в Элфи.

— Рядом с ее шкафчиком есть соединительная коробка. Выглядит так, словно к ней никто не прикасался уже много лет. Я проверил ее только потому, что в таких местах иногда прячут ценные приборы. В этой, впрочем, ничего такого не оказалось, только адресованный мне конверт, а в нем — записка с просьбой прйти сюда и освободить вас.

Артемис довольно улыбнулся.

— Полагаю, за наше спасение было предложено соответствующее вознаграждение?

Борода Мульча возбужденно зашевелилась.

— Крупное вознаграждение. Нет... колоссальное вознаграждение.

— Колossalное, да? Хорошо, ты его получишь.

— Когда? — тут же спросил Мульч.

— Скоро. Хочу, чтобы ты оказал мне еще одну услугу.

— Я так и знал,— заскрежетав зубами, сказал гном.— Никогда не приступай к работе,

не увидев деньги. Почему я должен тебе верить?

Артемис сделал шаг вперед, и взгляд его за завесой густых волос стал жестким.

— Ты не обязан мне верить, Мульч. Ты должен меня бояться. Я — вершок из твоего будущего, но могу оказаться и в прошлом, если ты откажешься нам помочь. Нашел тебя сейчас, найду и потом, если захочу. Может случиться так, что в следующем взломанном тобой багажнике машины тебя будут ждать пистолет и полицейский значок.

Мульч почувствовал, как зачесалась борода от дурного предчувствия, а его борода ошибалась редко. Как любила повторять его бабушка: «Доверяй волосам, Мульч. Доверяй волосам». Этот человек явно был опасен, а гному и так хватало неприятностей.

— О'кей, вершок, — неохотно согласился он. — Еще одна услуга. А потом советую тебе приготовить для меня колossalную сумму золотом.

— Приготовлю, не сомневайся, мой пикантно пахнущий друг.

Мульч был уязвлен до глубины души.

— Не называй меня другом. Просто скажи. Что. Надо. Сделать.

— Всего лишь применить свои природные способности и прорыть для нас туннель. Мне нужно украсть лемура.

Мульч кивнул, словно кража лемуров являлась самым естественным занятием в мире.

— И у кого мы должны его украсть?

— У меня.

Мульч нахмурился, но тут до него дошло.

— А... Путешествие во времени чревато неожиданностями.

Элфи сунула универсальную отмычку в карман.

— И не говори.

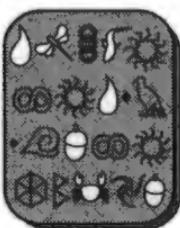
ГЛАВА 7

~~~~~

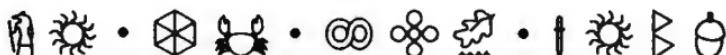
РАЗГОВОР

С ЖИВОТНЫМИ

Ратдаун-парк

«Бентли» Фаулов был защищен дактилоскопическим сканером и клавиатурой, на которой требовалось ввести восьмизначный код. Код менялся каждый месяц. Артемису понадобилось несколько секунд, чтобы отмотать назад почти восемь лет жизни и вспомнить правильную комбинацию цифр. Скользнув по обитому желтовато-коричневой кожей переднему сиденью, он приложил палец к расположенному за рулем второму сканеру. Из приборного щитка плавно выдвинулся подпружиненный потайной ящик. Его небольшой

глубины вполне хватало, чтобы вместить бумажник с наличными деньгами, платиновые кредитные карточки и запасной сотовый телефон на кронштейне.

— Оружия нет? — спросила Элфи, когда Артемис вылез из машины, хотя ни один из пистолетов Дворецки не пришелся бы ей по руке.

— Нет, — ответил Артемис.

— Ну и ладно, все равно из пушки Дворецки мне не попасть даже в слона.

— Охота на слонов программой не предусмотрена, — напомнил Артемис. Он перешел на английский, как только они выбрались из багажника. — Нас интересуют лемуры. Как бы там ни было, в сложившихся обстоятельствах мы не можем стрелять в противника, поэтому нам лучше оставаться безоружными.

— Тут ты не прав, — возразила Элфи. — Я не могу стрелять в тебя или лемура, но готова поспорить, противников и без вас хватит. Ты наделен особым талантом приобретать врагов.

Артемис пожал плечами.

— Чужая гениальность всегда раздражает. Суровая правда жизни.

— Гениальность и воровство, — добавил сидевший на краю крышки багажника Мульч. —

Поверьте знатоку, никому не нравится умный вор.

Артемис забарабанил пальцами по крылу.

— У нас имеются определенные преимущества. Эльфийская магия. Способность к землеройным работам. Я почти на восемь лет опытнее в искусстве плетения интриг, чем другой Артемис.

— В плетении интриг? — насмешливым тоном переспросила Элфи. — Ты слишком к себе снисходителен. Думаю, правильнее было бы назвать твои поступки крупными хищениями.

Артемис прекратил барабанить.

— Одна из твоих волшебных способностей — мгновенно овладевать любым языком, верно?

— Я же разговариваю с тобой.

— На каких языках ты можешь разговаривать?

Элфи улыбнулась. Она достаточно хорошо изучила прихотливый ум Артемиса, чтобы понять, куда он клонит.

— На любых.

— Отлично. Нам придется разделиться. Ты направишься в Ратдаун-парк по земле, а мы с Мульчем — под землей. Если нам потребуется отвлекающий маневр, используй свой дар.

— С удовольствием,— откликнулась Элфи и тут же сделалась полупрозрачной, будто состояла из одной воды. Последней исчезла ее улыбка.

«Совсем как Чeshireский кот».

На память ему пришли несколько строк из «Алисы в Стране чудес»:

«— На что мне безумцы? — сказала Алиса.

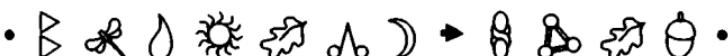
— Ничего не поделаешь,— возразил Кот.— Все мы здесь не в своем уме — и ты, и я»*.

Артемис бросил взгляд на, как он выразился, пикантно пахнущего гнома, занятого поиском запутавшихся в живой бороде насекомых.

«Все мы здесь не в своем уме», — подумал он.

Несмотря на защитный экран, Элфи подходила к главным воротам Ратдаун-парка осторожно. Однажды ее соотечественники поплатились многочисленными травмами и синяками за то, что опрометчиво понадеялись на свою невидимость, имея дело с Дворецки. Она не собиралась недооценивать телохранителя, и при одной мысли о том, что он снова стал ее вра-

* Кэрролл Л. «Алиса в Стране чудес». Перевод Н. Демуровой.

гом, желудок эльфийки наполнялся едкой кислотой.

Неудобная человеческая одежда царапала тело. Она не была рассчитана на использование защитного экрана и через несколько минут обещала рассыпаться в пыль.

«Не хватает любимого “Нейтрино”, — подумала Элфи, глядя на усиленные стальные створки, за которыми начиналась темная неизвестность. — А еще мне не хватает Жеребкинса и спутниковой связи с ним».

Но в душе Элфи была авантюристкой, и мысль о бегстве даже не приходила ей в голову.

При задействованной невидимости трудно работать с механизмами, и на несколько секунд Элфи отключила экран, чтобы вскрыть замок универсальной отмычкой. Модель была старая, но мать истратила несколько лишних слитков на обновление. Стандартная отмычка отпирала любую дверь, работающую по простому механическому принципу «замок-ключ». Эта же отмычка могла разблокировать электронные замки и даже отключать простейшие системы сигнализации.

«Но в этом нет необходимости, — подумала она. — Насколько Артемиспомнит, он тогда отключил всю сигнализацию».

Впрочем, данное соображение не слишком ее успокаивало. Один раз ирландец уже ошибся.

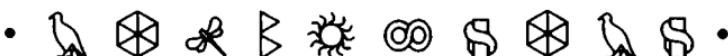
Отмычка выполнила работу меньше чем за пять секунд и мягко завибрировала словно замурлыкала довольная собственной ловкостью кошка. Тяжелая створка бесшумно распахнулась от легчайшего прикосновения, и Элфи снова сделалась невидимой.

Она вошла в Ратдаун-парк, и тут ее захлестнула тревога, более сильная, чем за все предыдущие годы.

«Я снова стала новичком. Девчонкой, только что окончившей Академию,— догадалась эльфийка.— Неопытное тело берет верх над опытным мозгом».

Капитан Малой нахмурилась. Надо поскорее найти эту мартышку, а то так и в детство впасть недолго.

Младший из Артемисов отключил охранную сигнализацию сразу, как только вошел в officinoе здание парка. Заблокировать все датчики директорской карточкой-ключом труда не составило. Немного раньше, во время устроенной специально для него экскурсии, он задал несколько сложных вопросов по поводу обоснованности теории эволюции. Директор, убеж-

денный эволюционист, настолько углубился в объяснения, что не заметил, как Дворецки вытащил карточку у него из кармана. Едва только карточка оказалась в руках телохранителя, он просто вставил ее в копирующее устройство, работающее на простых батарейках, и принял ся насвистывать что-то из Моцарта, дабы заглушить жужжение прибора.

Через две минуты они располагали всей необходимой им информацией, карточка вернулась в карман директора, а Артемис вдруг решил, что теория эволюции не лишена здравого смысла.

«Хотя в ней больше дыр, чем в голландской дамбе, сложенной из швейцарского сыра», — сообщил он Дворецки по пути к воротам парка.

Телохранителя эта фраза обнадежила, ибо напоминала почти настоящую щутку.

Вечером младший Артемис спрятал миниатюрную видеокамеру в канал установленного в багажнике кондиционера.

«За нашими гостями стоит присмотреть».

Особенно интересна была девушка. Захватывающе интересна, честно говоря. Действие транквилизатора скоро заканчивалось, и ему не терпелось взглянуть на ее реакцию. Она занимала его гораздо больше, нежели косматый юно-

ша, хотя высокий лоб предполагал наличие ума и в чертах лица прослеживалось много общего с членами семьи Фаулов. Это лицо напоминало Артемису старую фотографию отца в юношеском возрасте, когда тот работал на археологических раскопках в Южной Америке. Может быть, этот пленник приходится ему дальним родственником и надеется заявить о своих наследственных правах, узнав, что отец пропал без вести. В этом тоже следовало разобраться.

Миниатюрная камера передавала сигнал на сотовый телефон, и десятилетний Артемис иногда поглядывал на экран, пока Дворецки вел его по Ратдаун-парку к лемуру.

— Мистер Фаул, сосредоточьтесь,— ворчал телохранитель.— Давайте совершать по одному злодеянию за раз.

Артемис оторвал взгляд от телефона.

— Злодеяния, Дворецки? Злодеяния? Честно говоря, я не считаю нас мультишными злодеями. Я не умею гнусно смеяться, и черной повязки на глазу у меня нет.

— Пока нет. Но скоро появится, если вы не сосредоточитесь на предстоящей работе.

Они проходили под аквариумом Ратдаун-парка по плексигласовому туннелю, из которого ученые и редкие посетители могли наблю-

дать за животными, обитающими в резервуаре емкостью в миллион галлонов. В резервуаре, насколько это было возможно, воспроизводилась естественная среда обитания представителей водной фауны.

В различных отсеках поддерживалась необходимая температура, высаживалась необходимая растительность. Некоторые секции были заполнены морской водой, остальные — пресной, но во всех обитали только вымирающие или редкие виды.

Единственными источниками света в туннеле служили рассыпанные по потолку крошечные лампочки, имитирующие звезды, и биolumинесценция колючей акулы. Хищница следовала за Артемисом и Дворецки вдоль туннеля, пока не уткнулась носом в плексигласовую стенку.

Артемиса, впрочем, больше интересовал его сотовый телефон, нежели излучавшие жутковатый свет фотофоры акулы.

На экране происходили почти невероятные события. Артемис замер, чтобы полностью осознать увиденное.

Незванные гости особняка Фаулов выбрались из багажника «бентли» с помощью сообщника. Еще одного не-человека.

«Я попал в совершенно новый мир. Эти существа, вероятно, принесут гораздо больше прибыли, чем лемур. Не следует ли отказаться от текущего предприятия и сосредоточиться на не-людях?»

Артемис выставил громкость на максимум, но установленный на миниатюрной камере крошечный микрофон улавливал лишь обрывки разговора.

В основном говорили на каком-то незнакомом языке, но иногда гости переходили на английский, и мальчик не единожды уловил слово «лемур».

«Возможно, этот лемур стоит гораздо дороже, чем я полагал. Животное стало приманкой, которая привлекла этих существ».

Прошла минута, в течение которой на экране виднелось только маленькое, безобразное, похожее на гнома существо с непропорционально большой задницей, оседлавшее крышку багажника. Затем появилась девушка, чтобы сразу исчезнуть — на экране там, где она только что была, остались лишь знаменитые опоры Ратдаун-парка.

Артемис стиснул телефон в руке.

«Невидимость?! На создание отражающего поля или генерирование высокочастотных

колебаний требуется невероятно много энергии».

Он быстро пролистал меню телефона и включил цифровой инфракрасный преобразователь изображения, который определенно не являлся стандартной опцией, и с облегчением увидел, что девушка вновь появилась на экране в виде теплового пятна.

«Отлично. Не исчезла, просто стала трудноразличимой».

Не спуская глаз с телефона, Артемис окликнул телохранителя:

— Дворецки, старина. Небольшая корректировка плана.

Телохранитель понимал, что на отмену охоты рассчитывать не приходится.

— Готов поспорить, мы продолжаем идти по следу этого существа.

— Существ,— поправил десятилетний Артемис.— Во множественном числе.

Четырнадцатилетнему Артемису наблюдаемое вокруг совсем не нравилось. Чтобы отвлечься, он даже сочинил хайку, в котором попытался описать открывшийся перед ним вид.

Бледные дрожащие шары
Вспенивают губительные дары,
Лысые головы в мешке...

Мульч Рытвинг был настроен менее поэтично. Он перестал копать и вправил челюсть.

— Может быть, перестанешь направлять фонарик на мою задницу? У меня могут появиться волдыри. Мы, гномы, крайне чувствительны к свету, даже искусственному.

Артемис, позаимствовав фонарик из аварийного комплекта «бентли», следовал за Мульчем по свежевырытому туннелю к вольеру, где обитал лемур. Гном заверил его, что туннель достаточно короткий и он, Мульч, сумеет удерживать воздух и грунт в себе до самого конца, поэтому находиться непосредственно позади него совершенно безопасно.

Артемис отвел на несколько секунд фонарик, решив, что ему совсем не хочется смотреть на покрытую волдырями задницу, но скоро луч снова заплясал на бледной дрожащей плоти.

— Ответь мне на простой вопрос. Если ты в состоянии удержать в себе весь извлеченный грунт, зачем понадобилось открывать клапан на заднице?

— Может случиться так,— Мульч выплевывал огромные комки гномьей мокроты для укрепления стенки туннеля,— что я проглошу какую-нибудь металлическую болванку или кусок старой покрышки. Избавляться от них придется немедленно, на месте, независимо от того, маячит у меня за спиной надоедливый вершок или нет. Кроме того, нет смысла без надобности пачкать штаны, все понял, олух?

— Конечно, понял,— отозвался Артемис, решив про себя, что, пока на него нацелено заряженное орудие такого калибра, он позволит называть себя олухом.

— Кстати,— продолжил гном, в очередной раз харкнув на стену,— тебе выпала большая честь. Немногим людям посчастливилось видеть, как гном работает со слюной. Это можно считать древним искусством. Сначала ты...

— Знаю, знаю,— нетерпеливо перебил его Артемис.— Сначала ты роешь туннель, затем укрепляешь стены слюной, которая затвердевает при контакте с воздухом, при условии, конечно, что она не находится у тебя в рту. Кроме того, она светится — удивительный материал.

Корма Мульча от удивления заходила ходуном.

- Кто открыл тебе этот секрет?
- Сам рассказал, вернее, расскажешь. Путешествие во времени, забыл?

Гном оглянулся и посмотрел на него красными в свете слюны глазами.

- И мы стали близкими друзьями?
- Очень близкими. Жили в одной квартире, а потом ты после головокружительного романа женился на моей сестре и вы провели медовый месяц в Лас-Вегасе.

— Люблю Вегас,— с тоской произнес Мульч.— Какой извращенный ум. Теперь я понимаю, что мы могли стать друзьями. Кстати, советую поменьше болтать, иначе нам представится шанс узнать, как забавно ты будешь смотреться, заляпанный грязью с головы до ног.

Артемис проглотил комок в горле и поспешил отвести луч от задницы Мульча.

План был до смешного прост. Они роют туннель до вольера с лемуром и ждут под землей, пока Элфи не свяжется с ними по полицейскому коммуникатору ближнего действия, приклетенному к щеке Артемиса,— это была часть добычи Мульча. После этого этапа возможны варианты. Либо они схватят объект, когда Элфи вызовет панику у животных, либо, если лемур окажется в руках младшего Артемиса, Мульч

сделает подкоп под Дворецки, чтобы Элфи было проще отобрать у мальчишки добычу.

«Слишком незамысловато,— подумал Артемис.— Совсем непохоже на меня».

— О'кей, вершок,— сказал Мульч, вырывая плоскими пальцами грушевидную нишу.— Прибыли. Обезьяна находится на этом самом месте.

— Лемур,— машинально поправил его Артемис.— Ты уверен в том, что можешь отличить запах именно этого животного от всех других?

Мульч прижал руку к сердцу, словно получил смертельное оскорбление.

— Я?! Уверен? Я — гном, человек! Нос гнома способен отличить траву от клевера. Черные волосы от русых. Собачье дермо от волчьего.

Артемис застонал.

— Как я понимаю, ответ «да».

— Так и понимай. Продолжай в том же духе, и я, возможно, передумаю жениться на твоей сестре.

— Имейся у меня сестра, она была бы безутешна.

Несколько минут они, скорчившись, сидели в нише и слушали доносившиеся сквозь гли-

ну из ночного парка рычание и храп. По какой-то странной причине звуки, проникнув в покрытый гномьей слюной туннель, оставались внутри и отражались от стен в виде непрерывно сталкивающихся волн. Артемис чувствовал себя так, словно действительно угодил в логово льва.

Вдобавок он заметил, что щеки гнома надуваются и становятся ярко-розовыми. Все щеки.

— Все нормально? — спросил он, не в силах скрыть нервную дрожь.

— Я слишком долго держал в себе весь этот газ, — прошипел сквозь стиснутые зубы гном. — Очень скоро он вырвется на волю. Полипами в носу не страдаешь?

Артемис покачал головой.

— Жаль, — сказал Мульч. — А то избавился бы от них раз и навсегда.

Если бы не решимость спасти маму, Артемис предпочел бы удрать.

К счастью для носовых каналов четырнадцатилетнего Фаула, пришел вызов от Элфи. Коммуникатор был стандартной вибрационной модели и посыпал сигнал непосредственно в ухо реципиента, отсеивая внешние шумы. Артемис слышал слова, но не голос Элфи.

Устройство всего лишь генерировало электронный звук.

— Заняла позицию. Прием.

Он приложил палец к коммуникатору, замыкая переговорную цепь.

— Принял. Мы — прямо под клеткой объекта. Противника видишь?

— Нет. Никакого визуального контакта. Лемура вижу. Судя по всему, спит на нижней ветке. Могу до него дотянуться.

— Нет, Элфи. Оставайся на месте. Объектом займемся мы. А ты следи за мной молодым.

— Поняла. Арти, не задерживайся: вверх, вниз и назад к машине.

«Арти?»

Артемис удивился, услышав, что Элфи назвала его так. Уменьшительным именем называла его только мать.

— Понял. Вверх, вниз и назад.

«Арти?»

Мульч нетерпеливо похлопал его по плечу.

— Как только будешь готов, вершок. Но лучше немедленно.

— Хорошо. Начинай. Постарайся не шуметь.

Мульч нацелился макушкой на потолок туннеля и сел на корточки.

— Тихо уже не получится,— пробормотал он.— Закрой лицо курткой.

Артемис едва успел последовать совету, как гном выпустил из себя мощнейшую струю газа и грунта, осыпав юношу не до конца переваренными комками. Оболочка из гномьей слюны разошлась тысячами трещин, и Мульч взлетел на столбе газов, легко пробив слой почвы над головой.

Когда пыль немного осела, Артемис полез за ним следом. Мульч отскочил от низкого потолка вольера, словно мячик, и теперь валялся без чувств. По его спутанным волосам текла кровь, а клапан на заднице трепетал, будто ветроуказатель, пока из гнома не вышли все газы без остатка.

«Низкий потолок?»

Сидевшему по соседству лемуру представление явно понравилось, и он принялся возбужденно прыгать по зажатому между прутьями обрубку дерева.

«Объект в следующем вольере,— понял Артемис.— Мы не попали к лемуру. К кому же мы тогда угодили?»

Не успел он это выяснить, как раздался гудок вызова и лишенный эмоций механический голос произнес прямо в ухо:

— Арти, уводи Мульча. Немедленно спускайся в туннель.

«В чем дело? — подумал Артемис. — Чей это вольер?»

В следующий момент двухсоткилограммовая горная горилла из Уганды сбила его с ног, и вопрос повис в воздухе, как облачко с текстом на странице комикса.

Младший Артемис и Дворецки следили за происходящим сквозь узкие смотровые щели расположенного перед вольерами и тщательно замаскированного укрытия. Встроенное в сад камней с фонтаном, оно позволяло наблюдать за животными с близкого расстояния, не нарушая их естественного жизненного ритма. Директор был настолько добр, что разрешил Артемису посидеть в кресле наблюдателя во время экскурсии.

— Может быть, настанет день, и вы сами будете управлять тепловой камерой и всем остальным оборудованием из этого места,— сказал он.

— Этот день настанет раньше, чем вы предполагаете,— пробормотал в ответ Артемис.

— Батюшки! — воскликнул Дворецки, и это слово, произнесенное его хриплым голосом, прозвучало как-то слишком мягко.— Похоже, он серьезно ранен.— Он опустил руку в карман за стреляющим дротиками пистолетом.— Нужно протянуть руку помощи, вернее, дротик.

Дворецки уже израсходовал пару дротиков. Два работника ночной смены мирно посапывали на койках у задней стенки укрытия.

Сквозь щели окон было отчетливо видно, как огромная горилла трясет недавно проникшего в особняк Фаулов юношу, словно тряпичную куклу. Второй незваный гость валялся на полу и, судя по всему, мучался от рвущегося наружу скопления газов в кишечнике.

«Невероятно,— подумал Артемис.— День полон сюрпризов».

Он коснулся пальцами лежавшей перед ним клавиатуры и перенаправил управляемую из укрытия тепловую камеру.

— Думаю, в стрельбе нет необходимости,— сказал он.— Помощь уже рядом.

И действительно, красное светящееся пятно прыжками пронеслось вдоль мощенной бу-

лыжником дорожке и зависло перед апартаментами гориллы.

— Начинается самое интересное,— задумчиво произнес десятилетний Фаул.

Элфи пришлось перейти к активным действиям. Когда Мульч, подняв тучи пыли, ворвался не в тот вольер, она пряталась за толстым стволом привезенного из Африки баобаба, отключив защитный экран, чтобы не тратить зря магические силы, и поджидала младшего Артемиса. Гном вылетел из-под земли, вызвав миниатюрную пыльную бурю, несколько раз отскочил, как мячик в мультфильме, от различных поверхностей и без чувств рухнул на пол.

Законный обитатель вольера, черно-серый самец гориллы, вскочил, пробудившись от глубокого сна. Он смотрел на происходящее широко открытыми, но не до конца проснувшимися глазами и скалил желтые клыки.

«Оставайся внизу, Артемис,— мысленно взмолилась она.— Не вылезай из туннеля».

Увы. Юноша несколько неуклюже выбрался из дыры в полу. Путешествие во времени никак не повлияло на его ловкость. Артемис сам часто говорил, что физические упражнения не его конек.

Элфи коснулась коммуникатора большим пальцем.

— Арти, уводи Мульча! — закричала она.— Немедленно спускайся в туннель!

Слишком поздно. Горилла решила, что не прошеные гости представляют угрозу и с ними надо немедленно разобраться. Огромный самец выкатился из своего логова из листьев и коры и приземлился на восемь костяшек пальцев, волна от удара прокатилась по густой шерсти его верхних конечностей.

Элфи, уже на бегу, включила защитный экран, оставляя за собой серебристый след: парик начал разваливаться.

Горилла бросилась вперед, схватила ничего не подозревавшего Артемиса Фаула за плечи и, распахнув похожую на медвежий капкан пасть, зарычала прямо ему в лицо.

Элфи уже была у двери. Она отключила экран, выхватила из кармана универсальную отмычку и вставила щуп в замок. Пока отмычка разбиралась с замком, она внимательно наблюдала за тем, что происходило внутри.

Мульч сумел подняться на четвереньки и тряс головой, дабы окончательно прийти в себя. Лишь через пару секунд он очухается настолько, чтобы оказаться хоть какую-нибудь по-

мощь, если, конечно, решит помочь практически незнакомому вершку.

В любом случае это не имело значения — секунда или две, все равно для Артемиса будет слишком поздно.

Отмычка пискнула, и дверь вольера распахнулась. Узкая тропинка отходила от пешеходной дорожки, пересекала ров и заканчивалась небольшой канавкой в полу жилой зоны.

Элфи, не задумываясь, побежала по проходу, замахала руками, истошно закричала, чтобы отвлечь внимание животного на себя.

Горилла раздраженно зафыркала, а потом прижала Артемиса к своей груди, как бы предупреждая Элфи, что приближаться не следует. Голова юноши безвольно болталась, глаза были полузакрыты.

Элфи остановилась в трех метрах от животного. Опустила руки и взглядела, всем своим видом демонстрируя отсутствие угрозы.

Горилла произвела несколько ложных атак, подбегая к Элфи, останавливаясь буквально в полуметре, а потом разворачивалась и удалялась с высокомерным видом, постоянно рыча и лая, прижимая Артемиса к груди. Волосы юноши пропитались кровью, тонкая алая струйка вытекала из левого глаза. Одна рука

была сломана, рукав куртки медленно наполнялся кровью.

Элфи была потрясена. Ее обуял ужас. Хотелось заплакать и убежать. Ее друг ранен, возможно, убит...

«Возьми себя в руки! — приказала она себе.— Ты старше, чем выглядишь».

Наделенная магической силой, эльфийка могла разговаривать на многих языках и обладала элементарными познаниями в области самых сложных языков животных. Она, конечно, вряд ли сумела бы обсудить проблему глобального потепления с дельфином, но установить контакт было ей вполне по силам.

Что касалось горилл, язык жестов имел не меньшее значение, чем произносимые звуки. Элфи низко присела, расставила локти, оперлась костяшками пальцев о землю и выгнула спину, то есть приняла позу друга. Потом она сложила губы трубочкой и несколько раз глухо ухнула. «Опасность! — говорили издаваемые ею звуки.— Опасность совсем близко!»

Горилла, услышав, что это странное существо заговорило на ее языке, забавно подпрыгнула, оттолкнувшись всеми конечностями. Она почувствовала обман, но пока не поняла, в чем

именно тот заключался. Если сомневаешься, стучи себя в грудь.

Хозяин вольера выпустил Артемиса из своих объятий, выпрямился во весь рост, высоко задрал подбородок, напряг грудные мышцы и забарабанил по груди ладонями.

«Я здесь главный. Не шути со мной». В смысле сомневаться не приходилось.

Честно говоря, совет был мудрый, но у Элфи не было выбора.

Непрерывно ухая, она бросилась вперед, потом пронзительно завизжала и вопреки наказам всех специалистов по дикой природе, когда-либо надевавших стэдикам*, посмотрела животному прямо в глаза.

— Леопард,— проухала она, полным гипнотических чар голосом.— Леопард!

Гнев гориллы сменился полным недоумением, которое, в свою очередь, вытеснил ужас.

— Леопард! — ухала Элфи.— Прячься!

Горилла, из-за гипнотических чар двигаясь с меньшим, чем обычно, проворством, словно под водой, направилась к задней стене клетки.

* Steady-cam (англ.) — система крепления съёмочной камеры на корпусе оператора, обеспечивающая устойчивость изображения.

Она разбрасывала по сторонам деревья и листья, оставляя за собой след истекающих соком стволов и примятой травы. Через мгновение животное скрылось в самом укромном уголке своего жилища.

Из-под верхнего навеса донеслись жалобные крики.

Потом Элфи, конечно, будет жалеть, что загипнотизировала животное, но сейчас она не могла себе позволить истратить на угрызения совести ни мгновения. Артемис был ранен, тяжело, возможно, смертельно.

Горилла бросила Артемиса на пол, как обглоданный скелет. Юноша лежал неподвижно, словно мертвый.

«Нет. Не смей так думать».

Элфи кинулась к другу, последний метр она буквально проехала на коленях.

«Нет, слишком поздно. Его уже не спасти».

Лицо Артемиса было бледным как мел. Длинные черные волосы пропитались кровью, белки глаз мутными полумесяцами поблескивали из-под полуопущенных век.

— Мама,— едва слышно произнес он.

Элфи протянула к нему руки, искры магии уже плясали на кончиках пальцев, как миниатюрные протуберанцы.

Она замерла, прежде чем магия смогла перескочить в тело Артемиса.

«Если я исцелю его, то одновременно обреку и на смерть. Моя магия действительно заражена чаротропией?»

Артемис слабо пошевелился, и острый слух Элфи уловил скрежет костей в рукаве куртки. На губах у юноши выступила кровь.

«Если я не помогу, он умрет. А если исцелю, у него, по крайней мере, будет шанс остаться в живых».

Руки у Элфи дрожали, по щекам текли слезы.

«Соберись. Ты — профессионал».

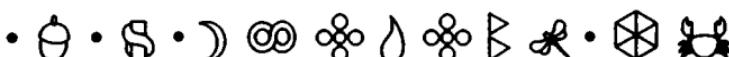
Но она не чувствовала себя профессионалом — скорее растерявшейся девчонкой.

«Это твое тело играет с разумом. Не обращай внимания».

Элфи нежно сжала лицо Артемиса ладонями.

— Исцеляй, — прошептала, вернее, почти прорыдала она.

Искры магии бросились в поры кожи Артемиса, как сорвавшиеся с цепи собаки, и принялись срацивать кости, заживлять кожу, останавливать внутреннее кровотечение.

Возвращение с порога царства мертвых в нормальное состояние не прошло для Артемиса гладко. Он дрожал и извивался, у него стучали зубы, наэлектризованные волосы вставали дыбом.

— Давай, Артемис,— приговаривала склонившаяся над ним, как плакальщица, Элфи.— Просыпайся.

Секунды шли. Никакой реакции. Артемис напоминал вполне здоровый труп, впрочем, он почти всегда так выглядел. Потом его разноцветные глаза открылись, веки затрепетали подобно крыльшкам колибри, и организм запустил перезагрузку. Артемис закашлялся, задрожал, начал шевелить пальцами на руках и ногах.

— Элфи,— произнес он, когда зрение полностью восстановилось. Улыбка его была искренней и благодарной.— Ты снова спасла меня.

Элфи смеялась и плакала одновременно, поливая слезами грудь Артемиса.

— Конечно, я спасла тебя. Я не могу без тебя.— Она была счастлива, магические силы переполняли ее, поэтому она наклонилась и поцеловала Артемиса, и там, где их губы соприкоснулись, заплясали, как крошечные огни фейерверка, магические искры.

Десятилетний Артемис внимательно следил за разворачивавшейся в вольере у гориллы драмой.

— *Troglodytes gorilla*, — сообщил он Дворецки. — Название было дано доктором Томасом С. Сэвиджем, американским миссионером, который работал в Западной Африке и первым дал научное описание гориллы в одна тысяча восемьсот сорок седьмом году.

— Неужели, — пробормотал телохранитель, которого больше интересовал радиус укуса этой твари, чем правильное название.

Воспользовавшись суматохой, они незаметно выскользнули из искусственного укрытия и пробрались через небольшой двор к вольеру с лемуром, расположенному рядом с жилищем гориллы.

Странные гости были слишком заняты, чтобы заметить, как их соперники открыли магнитным ключом замок и распахнули дверь в вольер.

— Ты только посмотри на них. Зря теряют время. Никто никогда не увидит меня за подобным делом.

Дворецки хмыкнул, как всегда, прежде чем произнести нечто серьезное.

— Никто никогда не увидит за каким-либо делом..

Артемис позволил себе улыбнуться. День выдался интересный, и юный гений испытывал удовольствие, решая постоянно возникавшие проблемы.

— Вот и все,— тихо произнес он.— Мы нашли последнюю в мире шелковистую сифаку. Примата стоимостью сто тысяч евро.

Лемур сидел высоко на мадагаскарской пальме, ухватившись за ветви цепкими задними конечностями с отстоящими большими пальцами. Его белоснежную шубку ничуть не портило коричневое пятно на груди.

— Окраска объясняется наличием грудногорловой пахучей железы,— объяснил Артемис.

— Угу,— отозвался Дворецки, которого это интересовало еще меньше, чем научное название гориллы.— Давайте поймаем животное и уйдем отсюда, пока наши друзья не перегруппировались.

— Думаю, у нас есть в запасе пара секунд,— сказал Артемис.

Телохранитель внимательно следил за соседним вольером. Поразительно, что горилла не разорвала юношу на куски, прежде чем не-

понятно откуда появившаяся девушка отогнала животное. Впечатляет. У девицы явно не один туз в рукаве. Но подобное немыслимо без применения высоких технологий. Может, ткань прошита программой маскировки, что объясняет появление искр. Он знал, что американцы разрабатывали маскировочный костюм, подходящий для любой местности. Один из знакомых вояк как-то раз кинул ему ссылку на просочившуюся в Интернет видеозапись.

В вольере находилось еще одно существо — волосатый тип, который освободил первых двух из багажника «бентли», взломав считавшийся неприступным замок. Это существо не являлось ни зверем, ни человеком — косматый приземистый субъект, способный перемещаться под землей при помощи неведомой силы, а в данный момент страдающий от мучительного приступа метеоризма. Это существо каким-то образом прорыло за несколько минут тридцатиметровый туннель. Если бы не модульная конструкция вольеров с ступенчатыми стенами, оно легко могло бы оказаться на территории лемура. По сути, оно и выскоило из земли прямо под лемуром, но не в том вольере.

Дворецки понимал, что Артемису не терпится изучить этих странных существ, но в данный момент ни время, ни место к этому не располагали. Они с подопечным пребывали в полном неведении, а в таком положении люди часто погибают непросвещенными.

Телохранитель достал стреляющий дротиками пистолет, но Артемис, услышав шорох вынимаемого из кобуры оружия, погрозил ему пальцем.

— Только в крайнем случае. Не хочу, чтобы наш дружок сломал шею, свалившись с дерева. Сначала попробуем не силу, а убеждение.

Артемис достал из кармана небольшой пакетик, заполненный янтарным желе с черными и зелеными вкраплениями.

— Сам приготовил,— похвастался он.— Сифаки относятся к семейству приматов, называемых индриидами, кои, как тебе известно, являются строгими вегетарианцами.

— Кто ж этого не знает? — отозвался Дворецки, но пистолет в кобуру не убрал.

Артемис открыл пакетик, и тут же в воздухе распространился сильный сладковатый аромат, который неминуемо должен был достичь поздней лемура.

— Концентрат живицы со сборной солянкой из африканских растений. Ни один лемур не устоит. Но если у этого примата мозг сильнее желудка, придется стрелять. Прошу тебя, один выстрел, и постараися не попасть в голову. Даже иголки достаточно, чтобы проломить этот крошечный череп.

Дворецки уже собирался хмыкнуть, но тут лемур зашевелился. Он пополз по ветке, опустив нос в сторону источника запаха и даже высунув узкий язычок.

— Гмм,— пробормотал телохранитель.— Надеюсь, это зелье на людей не действует.

— Спроси через шесть месяцев,— сказал Артемис.— Я как раз экспериментирую с феромонами.

Лемур, словно загипнотизированный восхитительным запахом, бросился вперед. Спринув с ветки, он побежал к ним на задних лапках, протягивая передние к пакетику.

Артемис усмехнулся.

— Игра окончена.

— Не уверен,— заметил Дворецки.

Длинноволосый юноша в соседней клетке уже поднялся на ноги, а девушка начала издавать странные звуки.

Ореол магии вокруг четырнадцатилетнего Артемиса и Элфи померк, а вместе с ним исчезло и фантастическое гипнотическое состояние, в котором пребывал юноша.

Он мгновенно насторожился. Элфи поцеловала его. Артемис вскочил на ноги, попятился и тут же широко раскинул руки, чтобы побороть внезапное головокружение.

— Э, спасибо,— неуверенно пробормотал он.— Честно говоря, не ожидал.

Элфи улыбнулась, пряча смущение.

— Все в порядке. Еще одно исцеление, и ты превратишься в сплошные рубцы, сшитые магической нитью.

Артемису очень хотелось остаться здесь и продолжить разговор в том же духе, но в соседнем вольере его будущее убегало вместе с прошлым.

Он сразу сообразил, в чем заключался их просчет. Нос Мульча привел их в нужное место, но вольеры представляли собой подогнанные друг к другу блоки, как в тетрисе. Лемур находился одновременно и над ними, и за решеткой. Артемис должен был об этом помнить, если бывал здесь раньше. Но у него не сохранилось никаких воспоминаний о посещении огороженной территории. Память свидетель-

ствовала, что директор велел принести лемура в специальное смотровое помещение. И теперь Фаул никак не мог взять в толк, что происходит.

— Ладно. Как я понимаю, нам... — Его голосу недоставало уверенности.

Он думал вслух, приводил в порядок мысли, стараясь пока забыть о поцелуе. Еще будет время подумать об этом.

Артемис потер глаза, прогоняя красные искры, и обернулся так быстро, как позволяло еще не утихшее головокружение. И увидел себя, приманивающего шелковистую сифаку пакетиком с янтарной пастой.

«Живица, наверняка. Скорее всего, с добавлением листьев и веточек. Ну разве я не был гением уже тогда?»

Требовалось немедленно измыслить гибкий и стремительный план. Артемис снова потер веки, как будто это могло ускорить мыслительный процесс.

— Мульч, копать можешь?

Гном открыл рот для ответа, но его вырвало.

— Не знаю, — спустя несколько секунд отозвался он. — Голова еще не встала на место. И желудок тоже. На сей раз меня конкретно перетряхнуло. — Тут в животе у него заурчало.

ло так, словно заработал подвесной мотор.— Прошу прощения, кажется, мне надо...

Ему действительно было надо. Юркнув в заросли папоротника, Мульч выпустил остатки содержимого кишечника. Некоторые растения сразу же завяли.

«Бесполезно,— подумал Артемис.— Здесь нужно чудо, иначе этого лемура уже можно считать мертвым».

Он схватил Элфи за плечи.

— У тебя осталась магия?
— Совсем немного, Артемис. Всего нескользко искр.

— Ты можешь разговаривать с животными?

Элфи дернула подбородком так, что щелкнули шейные позвонки, и проверила запасы.

— Могу, только с троллями ничего не получается. Они на такое не ведутся.

Артемис кивнул, что-то бормоча про себя. Он думал.

— Ладно, ладно. Напугай лемура так, чтобы он убежал от меня. Младшего меня. И еще мне нужна общая паника. Сумеешь?

— Попробую.

Элфи закрыла глаза, глубоко вдохнула через нос, наполнив легкие воздухом, запро-

кинула голову и испустила вой. Он звучал фантастично, словно голоса львов, обезьян, волков и хищных птиц слились воедино. В нем слышались отрывистые крики мартышек и шипение тысяч змей.

Старший Артемис, повинуясь инстинктивному страху, отпрянул. Какая-то примитивная часть его мозга истолковала этот крик как выражение боли и ужаса. По коже у него забегали мурашки, и он с трудом подавил желание убежать и спрятаться.

Младший Артемис наклонился и помахал открытым пакетиком перед подрагивающим носом лемура. Самец сифаки доверчиво оперся подушечками пальцев на его запястье.

«Он мой,— подумал юный ирландец.— Деньги на экспедицию — мои».

И тут на него, словно десятибалльный шквал, накатилась волна жуткого шума. Охваченный необъяснимым ужасом, младший Артемис попятился и выронил приманку.

«Что-то угрожает моей жизни. Но что? Судя по звуку, все животные в мире».

Обитатели парка тоже перепугались. Они принялись визжать и кричать, трясти стенки вольеров, бросаться на прутья. Обезьяны пы-

тались перепрыгнуть через канавы, окружавшие их островки. Восьмисоткилограммовый суматранский носорог бодал с разбегу тяжелые двери, едва не срывая их с петель. Красный волк рычал и лязгал клыками, иберийская рысь шипела и молотила лапами по воздуху, снежный барс гонялся за собственным хвостом, дергал головой и встревоженно мяукал.

Дворецки пришлось переключить внимание.

— Все дело в похожем на девушку существе,— заметил он.— Оно издает какие-то странные звуки и тем самым раздражает зверей. Я и сам испытываю некоторое беспокойство.

Артемис не спускал глаз с лемура.

— Ты знаешь, что делать,— уронил он.

Дворецки знал. Если возникает препятствие, мешающее выполнению задания, устрани это препятствие. Он быстро подошел к решетке, просунул ствол пистолета между прутьями и выстрелил девушке в плечо.

Она покачнулась, и спустя мгновение фантастический хор смолк.

Дворецки почувствовал укол совести, отчего едва не споткнулся, возвращаясь к Артемису. Уже дважды он усыплял девушку, не имея ни малейшего представления о том, как лекар-

ство может подействовать на ее нечеловеческий организм. Утешало только то, что для устраниния ночного сторожа он использовал дротики с минимальной дозой транквилизатора. Девушка скоро должна была очнуться. Буквально через несколько минут.

Лемур явно испугался и замахал тоненькими передними лапками. Коктейль из живицы пах, конечно, очень аппетитно, но рядом притаилась страшная опасность, и стремление уцелеть явно пересиливало желание полакомиться.

— Нет,— сказал Артемис, увидев, как затуманились от страха глаза зверька.— Не верь. Никакой опасности нет.

Крошечного примата его слова явно не убедили, он словно разгадал истинные намерения Артемиса по напряженному выражению его лица. Шелковистая сифака пискнула, словно ее укололи булавкой, потом, пробежав по руке Артемиса, запрыгнула ему на плечо и выскочила в распахнутую дверь клетки. Дворецки попытался схватить зверька за хвост, но чуть-чуть промахнулся и сжал в кулаке пустоту.

— Не пора признать поражение в этом деле? Мы практически не подготовлены, а наши противники наделены способностями, о которых нам ничего не известно.

Вместо ответа хозяин бросился за лемуром.

— Артемис, подождите! — воззвал Дворецки.— Уж если продолжать, я пойду первым.

— Им нужен лемур! — на бегу крикнул Артемис.— Значит, он становится более ценным, чем раньше. Поймав животное, сможем выступать с позиции силы.

Сказать оказалось проще, чем сделать. Лемур обладал невероятной ловкостью и цеплялся даже за самые гладкие поверхности. Он шутя пробежал по тонкому металлическому поручню, спрыгнул, пролетев метра три, на нижние ветви торчавшей из горшка пальмы, а оттуда — на ограду парка.

— Стреляй! — прошипел Артемис.

Дворецки мельком отметил, что ему совершенно не нравится выражение лица Артемиса: почти жестокое, вертикальные морщины над переносицей, которых не должно быть у десятилетнего мальчишки,— но об этом он поразмыслил потом, а пока надо усыпить животное.

Телохранитель обладал редким для человека проворством, однако шелковистая сифика оказалась еще проворнее. Стремительно прошмыгнув по ограде, лемур спрыгнул в темноту, оставив позади лишь туманный белый росчерк,

похожий на инверсионный след реактивного самолета.

— Ого! — воскликнул Дворецки в невольном восхищении.— Шустрая тварь.

Артемису реакция телохранителя явно не понравилась.

— Ого? Думаю, это заслуживает большего, чем простое «ого». Наша добыча улизнула, а вместе с ней и деньги на экспедицию в Арктику.

Интерес Дворецки к лемуру стремительно ослабевал. Существуют другие, менее позорные способы добывания денег. Гигант содрогнулся, представив, как над ним станут потешаться, если слухи о событиях этой ночи докатятся до «Фермерского бара» в Лос-Анджелесе, владельцем которого был отставной телохранитель из «Блю даймонд»* и куда частенько заглядывали многие представители его профессии.

Но несмотря на испытываемое к операции отвращение, верность долгу заставила Дворецки поделиться информацией, полученной от директора парка, пока Артемис изучал систему охранной сигнализации.

* «Blue Diamond Security» — британское охранное агентство с филиалами в США.

— Кажется, я знаю кое-что неизвестное вам,— заметил он с легкой насмешкой в голосе.

Артемис явно не был настроен развлекаться.

— Правда? И что же?

— Лемуры живут на деревьях,— сказал Дворецки.— Наш приятель напуган и постарается забраться на самое высокое из них, даже если деревьев вокруг нет совсем. Видите, на что я намекаю?

И тут Артемис увидел — это не составляло труда, поскольку озаренные луной гигантские решетчатые конструкции отбрасывали кружевые тени на всю территорию парка.

— Конечно, старина,— сказал он, и лоб его разгладился.— Опоры.

Положение старшего Артемиса приближалось к критическому. Мульч ранен, Элфи снова без чувств — ее ноги торчали из пробитой гномом дыры в земле,— а у самого Фаула почти не осталось свежих идей. Невообразимый шум, поднятый сотнями представителей исчезающих видов, мешал сосредоточиться.

«Животные совсем озверели,— подумал он и тут же спохватился: — Не самое подходящее время упражнять чувство юмора».

Оставалось только расставить приоритеты.
Нужно вытащить отсюда Элфи. Это самое главное.

Мульч со стоном перевернулся на спину. Кровь стекала на его лицо из рассеченной на лбу кожи.

Пошатываясь, Артемис приблизился к гному.

— Полагаю, тебе очень больно. Иначе и быть не может, учитывая серьезность раны.— Врачебный такт никогда не числился в списке добродетелей Артемиса.— Останется большой шрам, но, сдается мне, внешний вид тебя мало волнует.

Мульч, прищурившись, взглянул на Артемиса.

— Ты никак шутить пытаешься? Обоже, ты серьезно. Более приятных для меня слов и придумать нельзя.— Он постучал по окровавленному лбу пальцем.— Ой. Больно.

— Конечно.

— Придется штопать. Полагаю, тебе известно и об этой способности гномов.

— Естественно,— с невозмутимым видом сказал Артемис.— Не раз наблюдал.

— Сомневаюсь,— проворчал Мульч, выдергивая извивающийся волосок из бороды.—

Но выбора у меня нет. Эльфийка из полиции пребывает в царстве грез, поэтому на ее волшебную помощь рассчитывать не приходится.

Артемис услышал шорох в зарослях в задней части клетки.

— Советую поторопиться. Кажется, горилла уже почти преодолела страх перед волшебными существами.

Поморщившись, Мульч приложил волосок к рассеченной коже. Тот сразу же засновал, как ткацкий челнок, прокалывая кожу и стягивая края раны. Гном стонал и корчился, но сознания не терял.

Когда волосок закончил работу и порез оказался схвачен крепче, чем муха в паутине, Мульч, плюнув на ладонь, размазал липкую массу поверх раны.

— Готово,— сообщил он и добавил, заметив блеск в глазах Артемиса: — Даже не мечтай, вершок. Работает только на гномах, причем моя борода годится для одного меня. Если проткнешь моим волоском свою кожу, не получишь ничего, кроме инфекции.

В зарослях шуршало все громче, и Артемис Фаул предпочел отказаться от ознакомления с дальнейшей информацией, хотя она казалась ему крайне важной.

— Пора уходить. Ты в силах заделать за нами туннель?

— Да мне весь парк обрушить — раз плюнуть. Но ты лучше иди первым: есть более приятные способы погибнуть, нежели оказаться похороненным заживо в... скажем, отходах. Я доступно излагаю?

Не нуждаясь в дополнительных объяснениях, Артемис спрыгнул в яму, подхватил Элфи под мышки и потащил мимо сгустков светящейся слюны к пресловутому свету в конце туннеля. Происходящее вызывало стойкую ассоциацию с полетом сквозь черноту космоса к Млечному Пути.

Звуки в туннеле многократно усиливались. Хриплое дыхание, барабанный бой сердца, скрип напряженных мышц и сухожилий — все казалось очень громким.

Тащить Элфи оказалось довольно легко, но ее костюм, скользя по неровной поверхности, шипел, как целое гнездо гадюк. Или, может быть, в туннеле действительно присутствовали змеи — учитывая, как везло в последнее время Артемису, в этом не было бы ничего удивительного.

«В кои-то веки пытаюсь для разнообразия совершить добный поступок,— вздохнул он про

себя,— а судьба так несправедливо обходится со мной. Преступная жизнь гораздо проще».

Акустика туннеля усиливала и доносилающиеся с поверхности звуки. Судя по крикам, хозяин вольера пребывал в бешенстве. Артемис отчетливо слышал удары кулаками по груди и вопли, полные ярости.

«Догадался, что его обманули».

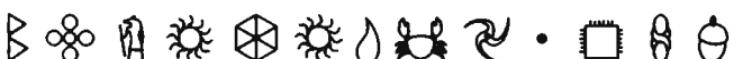
Его размышления были прерваны появлением в туннеле Мульча. Лицо гнома из-за призрачного свечения, отбрасываемого размазанной по лбу слюной, имело мертвенно-бледный, как у зомби, оттенок.

— Горилла идет,— сообщил он, набирая полную грудь воздуха.— Пора линять.

Артемис услышал глухой сдвоенный удар — могучее животное спрыгнуло в туннель. Оно кричало, бросая вызов врагам, и с каждым шагом звук становился все более угрожающим.

Элфи застонала. Фаул еще крепче вцепился в ее плечи.

Мульч всасывал воздух с поразительной скоростью, не забывая подгонять Артемиса, волокущего эльфийку. Оставалось еще двадцать метров. Горилла приближалась, превращая в пыль светильники из слюны, ее рев становил-

ся все более кровожадным. Артемис готов был поклясться, что видел, как в темноте сверкнули клыки зверя.

Туннель содрогался от каждого удара. Потолок рушился целыми глыбами. Грязь и камни сыпались на голову и плечи старшего из Фаволов. Пыль заполнила глазницы Элфи.

У Мульча раздулись щеки, и он чуть приоткрыл губы, чтобы произнести высоким, как у аквалангиста, надышавшегося гелиево-кислородной смеси, голосом:

— О'кей. Полный бак.

Обняв Артемиса и Элфи огромными, как у моряка Попая*, руками, гном выпустил из тела воздух. Весь, до последнего пузырька. Возникшая в результате реактивная струя понесла их по туннелю. Полет оказался коротким, но и его хватило, чтобы потрясти не только их тела, но и души. От ударов о стенки из Артемиса вышибло дух, пальцы напряглись до пре-

* Моряк Попай — персонаж мультфильмов и комиксов, создан в 1929 г. художником-карикатуристом Э. К. Сегаром. Попай отличается непропорционально большими икрами и предплечьями и внешне напоминает старшего помощника Лома из мультфильма «Приключения капитана Врунгеля».

дела и вот-вот грозили сломаться, но он упрямо цеплялся за Элфи.

Нельзя, чтоб она умерла.

Штормовой ветер кубарем покатил несчастную гориллу по туннелю. Она пыталась хвататься за стены и отчаянно ухала, но вылетела на поверхность, словно пробка из бутылки. Артемис, Элфи и Мульч выскочили из устья туннеля со своей стороны и, подпрыгивая будто мячики, спутанным клубком покатились по канаве. Звезды размазались по небу, а луна превратилась в желтоватую кляксу.

Остановила их старая, построенная во времена картофельного голода стена, которая рассыпалась, не выдержав удара трех тел.

— Кладка держалась больше ста пятидесяти лет,— откашлявшись, произнес Артемис.— А потом появились мы.

Он лежал на спине и чувствовал себя побежденным. Мама умрет, а Элфи возненавидит его, как только узнает правду.

«Все кончено. Я понятия не имею, что делать».

В поле зрения юноши попала одна из знаменитых Ратдаунских опор. Хотя нет, скорее его внимание привлекли карабкающиеся по служебной лестнице фигуры.

«Лемур сбежал,— подумал Артемис,— и решил забраться как можно выше».

Исполнение приговора откладывается. Шанс еще есть.

«Для спасения ситуации мне необходим полный штурмовой комплект снаряжения ЛеППРКОНа. Может, Номер Первый припас его для меня».

Артемис выпутался из общей мешанины когнечностей и прикинул, что самым подходящим местом для тайника является угловой камень опоры. Он сбросил лежавшие сверху камни, подсунул пальцы под последний булыжник и попытался его приподнять. Это не составило особого труда, только вот, кроме червей и влажной земли, под камнем ничего не оказалось. Никакой посылки из будущего — по какой-то причине подобный фокус всегда удается только однажды.

Итак, помохи ждать неоткуда. Придется обойтись тем, что есть.

Артемис вернулся к распластанным на земле Элфи и Мульчу. Оба стонали.

— Кажется, у меня брюхо лопнуло, когда я избавлялся от газов,— пожаловался гном.— Слишком много страха в смеси.

Четырнадцатилетний Фаул поморщился.

— Ты поправишься?

— Еще минуту, и я как раз поднакоплю силенок, чтобы унести гору золота, которую ты мне обещал.

Элфи еще не очнулась. Веки ее трепетали в такт попыткам хозяйки вынырнуть из беспамятства, а ладони хлопали по земле, словно выброшенные на сушу рыбы. Артемис быстро проверил пульс и температуру. Небольшой жар, но пульс ровный. Элфи восстанавливалась, однако способность управлять разумом и телом вернется к ней не раньше чем минут через десять.

«Я все должен сделать сам. Без помощи Элфи или Дворецки».

Артемис против Артемиса.

«И возможно, против универсальной отмычки». Он тихонько сунул руку в карман эльфийки.

Со дня их установки опоры линии электропередач в Ратдауне несколько раз попадали в заголовки новостей. Сторонники защиты окружающей среды в своих бурных протестах упирали на то, что появление гигантских опор изу-

родовало прекрасную в остальном долину, не говоря уже о возможном отрицательном воздействии неизолированных проводов на здоровье живущих под ними людей и животных. Национальный совет по электричеству в ответ заявлял, что линии проложены слишком высоко, чтобы причинить кому-либо вред, и что строительство более низких опор в обход долины испортило бы в десять раз больше земли.

Короче, с полдюжины этих металлических гигантов пересекали долину Ратдаун, местами достигая стометровой высоты. Основания опор часто окружали демонстранты, поэтому техникам компании приходилось обслуживать линии с вертолета.

В ту ночь, когда Артемис бежал по озаренной лунной светом поляне, стряхивая с травинок сверкающие бриллианты росы, никаких демонстрантов не было. Правда, оставленные ими транспаранты торчали то там, то тут, будто флаги на Луне. Он петлял между препятствиями, задрав голову и стараясь не упускать из виду фигуры на опоре.

Лемур, ясно различимый на фоне луны, уже стремительно мчался по проводу, а младший Артемис и Дворецки застряли на небольшой

площадке, не имея возможности последовать за ним.

«Наконец-то повезло», — подумал старший Артемис.

Во-первых, появился шанс изловить лемура. А во-вторых, пока младший противник преследовал шелковистую сифаку по той опоре, которой воспользовалась она сама, старший мог подняться по соседнему пилону, как раз предназначенному для техобслуживания.

Артемис подбежал к огражденному сеткой основанию. Тяжелый висячий замок мгновенно открылся, стоило только вставить в скважину щуп универсальной отмычки. Аналогичная судьба постигла запоры на стальном шкафу с оборудованием. Внутри обнаружились различные инструменты, портативные рации и экранирующий костюм. Артемис натянул на себя тяжелый комбинезон, вставил ладони в прикрепленные к нему перчатки и заправил длинные волосы под капюшон. Огнестойкий, пронизанный стальными нитями костюм должен закрывать тело полностью, чтобы действовать как защитная клетка Фарадея. В противном случае, от гениального преступника останется лишь горстка пепла.

И снова удача. Вдоль опоры перемещалась подъемная площадка. Ведущую на нее дверцу защищали два замка, кодовый и обычный. Но ни один запор не мог устоять перед универсальной отмычкой, а код не играет роли, если можно просто снять крышку с пульта управления и запустить лебедку вручную.

Артемис вцепился в поручни, и крошечный подъемник, скрипя и подрагивая, начал подниматься в ночное небо. Перед ним раскинулась долина, а подкравшийся из-за холмов западный ветер выбил из-под капюшона прядь волос.

Артемис посмотрел на север, и на мгновение ему показалось, что он видит огни поместья Фаулов.

«Мама там,— подумал он.— И сейчас она тоже больна. Может, стоило просто поговорить с самим собой, объяснить ситуацию...»

Эта мысль выглядела еще нелепее предыдущей. Артемис не питал иллюзий по поводу того, каким он был в десятилетнем возрасте. Он никому не доверял тогда, кроме себя самого. Ни родителям, ни даже Дворецки. При первом же упоминании о путешествиях во времени он прикажет телохранителю всадить в со-

беседника парализующий дротик, а вопросы начнет задавать потом. Много вопросов, в течение долгого времени: Сейчас не до объяснений и споров. Этую битву необходимо выиграть умом и коварством.

Подъемник остановился у площадки в верхней части опоры. На высоких защитных дверях красовалась приклепанная табличка с черепом и скрещенными костями. Не нужно быть гением, чтобы расшифровать такую пиктограмму. Но на случай, если полный идиот сумеет забраться на опору, была предусмотрена вторая табличка с условным изображением человека, пораженного электричеством из схематично обозначенной опоры. Скелет человека просматривался отчетливо, как на рентгеновском снимке.

«Видимо, электричество опасно», — заметил бы Артемис, слuchись поблизости Дворецки.

На защитной двери его ждал очередной замок, отнявший не больше времени, чем первые два. За дверью обнаружилась небольшая площадка с решетчатым полом, под которым гудели от напряжения две линии проводов.

«Напряжение в этих проводах — полмиллиона вольт, — подумал Артемис. — Надеюсь, комбинезон не дырявый».

Он припал к полу и бросил взгляд вдоль кабеля. Лемур остановился между двумя опорами и что-то стрекотал, как будто прикидывая дальнейшие варианты действий. К счастью, он касался только одного провода, поэтому ток не проходил по его телу. Если бы зверек коснулся второй линии хотя бы пальцем, электрический удар подбросил бы его вверх метров на тридцать и бедняга умер бы, не успев долететь до земли.

Младший Артемис сердито смотрел на лемура с соседней опоры и одновременно пытался приманить его пакетиком с пастой.

Придется самому лезть по проводам, чтобы поймать животное.

Защитный костюм был оснащен всем необходимым для подобного передвижения. На пояс висел страховочный трос, а в глубоком кармане на бедре лежал стержневой громоотвод. Чуть ниже площадки находились небольшие салазки на изолированных роликах, на которых инженеры перемещались между опорами.

«Сейчас умственные способности не имеют значения,— понял Артемис.— Здесь главное — равновесие».

Он застонал. Чувство равновесия не относилось к числу его сильных сторон.

Глубоко вздохнув, Артемис присел и достал из кармана громоотвод. Мгновенно возникшая дуга соединила силовой кабель с концом стержня. Поток искр гудел и шипел, будто неоновая змея.

«Ты просто уравниваешь потенциалы, вот и все. Электричество не может причинить тебе вреда».

Скорее всего, это соответствовало истине, но Артемис почувствовал, как волосы на загривке встали дыбом. Обычное волнение или пара вольт каким-то образом нашла брешь в его костюме?

«Какая чушь. Малейшая дырочка — и ты почувствовал бы все вольты, а не пару».

Артемис имел некое общее представление о том, как ходят по проводам: Национальная служба вещания сняла специальный репортаж о смельчаках-верхолазах, ежедневно рискующих жизнью, чтобы в Дублине всегда горел свет. Впрочем, они скорее не ходили, а ползали. Провода были натянуты исключительно тую. Специалисты по техническому обслуживанию пристегивались страховочными тросами, ложились на салазки и, вращая лебедку, добирались до нужного места.

Все просто. Теоретически. Для профессионала в безветренную погоду.

И отнюдь не легко для любителя, когда вокруг глубокая ночь, а в качестве ориентиров только звезды и далекий отблеск дублинских огней.

Артемис убрал громоотвод и осторожно пристегнул страховочный трос к одному из проводов.

Затаив дыхание, словно это имело значение, он коснулся салазок рукой в перчатке.

Пока жив. Хорошее начало.

Дюйм за дюймом перебирая неуклюжими из-за перчаток пальцами теплые металлические ячейки, юноша вытянулся на салазках, едва не уткнувшись лицом в лебедку с двумя рукоятками. Теперь предстоял весьма непростой маневр, и не будь отдельные жилы кабеля связанные между собой через равные промежутки, Артемису бы в жизни с места не сдвинуться. Он принялся вращать рукоятки и почти сразу же ощутил, как ужасно напряглись мышцы рук, перемещавшие всего-то собственный вес его тела.

«Спортзал. Дворецки, ты был прав. Буду поднимать гири, что угодно, только снимите меня с этих проводов с лемуром под мышкой».

Артемис медленно скользил вперед, чувствуя, как трутся катки о грубую поверхность проводов. От мерзкого скрипа у него заныли зубы, а по выгнутому дугой позвоночнику забегали мурashki. Ветер был слабый, но и он мог сковырнуть юношу с его заоблачного насеста, а земля казалась другой планетой. Далекой и совсем не дружелюбной.

Через десять метров руки уже ныли от боли, кроме того, его заметил противник.

С другой опоры донесся голос:

— Молодой человек, советую оставаться на месте. Если на этом костюме есть хотя бы крошечная дырочка, то достаточно одного неволовского движения, и эти провода растопят вашу кожу и расплавят кости.

Артемис нахмурился. «Молодой человек»?.. Неужели он в детстве действительно был таким несносным? Таким высокомерным?

— Смерть наступит меньше чем через секунду,— продолжил десятилетний Артемис.— Но и этого времени вполне достаточно, чтобы испытать всю гамму предсмертных мук, вам не кажется? Причем совершенно напрасно, потому что лемур обязательно вернется за угощением.

Да, он был самодовольным, несносным и высокомерным.

Артемис решил не отвечать, сосредоточив внимание на том, чтобы оставаться в живых и подманить к себе шелковистую сифаку. Из обширных познаний почти во всех областях Артемис выбрал информацию о том, что небольших обезьян можно успокоить мурлыканьем. Спасибо, Джейн Гудолл*.

Он замурлыкал, к великому удивлению себя младшего.

— Дворецки, послушай. На проводе появилась кошка. Вернее, кот, большой кот. Может, кинуть ему рыбки?..

Но в насмешливом тоне проскальзывали тревожные нотки. Младший Артемис прекрасно понимал, что происходит.

Старший Артемис снова замурлыкал, и это, судя по всему, сработало: похожая на привидение сифака сделала несколько осторожных шагов к нему, ее черные глазки-бусинки сверкали не только от света звезд — во взгляде зверька читалось любопытство.

* Основоположница оригинального метода изучения жизни приматов.

«Элфи может мной гордиться. Я разговариваю с животным».

Не переставая мурлыкать, Артемис поморщился, вдруг осознав, насколько нелепа сложившаяся ситуация. Ну чем не мыльная опера: непримиримые члены одной семьи наперегонки охотятся за лемуром на самой высокой в Ирландии линии электропередач!..

Артемис посмотрел вдоль провода на соседнюю опору: там стоял Дворецки, ветер хлопал полами его куртки. Телохранитель наклонялся против потока воздуха, и его пристальный взгляд, направленный на старшего Артемиса, казалось, пронзил темноту словно лазерный луч.

«Жаль, у меня нет телохранителя», — подумал Артемис.

Подбадриваемый мурлыканием и, возможно, обманутый серым костюмом лемур подошел еще ближе.

«Все правильно. Я ведь тоже лемур».

Руки у Артемиса от вращения рукояток под неудобным углом уже онемели. Каждая мышца тела, включая те, которыми он никогда прежде не пользовался, напряглась до предела, голова едва не кружилась в отчаянном стремле-

нии сохранить равновесие, и ко всему еще надо было прикидываться мартышкой.

Всего один метр — такое расстояние отделяло его от зверька. Насмешки прекратились. Артемис бросил взгляд на опору и заметил, что главный противник прикрыл глаза и глубоко дышит. Видимо, разрабатывает план.

Лемур прыгнул на салазки и нерешительно коснулся руки Артемиса. Есть контакт. Старший Фаул замер. Теперь шевелились только издававшие успокаивающее мурлыкание губы.

«Вот так, малыш. Забирайся мне на плечо...»

Артемис посмотрел лемуру прямо в глаза и только теперь разглядел в них чувства. Во взгляде читался страх, но больше всего в нем было озорства и самоуверенности.

«Как я мог продать тебя этим безумцам?» — подумал он.

Лемур вдруг принял решение и забрался Артемису на плечо. Очевидно, он собирался именно так проделать обратный путь к служебной опоре.

Артемис двинулся назад, не спуская глаз со своего младшего «я». Лично он никогда не примирился бы с подобным поражением. Даже в таком возрасте. Младший Артемис вдруг открыл глаза и пристально посмотрел на него.

- Стреляй в животное,— сказал он спокойным тоном.
- В обезьяну? — не скрывая удивления, переспросил Дворецки.
- Это... ничего, пустяки. Просто стреляй. Человек защищен костюмом, а лемур — легкая мишень.
- Но падение...
- Ну, умрет так умрет. Поражения я не потерплю. Если этот лемур не достанется мне, значит, не достанется никому.

Дворецки нахмурился. Убийство животных не входило в круг его обязанностей, но он по опыту знал, что спорить с молодым хозяином бесполезно. Кроме того, здесь, на верхушке опоры, времени на протесты не оставалось. Раньше надо было говорить, и более убедительно.

— Дворецки, стреляй, как только будешь готов. Цель не становится ближе.

Висевший на проводах старший Артемис не поверил собственным ушам. Дворецки достал пистолет и полез через поручни, чтобы удобнее было целиться.

Артемис не собирался разговаривать, ибо взаимодействие с его младшим «я» грозило серьезными последствиями в будущем, но слова сами сорвались с губ.

— Не вмешивайся. Ты даже не подозреваешь, с чем имеешь дело.

«Вот она, ирония судьбы».

— Ага, заговорил,— крикнул младший Артемис через бездну.— Как хорошо, что мы способны понимать друг друга. Тогда пойми следующее, незнакомец: шелковистая сифака либо окажется у меня, либо умрет. Без вариантов.

— Ты не должен так поступать. Слишком многое поставлено на карту.

— Должен. У меня нет выбора. А теперь, направь животное ко мне, иначе Дворецки выстрелит.

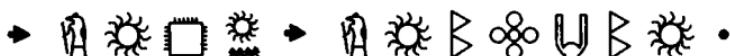
Все это время лемур сидел на голове у четырнадцатилетнего Артемиса и выдирал когтями нитки из капюшона.

Двое мальчишек, которые на самом деле были одним, долго смотрели друг на друга.

«Я поступил бы так же»,— подумал старший Артемис, пораженный решимостью во взгляде собственных голубых глаз.

Он осторожно поднял руку и снял шелковистую сифаку со своей головы.

— Тебе придется вернуться,— тихо произнес он.— Тебе там вкусненького дадут. На твоем месте я держался бы поближе к большому человеку. Тот, что поменьше, не слишком добр.

Лемур ущипнул Артемиса за нос, совсем как Беккет, развернулся и побежал по проводу к Дворецки. Зверек постоянно принюхивался, и ноздри его раздулись, когда учуяли лакомство в пакетике.

Несколько секунд спустя он уже сидел у младшего Артемиса на руках и с довольным видом окунал длинные пальцы в желе. Лицо мальчика победоносно сияло.

— А теперь,— сказал он,— советую не двигаться, пока мы не уйдем. Думаю, пятнадцати минут будет достаточно. Затем можешь отправляться своей дорогой и считать себя везунчиком, потому что я не приказал Дворецки усыпить тебя. Запомни боль, которую сейчас испытываешь. Горечь полного поражения и безнадежности. И если еще когда-нибудь решишь встать на моем пути, вспомни об этой боли, и, возможно, это заставит тебя передумать.

Старший Артемис был вынужден беспомощно наблюдать за тем, как Дворецки запихивает лемура в сумку, как мальчишка с телохранителем начинают спускаться по лестнице. Через несколько минут темноту вспороли лучи фар «бентли», машина покинула Ратдаун-парк и выехала на шоссе. Они направились прямо в аэропорт, вне всяких сомнений.

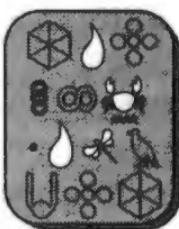
Артемис крепко сжал рукоятки лебедки. Он не собирался признавать себя побежденным, отнюдь. Напротив, он собирался еще раз перейти себе десятилетнему дорогу, и чем скорее, тем лучше. Слова мальчишки только укрепили его решимость.

«“Запомни боль”! — подумал Артемис.— Как же я себя ненавижу».

ГЛАВА 8

ТРЕЗВЫЙ РАСЧЕТ

Спустившись наконец с опоры, Артемис обнаружил, что Элфи исчезла. Он оставил ее у входа в туннель, но теперь лицезрел только истоптанную грязь.

«Следы,— подумал он.— Полагаю, теперь мне придется искать Элфи по следам. Надо было все-таки прочесть “Последнего из могикан”».

— Не обращай внимания,— раздался голос из канавы.— Ложный след. Я проложил его на тот случай, если огромный вершок пригласит нашу подругу из полиции на чашечку чая.

— Толково,— похвалил Артемис, взглянувшись в темноту. От кучи земли отделилась

косматая тень и превратилась в Мульча Рытвинга.— Кстати, почему ты это сделал? Я думал, ты считаешь полицейских врагами.

Гном поднял короткий, заляпанный грязью палец.

— Мой враг — ты, человек. Ты — враг всей планеты.

— Тем не менее ты согласился помочь мне за золото.

— За колоссальное количество золота,— поправил Мульч.— И возможно, за жареную курицу. С соусом для барбекю. И за большую бутылку «пепси». И за еще одну курицу.

— Ты голоден?

— Я всегда голоден. Гном не может питаться одной землей.

Артемис не знал, смеяться ему или плакать. Мульч никогда не понимал серьезности ситуации — или ему просто нравилось создавать о себе такое впечатление.

— Где Элфи?

Мульч кивнул в сторону похожей на могилу кучу земли.

— Я закопал капитана. Слишком громко стонала. Арти то, Арти сё, а еще часто повторяла «мама».

«Закопал? Элфи же страдает клаустрофобией».

Артемис упал на колени и принялся разбрасывать землю голыми руками. Мульч понаблюдал за ним с минуту, потом демонстративно вздохнул.

— Позволь мне, вершок. Иначе провозишься до утра.

Он подошел, сунул руку в кучу и, покусывая губу, стал нащупывать какое-то известное только ему место.

— Нашел,— закряхтев, произнес гном и выдернул из земли короткую ветку.

Холмик, задрожав, развалился на маленькие кучки гальки и глины. Под ними лежала совершенно невредимая Элфи.

— Эта сложная конструкция называется «га-га»,— сказал Мульч, помахивая веткой.

— И что это значит?

— А это значит «га-га-бебу-га-га, нас не видно ни фига»,— ответил гном, хлопнув себя по колену и расхохотался.

Артемис сердито посмотрел на него и осторожно потряс Элфи за плечи.

— Элфи, ты меня слышишь?

Элфи Малой открыла затуманенные глаза, закатила их, потом сосредоточилась.

— Артемис, я... о боги.

— Все в порядке. У меня нет лемура... вернее, есть, но у другого меня, только не волнуйся. Я знаю, куда тот я направляюсь.

Капитан Малой провела по щекам тонкими пальцами.

— Я хотела сказать: «О боги, я тебя поцеловала».

У Артемиса застучало в голове, ему показалось, что Элфи его гипнотизирует. Хотя ее тело омолодилось в туннеле времени, один глаз по-прежнему оставался голубым. Очередной парадокс. Завороженный, даже слегка оцепеневший, старший Фаул тем не менее отчетливо сознавал, что гипнотические чары здесь ни при чем. Магия волшебного народца не имела отношения к происходящему.

Юноша смотрел в эльфийские глаза и понимал, что эта, более молодая и более уязвимая Элфи в данных пространственно-временных координатах испытывает те же чувства, что и он.

«После всего того, что мы пережили вместе. А может, благодаря этому».

Воспоминание разрушило хрупкое мгновение, словно брошенный в паутину камень.

«Я солгал ей».

Артемис даже отшатнулся при мысли об этом.

«Элфи верит в то, что это она заразила мою маму. Я шантажировал ее».

И в этот миг он понял, что содеянного не исправить. Если он признается, она его возненавидит. Если нет, он сам себя возненавидит.

«Должен быть какой-то выход».

Ничего не приходило на ум.

«Мне надо подумать».

Артемис взял Элфи за ладонь и локоть, помог ей встать на ноги и выбраться из неглубокой, похожей на могилу ямы.

— Воскресла,— произнесла она насмешливым тоном и стукнула Мульча по плечу.

— Ой. За что меня ты, дева, истязаешь?

— Нечего мне тут Герда Фламбо цитировать, Мульч Рытвинг. И не было никакой необходимости меня хоронить. Положил бы на губы лист табака, и дело с концом.

— В табаке нет нужной артистичности. И потом, разве я похож на ботаника? Я гном, а гномы всегда имеют дело с землей.

«К черту подростковые переживания на счет Элфи. Вспомни об угасающей матери! Осталось меньше трех дней».

— Отлично, воины,— произнес Артемис нарочито веселым тоном.— Пора выдвигаться, как сказал бы мой старый друг. Нам еще лемура ловить.

— А как насчет моего золота? — поинтересовался Мульч.

— Попытаюсь сформулировать максимально просто: нет лемура — нет золота.

Мульч похлопал по губам восемью пальцами, и волоски его бороды завибрировали подобно щупальцам актинии. Он напряженно думал.

— А колоссальное количество — это сколько, если мерить в ведрах?

— Сколько у тебя ведер?

Мульч отнесся к заданному вопросу вполне серьезно.

— Ведер у меня много. Правда, большинство уже полные. Но я могу их опорожнить.

Артемис едва не заскрежетал зубами.

— Это был риторический вопрос. Много ведер. Сколько твоя душа пожелает.

— Если хочешь, чтобы я и дальше шел по этой обезьяньей дороге, давай аванс. Так сказать, залог доброй воли.

Артемис охлопал карманы. Пусто.

Элфи поправила свой серебристый парик.

— У меня кое-что есть, Мульч Рытвинг. Нечто куда более ценное, нежели колоссальное количество золота. Шесть цифр, которые я назову, когда мы прибудем на место.

— Куда именно? — спросил Мульч, которому тон Элфи показался чересчур напыщенным.

— На склад полицейского снаряжения в Таре.

Глаза Мульча возбужденно заблестели: он тут же размечтался о небесных лыжах, подводных пузырях, лазерных кубах и мощных вакуумных приборах. Золотая жила! Он безуспешно пытался пробраться на этот склад в течение нескольких лет.

— И я смогу взять все, что захочу?

— Все, что сумеешь увезти на воздушной тележке. На *одной* тележке.

Мульч смачно плунул на ладонь.

— По рукам,— сказал он.

Артемис с Элфи переглянулись.

— Тебе решать,— сказал ирландец.— Это твой склад.

— Это твоя операция,— возразила эльфийка.

— Я не знаю комбинации.

И тут в ход пошла козырная карта.

— Мы здесь ради твоей матери.

Артемис печально улыбнулся.

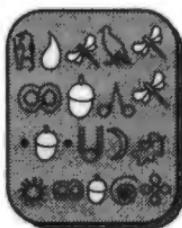
— Ты, капитан Малой, становишься такой же безнравственной, как и я,— сказал он и скрепил сделку липким рукопожатием.

ГЛАВА 9

КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

*Личный самолет Фаулов,
воздушное пространство над Бельгией*

Младший Артемис, раскрыв пауэрбук, пытался связаться по видеоканалу с древним марокканским городом Фес. Ожидая соединения, он молча кипел от злости из-за того, что ему приходилось совершать данный межконтинентальный перелет. Было бы гораздо удобнее встретиться, например, в Касабланке. В Марокко слишком жарко, чтобы ехать через всю страну в какой-то Фес.

На экране открылось окно, в котором едва помещалась огромная голова доктора Дамона

Кронски, одного из самых ненавидимых людей в мире и одновременно глубоко почитаемого в определенных кругах. В данный момент Дамон Кронски являлся президентом организации экстинкционистов. Впрочем, сам Кронски в своем знаменитом интервью заявил буквально следующее: «Экстинкционисты — не просто организация. Мы стали религией». Такое заявление, естественно, не добавило ему расположения миролюбивых церквей всего мира.

Интервью болталось на информационных сайтах Интернета в течение нескольких месяцев, и выдержки из него приводились каждый раз, как только экстинкционисты попадали в газетные заголовки. Буквально утром Артемис посмотрел интервью и не испытал к человеку, с которым ему предстояло иметь дело, никаких чувств, кроме отвращения.

«Я плаваю с акулами, — вдруг понял он. — И я готов стать одной из них».

Дамон Кронски был настоящим великаном, причем голова у него начинала переходить в плечи чуть ниже ушей. Белую до полупрозрачности, как почти у всех рыжеволосых, кожу покрывала россыпь крохотных веснушек, глаза прятались от солнца за фиолетовыми очками,

тонущими в складках кожи на лбу и щеках. Улыбался он широко, сияюще и совершенно неискренне.

— Малыш А'темис,— произнес он с ярко выраженным новоорлеанским акцентом.— Ты уже нашел своего папочку?

Артемис вцепился в подлокотники кресла так, что едва не порвал ногтями кожаную обивку, и его улыбка не уступала Кронски в сиянии и фальши.

— Нет, еще не нашел.

— Жаль. Если понадобится помочь, только намекни дядюшке Дамону.

Артемис сомневался, что Кронски в его попытках прикинуться добрым дядюшкой способен обмануть хотя бы пьяного полудурка. Возможно, впрочем, доктор и не рассчитывал на успех.

— Спасибо за предложение. Надеюсь, спустя несколько часов мы сумеем помочь друг другу.

Кронски радостно захлопал в ладоши.

— Ты нашел мою шелковистую сифаку!

— Нашел. Отличный экземпляр. Самец. Возраст — три года. Больше метра от головы до хвоста. Стоит никак не меньше сотни тысяч.

Кронски прикинулся удивленным.

— Сотни? Мы действительно говорили о сотне тысяч евро?

Взгляд Артемиса отливал сталью.

— Сами знаете, что говорили, доктор. Плюс расходы. Авиационное топливо стоит недешево, как вам известно. Я хочу услышать подтверждение или разворачиваю самолет.

Кронски наклонился к камере, его лицо заполнило весь экран.

— Обычно я хорошо разбираюсь в людях, А'темис. Знаю, на что они способны. Но ты... Я не могу предугадать, что ты выкинешь в следующий момент, и, думаю, это потому, что ты еще не достиг своего предела.— Кронски откинулся на спинку кресла. Кожа заскрипела под его весом.— Ладно. Сто тысяч евро, как договаривались. Но хочу тебя предупредить...

— Да-а? — Артемис специально растянул слово на два слога, как это принято в Новом Орлеане, дабы продемонстрировать полное отсутствие страха.

— Если ты потеряешь лемура, мою шелковистую сифаку, тебе придется покрыть мои расходы. Дата судебного разбирательства уже назначена, а мои люди плохо переносят разочарования.

Слово «расходы» в устах Кронски звучало весьма зловеще.

— Не волнуйтесь,— в тон ему ответил Артемис.— Вы получите своего лемура. Готовьте деньги.

Кронски широко раскинул руки.

— У меня здесь целые реки золота, А'темис. Горы бриллиантов. Не хватает только шелковистой сифаки. Поспеши, мой мальчик, сделай мою жизнь совсем счастливой.

Он отключился буквально на секунду раньше, чем Артемис успел щелкнуть по клавише окончания сеанса связи.

«Психологически это ставит Кронски в положение сильного,— подумал Артемис.— Надо учиться быстрее работать мышкой».

Он закрыл крышку пауэрбука и откинулся на спинку кресла. За иллюминатором солнечные лучи пробивались сквозь нижние слои облаков, и инверсионные следы реактивных двигателей рисовали в темно-синем небе узоры, похожие на крестики-нолики.

«Слишком оживленное движение. Но не на долго. Как только приблизимся к Африке, следов станет значительно меньше. Нужно спать, хотя бы несколько часов. Завтрашний день обещает быть долгим и не слишком приятным».

Он нахмурился.

«Придется потерпеть. Так нужно для дела».

Артемис нажал на кнопку, опускающую спинку кресла, и закрыл глаза. Большинство его ровесников обмениваются футбольными карточками или просиживают за игровыми приставками до мозолей на пальцах, а он летит на высоте шесть тысяч метров над Европой и планирует окончательно уничтожить биологический вид, войдя в преступный сговор с помешанным экспатинционистом.

«Может, я слишком молод для всего этого...»

Впрочем, возраст не имеет значения. Если ничего не делать, папа навсегда сгинет в России, а этого допустить нельзя.

Дворецки включил систему внутренней связи.

— Мистер Фаул, впереди все спокойно. Как только долетим до Средиземного моря, я на час включу автопилот и немного отдохну...

Артемис уставился на динамик. Он чувствовал, что телохранитель чего-то не договаривает. После паузы, заполненной помехами и писком приборов, снова раздался его голос:

— Сегодня, когда вы приказали стрелять в лемура... это был блеф? Вы блефовали?

— Нет, не блеф,— ответил он недрогнувшим голосом.— Я готов на все.

Верхний терминал, Тара, Ирландия

Доступ к терминалу шаттлов в Таре преграждали несколько стальных дверей, различные сканеры и коды, взломостойкие биозамки и сеть всенаправленных камер системы наблюдения, создать которую куда труднее, чем доходчиво описать. Конечно, все преграды можно было обойти, если знать потайной вход.

— А с чего вы вообразили, будто я знаю, как туда проникнуть? — с надутым видом спросил Мульч.

В ответ Артемис и Элфи молча уставились на него. «Ты идиот? — читалось в этих взглядах. — Мы что, должны тебе все разжевывать?»

— Треклятое путешествие во времени,— проворчал гном.— Я сам вам рассказал, да?

— Расскажешь,— поправила его Элфи.— Не понимаю, почему ты так расстраиваешься. Я же не собираюсь никому об этом сообщать.

— Верно,— согласился Мульч.— И меня ждет богатая добыча.

Они сидели в угнанном «мини-купере» рядом с оградой фермы семейства Макгрейни, под которой находился терминал Тара. Пространство объемом десять тысяч кубических метров пряталось под молочной фермой. Пер-

вые лучи рассвета разгоняли темноту, и уже виднелись грузные силуэты пасущихся на лугу коров. Буквально через пару лет Тара станет оживленным узловым терминалом для подземных жителей, но пока туризм полностью запретили из-за вспышки чаротропии.

Мульч, прищурившись, посмотрел на ближайшее животное через заднее стекло.

— Знаете что? Я немного проголодался. Корову целиком мне, конечно, не съесть, ноличный кусок я проглотить могу.

— Экстренное сообщение: Мульч Рытвинг голоден,— сухо отозвался Артемис.

Открыв водительскую дверь, он вышел на поросшую травой обочину. Легкий туман приятно холодил кожу, чистый деревенский воздух действовал возбуждающе.

— Нельзя терять ни минуты. Не сомневаюсь, лемур уже находится на высоте шесть тысяч метров.

— Какой шустрой лемур,— хохотнул гном, перелез через переднее сиденье и вывалился из машины.

— Приятная глина,— заметил он, лизнув землю.— И по вкусу напоминает деньги.

Элфи тоже вышла из машины и легонько пнула гнома под зад.

— Не видать тебе никаких денег, если мы не проникнем в терминал незамеченными.

Гном поднялся на ноги.

— Я думал, мы почти друзья. Можно было бы и без пинков обойтись. Ты всегда так агрессивна?

— Ты сможешь это устроить или нет?

— Конечно смогу, я же сказал. Уже много лет пользуюсь этим терминалом. С тех пор как мой кузен...

— С тех пор как твой кузен, Норд, если не ошибаюсь, был арестован по обвинению в загрязнении окружающей среды и ты помог ему сбежать из тюрьмы, — перебил Артемис. — Мы знаем. Мы все знаем о тебе. Ладно, давайте обсудим план.

Мульч повернулся спиной к Артемису и принялся расстегивать клапан на заднице. Такое поведение являлось одним из самых страшных оскорблений в арсенале гномов. Более грубым считалось лишь действие, известное под названием «туба», заключавшееся в выбросе газов в чьем-либо направлении. Из-за «тубы» даже вспыхивали войны.

— Приступаю, шеф. Посидите здесь минут пятнадцать, а потом подойдите к главному вхо-

ду. Я бы взял вас с собой, но туннель слишком длинный, чтобы держать все в себе, если вы понимаете, о чем я.— Он подмигнул Артемису.— Или поймете, если будете торчать у меня за спиной.

Скрипнув зубами, Артемис заставил себя улыбнуться.

— Отлично. Просто восхитительно. Пятнадцать минут, мистер Рытвинг. Часы тикают.

— Тикают? — переспросил Мульч.— Волшебные часы перестали тикать много веков назад.

Потом он раззявила пасть, подпрыгнул и с неожиданной грацией нырнул в землю, как дельфин в воду. Правда, для полного сходства с дельфином ему не хватало веселости нрава и милой улыбки.

Артемис видел это много раз и тем не менее не мог скрыть потрясения.

— Поразительные существа,— заметил он.— Если бы они хоть на минуту вытащили мозги из желудков, то могли бы править миром.

Элфи залезла на капот, прислонилась спиной к лобовому стеклу и подставила лицо первым лучам солнца.

— А может, они не хотят править миром. Может, только ты и хочешь, Арти.

«Арти».

Чувство вины пожирало Артемиса изнутри. Он посмотрел на милое личико Элфи и понял, что больше не может ей врать.

— Жаль, что нам пришлось угнать эту машину,— продолжала Элфи, закрыв глаза.— Но записка, которую мы оставили, абсолютно понятна. Владелец без труда разыщет ее.

Артемис не испытывал особых угрызений совести по поводу машины, его беспокоила более серьезная проблема.

— Да, машина...— рассеянно отозвался он.

«Необходимо все рассказать. Я должен признаться».

Поставив ногу на переднее колесо «купера», Артемис забрался на капот и устроился рядом с Элфи. Несколько минут он сидел молча, сосредоточившись на ощущениях. Сохраняя их в памяти.

Элфи бросила на него взгляд.

— Извини, что так получилось,— ну, ты понимаешь.

— Ты про поцелуй?

Элфи снова закрыла глаза.

— Да. Не знаю, что на меня нашло. Мы даже не принадлежим к одному виду, а когда вер-

немся, снова станем самими собой.— Элфи закрыла лицо ладонью.— Подумать только. Расчувствовалась. Первая эльфийка, ставшая капитаном Подземной полиции... Этот туннель времени превратил меня в глупую девчонку.

Кое-что в ее словах было правдой. Элфи действительно изменилась, и туннель времени еще больше сблизил их.

— А что, если я останусь такой? Не так уж плохо, верно?

Вопрос повис в воздухе. Полный неуверенности и надежды.

«Если ты ответишь на этот вопрос, это станет самым скверным поступком в твоей жизни».

— Элфи, это была не ты,— выпалил Артемис.

Его тут же бросило в жар, а от былой уверенности не осталось и следа. Улыбка не исчезла с лица Элфи, только стала удивленной.

— Что — не я?

— Не ты заразила мою мать. Я заразил. Всему осталось несколько магических искорок, после туннеля, и я заставил родителей забыть, что пропал на три года.

Теперь улыбка сползла с лица Элфи.

— Не я... но ты сказал мне...

Она замолчала на полуслове, и осознание правды исказило ее изящные черты будто страшная болезнь.

Артемис предпринял отчаянную попытку оправдаться.

— Элфи, я вынужден был так поступить. Мама умирала... будет умирать. Я должен был заручиться твоей помощью... Прошу, пойми меня...

Он замолчал, поняв, что такие поступки невозможны ничем оправдать, дал Элфи несколько минут, чтобы она остыла, и продолжил:

— Элфи, поверь, будь у меня другой выход...

Никакой реакции. Лицо эльфийки казалось высеченным из камня.

— Элфи, прошу тебя. Скажи хоть что-нибудь.

Капитан Малой соскользнула с капота и твердо встала на землю.

— Пятнадцать минут прошли, — произнесла она. — Пора действовать.

Не оглядываясь, эльфийка направилась к ограде фермы Макгрейни, оставляя след в высокой черно-зеленой траве. Лучи восходящего солнца заставляли сверкать каждую травинку, и при каждом шаге Элфи по лугу разбегались волны пульсирующего света.

«Невероятно,— подумал Артемис.— Что я потерял!»

Оставалось лишь, понурив голову, ковылять следом за ней.

Мульч Рытвинг поджидал их в голографических зарослях, закрывавших вход в терминал. Даже толстый слой грязи не мог скрыть самодовольную улыбку на его физиономии.

— Капитан, тебе не придется применять свою хитрую отмычку,— сказал он.— Я открыл дверь сам, без чьей-либо помощи.

Сказать, что Элфи удивилась, значит ничего не сказать. Чтобы открыть главную дверь терминала, требовалось ввести двадцатизначный код и пройти сканирование ладони, а Мульч разбирался в технике ничуть не лучше червя-вонючки. Капитан Малой, конечно, вздохнула с облегчением: открои она дверь самостоятельно, ей пришлось бы не меньше получаса прозираться, восстанавливая исходную картину в регистрационном журнале.

— Рассказывай.

Мульч показал на расположенный в конце коридора подземный лифт. На погрузочной площадке, широко раскинув руки и ноги, ле-

жала крохотная фигурка, чью голову покрывала светящаяся гномья слюна.

— Командующий Крут куда-то умчался со своими головорезами. Остался один охранник.

Элфи кивнула. Она знала, куда умчался Джулиус Крут. В Гавань, дожидаться ее доклада после визита в Гамбург.

— Когда я вылез из туннеля, этот самый охранник совершил обход, поэтому мне пришлось проглотить его на секунду и хорошенько обмазать слюной. Каждый по-своему реагирует на шлем из мокроты. Этот пикси попытался сбежать. Шлепнул по датчику, тут же назвал код, потом пошатался немного по коридору, пока не подействовало успокоительное.

Артемис решительно направился к входному туннелю.

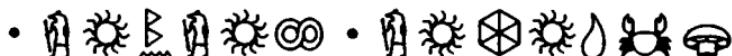
— Похоже, нам наконец начало везти,— сказал он, чувствуя спиной убийственный, как острый кинжал, взгляд Элфи.

— Жаль, он не успел открыть склад,— вздохнул Мульч.— Тогда бы я обманул вас обоих и смылся на шаттле.

Артемис замер.

— На шаттле?

Он храбро встретил испепеляющий взгляд Элфи.

— Элфи, у нас есть шаттл. Как ты думаешь, мы сможем добраться до Марокко быстрее, чем младший я?

— Возможно,— бесстрастно ответила Элфи.— Зависит от того, как быстро я сумею замести наши следы.

Шаттлы этой модели пилоты подземной полиции обычно называли «металлоломом», имея в виду, что годились они только для переработки в плавильной печи. Артемис точно знал, что Дворецки высказался бы об этом транспортном средстве еще более откровенно.

Голос телохранителя зазвучал в его голове: «Мне, конечно, приходилось ездить на всяких колымагах, но на этом ведре...»

— ...летали еще в каменном веке,— едва слышно закончил он, невесело усмехнувшись.

— Еще одна шутка, вершок? — заметила Элфи.— Определенно, ты сегодня в ударе. Что на этот раз? Сказал кому-нибудь доверчивому дураку, что он вызвал эпидемию моровой язвы?

Артемис повесил голову. Это может затянуться на годы...

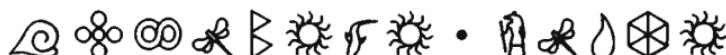
Мульч наткнулся на шаттл, когда добрался до стены терминала и обрушил струей газа часть

металлической обшивки служебного туннеля. Он знал, что именно эта панель обшивки держится плохо, потому что использовал ее во время предыдущих проникновений. Шаттл стоял на колодках и был накрыт смазочным тентом, под который Мульч, конечно, не мог не заглянуть. О чудо! Туннельный грейдер, списанный на реконструкцию. То, что нужно для полетов по сети узких подземных туннелей народца. Элфи не составило особого труда вернуть громыхающий шаттл на монорельс, ведущий к люку входного туннеля.

Артемис тем временем заметал следы, то есть удалял все последствия их пребывания в терминале — стирал записи с видеокристаллов, восстанавливал потерянное время в контурах управления. С бесчувственным пикси и целым грузовиком полицейского снаряжения, позаимствованного ими на складе, он ничего не мог поделать, но Мульч, не задумываясь, возложил на себя ответственность по двум последним пунктам.

— Послушайте, я и так уже номер один в списке врагов общества,— объяснил он.— Выше мне все равно не подняться.

Итак, они расположились в уже установленном на пусковой площадке туннельном грейдере и решили потратить несколько минут на окончательную зарядку энергией через соединительную платформу, прежде чем нырнуть в бездну. Элфи использовала появившееся свободное время на подделку доклада туннельным властям.

— Я сообщаю, что, в соответствии с нарядом на обслуживание, необходимо усовершенствовать скребок, после чего, по заявке североафриканского терминала, шаттл будет устранять засоры в питающей магистрали. Такая работа выполняется в режиме зонда, поэтому никто не станет искать на борту экипаж.

Несмотря на сожженные мосты, Артемис был полон решимости довести миссию до успешного завершения. Поэтому, если у него возникал вопрос, он его задавал.

— Сработает?

Элфи пожала плечами.

— Сомневаюсь. Скорее всего, за крышкой люка нас будет поджидать самонаводящаяся ракета.

— Правда?

— Нет. Вранье. Что, не нравится?

Артемис с несчастным видом покачал головой. Он должен придумать способ загладить вину перед Элфи. Хотя бы отчасти.

— Конечно сработает. По крайней мере, на некоторое время. Пока на Полис-Плаза обо всем догадываются, мы, возможно, уже вернемся в будущее.

— А мы сможем лететь без скребка?

Элфи и Мульч расхохотались, а потом обменялись несколькими фразами на гномьем языке, но говорили слишком быстро, и Артемис смог уловить только несколько слов, среди которых, как ему показалось, присутствовало определение «коупог», которое можновольно перевести как «идиот».

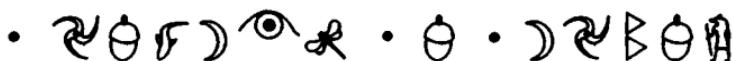
— Да, вершок, мы сможем лететь без скребка, если, конечно, ты не собирался заодно почистить стенки туннеля.

Он уже забыл, какой язвой могла быть Элфи по отношению к неприятным ей личностям.

Мульч пропел несколько строк из старой человеческой песни «Ты лишилась прекрасного чувства». Пел он якобы для Элфи, сжимая в руке воображаемый микрофон.

Та даже не улыбнулась.

— А ты, Рытвинг, лишишься всех чувств, если не заткнешься.

Мульч, заглянув эльфийке в лицо, быстро понял, что сейчас не самое удачное время ее подкальывать.

Элфи решила закончить разговор. Она дистанционно открыла люк и отключила стыковочные зажимы.

— Пристегнитесь, ребята,— бросила она и в крутом пике бросила крохотный шаттл в огромную дыру, словно орех — в пасть голодного гиппопотама.

ГЛАВА 10

~~~~~

ТЯЖЕЛЫЕ ДУМЫ

Фес, Марокко

Вид десятилетний Артемис имел самый несчастный. Таким Дворецки лицезрел его лишь однажды, когда какой-то аспирант из Австралии обошел юного гения в научном конкурсе. Телохранитель посмотрел в зеркало взятого напрокат лендрювера и увидел, что молодой хозяин сидит в луже пота, а дорогой костюм едва ли не тает на его худеньких плечах.

Рядом с Артемисом на сиденье стоял ящик с отверстиями. Из одного торчали три черных пальца — пойманый лемур исследовал свою тюрьму.

«Артемис даже не смотрит на животное,— заметил Дворецки.— Пытается обосновать свои действия. Совсем не просто уничтожить целый вид, пусть даже ради спасения отца».

Мальчик тем временем составлял список своих невзгод. Пропавший отец и балансирующая на грани нервного помешательства мать числились в этом списке соответственно первым и вторым пунктами. За ними следовали неуклонно растущие расходы на команду исследователей Арктики, которые жили в московской гостинице и, несомненно, заказывали в номера напитки и еду, включая икру. Дамон Кронски тоже занимал достойное место. Мерзкий человек, исповедующий отвратительные идеи.

Местный аэропорт Фес-Саисс был закрыт. Дворецки пришлось посадить самолет в аэропорту Мохаммеда V в Касабланке и взять на прокат лендровер. Машина, естественно, оказалась не самой последней модели. Этот лендровер сошел с конвейера еще в прошлом тысячелетии, и дыр в нем имелось больше, чем в куске сыра «грюйе». Кондиционер испустил предсмертный вздох еще сто миль назад, а сиденье было продавленным настолько, что Артемису иногда казалось, будто он сидит на от-

бойном молотке. Если ему не суждено испечься от жары, то его до смерти затрясет вибрация.

Тем не менее, несмотря на все невзгоды, в голову Артемиса пришла мысль, заставившая его чуть заметно улыбнуться: «То странное существо и ее спутник действительно были занятными».

Они отчаянно хотели заполучить лемура и не собирались сдаваться. Он был уверен в этом.

Артемис обратил внимание на подпрыгивающие за окном пригороды. На проходившем по пустыне шоссе откуда-то появилось оживленное движение. Мимо громыхали гигантские грузовики с колесами выше человеческого роста и кузовами, набитыми угрюмыми людьми. По испещренному выбоинами асфальту цокали копытами измученные ослики, нагруженные хворостом, бельем и даже мебелью. Тысячи пыльных мопедов лавировали между рядами машин, причем некоторые перевозили целые семьи — как только их ржавые рамы выдерживали... Придорожные здания мерцали в лучах близившегося к закату солнца подобно миражам. Призрачные дома, перед которыми расположились попить чаю привидения...

Ближе к центру застройка сделалась более плотной, между стенами уже не виднелись уча-

стки пустыни. Жилые дома чередовались с гаражами и магазинами видеокассет, кафе и пиццериями. Все постройки были одинакового оранжевого цвета, словно их обработали пескоструйным аппаратом, подлинная окраска пропадала лишь небольшими пятнами под балками.

Как всегда при посещении развивающихся стран, Артемис почувствовал легкое удивление, вызванное существованием древнего и современного. Козопасы в футболках клуба «Манчестер юнайтед» носили ай-поды на украшенных блестками цепях. На крышах хижин из гофрированной стали красовались тарелки спутниковых антенн.

До недавнего времени Фес был действительно значительным городом — центром караванной торговли между Югом и Востоком. Он славился как очаг арабской мудрости, священный город и место паломничества, когда путь на Мекку оказывался закрыт из-за погодных условий или нападений бандитов.

Теперь он стал местом заключения сделок между объявленными вне закона экстинционистами и отъявленными ирландскими преступниками.

«Мир меняется значительно быстрее, чем прежде,— подумал Артемис.— И я помогаю изменять его к худшему».

Мысль не слишком успокаивала, но он и не рассчитывал насладиться покоем в обозримом будущем.

Зажужжал мобильник, сообщая о принятом текстовом сообщении, которое проделало путь от Феса до Ирландии и обратно.

Мальчик бросил взгляд на экран и оскалился в безрадостной улыбке.

«Кожевенный базар. Через два часа»,— прошел он.

Кронски намеревался совершить обмен в людном месте.

«Очевидно, доктор доверяет мне точно так же, как я ему».

Сообразительный мерзавец.

Элфи вымешала злость на ни в чем не повинном шаттле: бросала аппарат в виражи так, что воздушные тормоза визжали, а стрелки приборов уходили в красные сектора. Ее летный шлем был подключен напрямую к камерам шаттла, благодаря чему она постоянно видела корабль со всех сторон. Кроме того, эльфийка могла дистанционно подключиться к камерам,

установленным в туннеле. Этим участком туннеля пользовались редко, поэтому чувствительные к движению фонари включались, только когда до шаттла оставалось не более пяти миль.

Капитан Малой отчаянно пыталась получить удовольствие от полета и выбросить из головы все остальное. Еще в детстве она мечтала служить пилотом в Подземной полиции. Вписавшись в очередной поворот так, что до стены оставалось не больше миллиметра, она почувствовала, как до предела напрягся шаттл, словно поглотив напряжение ее тела.

«Артемис обманул меня, пытался меня шантажировать, но поступил так ради матери. Веская причина. Кто сказал, что я поступила бы иначе? Если бы я могла спасти мать, то пошла бы на все, включая обман друзей...»

Итак, она понимала, почему Артемис так обошелся с ней, хотя считала, что в этом не было необходимости. Но это не значило, что она простила его, по крайней мере, на данный момент.

Разве можно такое забыть? Судя по всему, она обманывалась, считая его другом.

Это не должно повториться.

В одном Элфи была совершенно уверена: теперь, после всего случившегося, они могли

испытывать друг к другу только одно чувство — вынужденное уважение.

Она подключилась к расположенной на потолке шатла миниатюрной камере и испытала удовольствие, увидев вцепившегося в подлокотники кресла Артемиса. Возможно, у камеры просто сбились настройки, однако лицо его имело зеленоватый оттенок.

«Ты все испортил, вершок, — подумала Элфи. — Надеюсь, это не погрешность цветопередачи, а твой истинный облик».

В марокканской пустыне, к югу от города Агадир, находился естественный разлом, где туннельный газ выходил на поверхность сквозь полмили песчаной массы. Единственной приметой служило незначительное изменение цвета песка над разломом, а сам газ быстро рассеивался ветром, едва успев вырваться из-под земли. Тем не менее процесс не прекращался в течение многих тысяч лет, и в результате возникли дюны с причудливыми красными полосками, которые, как клялись местные жители, являлись не чем иным, как кровью жертв знаменитого в двадцатом веке бандита Райсули. Маловероятно, чтобы кто-то верил в подобный бред, включая, в первую очередь, самих жите-

лей деревни, но подобные факты добавляли красок путеводителям, привлекая туристов в эту ничем более не примечательную область.

Элфи вывела шаттл через разлом, закрыв воздушные фильтры, чтобы в двигатель не попали мельчайшие песчинки. Она летела практически вслепую, руководствуясь только трехмерной моделью разлома. К счастью, этот отрезок пути был самым коротким, и буквально через несколько секунд шаттл взмыл в африканское небо. Несмотря на теплоизолирующую обшивку, пассажиры скоро почувствовали жару. Особенно Мульч Рытвинг. В отличие от других подземных жителей, гномы плохо переносят пребывание на поверхности и никогда не мечтают подставить лицо солнечным лучам. Любая высота выше уровня моря вызывает у них головокружение.

Мульч смаочно рыгнул.

— Слишком высоко. Мне не нравится. Жарко, слишком жарко. Мне нужно в туалет. Не знаю точно, зачем. Просто не заходите туда. Что бы ни услышали, не заходите.

Когда гном дает подобный совет, к нему лучше прислушаться.

Элфи послала заряд на ветровое стекло, чтобы очистить его от песка, потом направила

шаттл на северо-восток, в сторону Феса. Если повезет, они еще могут успеть на место встречи раньше младшего Артемиса.

Включив автопилот, она повернулась вместе с креслом лицом к другому Артемису, лицо которого постепенно обретало свой нормальный цвет, то есть становилось из бледно-зеленого просто бледным.

— Ты уверен, что встреча произойдет именно здесь? — спросила эльфийка.

Артемис ни в чем не был уверен, и эта неуверенность мешала ему ясно думать.

— Нет. Но я отчетливо помню, что обмен произошел на кожевенном базаре в Фесе. По крайней мере, начать нужно с этого места. Если Кронски и молодой я там не появятся, отправимся в лагерь экстинкционистов.

Элфи нахмурилась.

— Гмм. Этот план не соответствует твоим обычным стандартам, и у нас мало времени. Нет даже пары лишних дней. Время — наш враг.

— Да, — согласился Артемис. — Время — причина всех наших злоключений.

Элфи взяла пищевой брикет из холодильника и вернулась за пульт управления.

Артемис смотрел подруге в спину и пытался понять, о чем говорит ее тело. Сгорбленные

круглые плечи, скрещенные на груди руки. Она изолировала себя, отказывалась общаться. Чтобы вернуть ее расположение, требовался какой-то нестандартный ход...

Юноша прижался носом к стеклу иллюминатора и стал смотреть на проносившуюся мимо разрисованную охряными и золотистыми полосами марокканскую пустыню. Наверняка есть что-то, чего Элфи хочется больше всего на свете. Что-то такое, чего она не сделала и теперь жалеет, а он каким-то образом может помочь ей это осуществить.

Артемис сосредоточился на собственных мыслях и буквально через мгновение все понял. Разве он не видел голограммическое изображение на одной из полок? Разве не было никого, с кем Элфи не успела попрощаться?

Полис-Плаза, Гавань, Нижние уровни

Командующий Джулиус Крут по самый кончик грибной сигары зарылся в документы. Не то чтобы эти документы были настоящими. В эпоху Кентавра не осталось ни одного полицейского протокола, написанного на бумаге. Все фиксировалось на кристаллах и хранилось в центральном устройстве памяти где-то в ин-

формационном пространстве. Недавно специалисты Жеребкинса занялись выращиванием запоминающих растений, а это означало, что скоро информацию можно будет хранить в цветах, навозных кучах и даже в торчащей изо рта Круга сигаре. Командующий в этом совершен-но не разбирался и, самое главное, не хотел разобраться.

Пусть Жеребкинс живет в миреnano- и кибертехнологий. А он предпочитал остаться в мире привычных полицейских проблем. Тем более что их хватало с избытком.

Во-первых, на поверхности разгуливал старый враг Мульч Рытвинг. Этот гном словно насмехался над ним. Его последние преступные шалости заключались в проникновении в терминалы и продаже добычи изгнанным на поверхность и существовавшим среди людей подземным жителям. На каждом месте преступления он оставлял, словно визитную карточку, аккуратную кучку переработанного грунта.

Потом эти треклятые жабы-сквернословы. Пара окончивших колледж колдунов наделила даром речи обычных надутых туннельных жаб. Как настоящие выпускники колледжа, они, естественно, научили жаб только сквернословить. Теперь благодаря непредвиденно-

му побочному эффекту, а именно плодовитости, эти жабы стаями прыгали по Гавани и поносили всех прохожих без разбора.

Банды гоблинов становились все сильней и нахальней. Буквально на прошлой неделе они подожгли патрульную машину, облезжавшую гоблинский район.

Джулиус Крут откинулся на спинку вращающегося кресла и позволил сигарному дыму окружить голову плотным облаком. Иногда ему хотелось повесить кобуру на гвоздь и забыть обо всем. Ему казалось, ничто не сможет удержать его на службе.

Кольцо голограммы замерцало на потолке, будто дискотечный шар. Входящий звонок. Крут проверил личность звонящего.

Капитан Элфи Малой.

Крут позволил себе улыбнуться, а это случалось не часто.

Было время, когда он точно знал, что нужно делать.

«Я должен подготовить лучших из лучших, чтобы они заняли мое место, когда я уйду. Таких, как капитан Келл, Жеребкинс, да помогут мне боги, и капитан Элфи Малой».

Крут лично выбрал Элфи. Произвел в капитаны — впервые в истории Подземной поли-

ции звание капитана было присвоено женщины. И он мог ею только гордиться. Каждая разведывательная операция неизменно заканчивалась успешно, без стирания памяти или остановки времени.

«Ты не ошибся,— подсказывал Круту внутренний голос.— Сообразительная, бесстрашная, неравнодушная. Из Элфи Малой получится отличный капитан и, кто знает, может быть, великий командующий».

Крут стер с лица улыбку. Не нужно, чтобы капитан Малой увидела его глупо улыбающимся, подобно выжившему из ума старику. Ей требуется дисциплина, порядок и солидная порция уважения по отношению к старшему офицеру.

Он коснулся кнопки приема на экране компьютера, и голограммическое кольцо взорвалось Млечным Путем звездочек, собравшихся в мерцающие очертания капитана Элфи Малой в человеческой одежде. Видимо, работала под прикрытием. Он видел ее отчетливо, а она увидала его, только когда он вошел в площадь голограммического кольца.

— Капитан Малой, в Гамбурге все в порядке, я полагаю?

Элфи, на мгновение потеряв дар речи, открыла рот и протянула руки, чтобы прикоснуться к командующему. В ее времени он погиб, коварно убитый Опал Кобой, а здесь был живым и полным сил, таким, каким она его помнила.

Крут откашлялся.

— Все в порядке, капитан?

— Да, конечно, командующий. Все в порядке на данный момент. Хотя неплохо было бы подготовить к вылету группу быстрого реагирования.

Крут отверг эту идею взмахом сигары.

— Чепуха. Твой служебный список говорит сам за себя. Ты никогда не нуждалась в подкреплении.

Элфи улыбнулась.

— Все когда-нибудь случается впервые.

Крут прищурился: что-то в плавающем бесплотном изображении, проецируемом голографическим кольцом, показалось ему странным.

— Ты звонишь мне из Африки? Что ты делаешь в Африке?

Элфи шлепнула ладонью по панели управления.

— Нет, я в Гамбурге, веду наблюдение из укрытия. Тупая машина. И проекторы работают как-то криво. На мониторах я выгляжу де-

сятилетней девчонкой. Придуши Жеребкина, когда вернусь.

Крут не смог сдержать улыбки, услышав это, но быстро стал серьезным.

— Малой, почему голограмма? Что плохо в старом проверенном коммуникаторе? Ты понимаешь, как дорого передавать по лучу звук и изображение сквозь земную кору?

Изображение Элфи дрогнуло, потупило взор, потом посмотрело ему прямо в глаза.

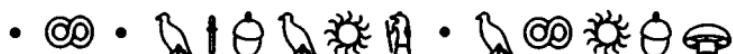
— Я... я просто хотела поблагодарить вас, Джув... командующий.

Крут был поражен. Поблагодарить его. За месяцы невыполнимых заданий и двойные смены?

— Поблагодарить меня, капитан? Так не принято. У меня возникают сомнения в том, что яправляюсь со своими обязанностями, если подчиненные хотят меня поблагодарить.

— Нет-нет, все в порядке,— выпалило изображение Элфи.— Вы отлично выполняете свои обязанности, превосходно. Никто не ценил... не ценит вас по заслугам. Я ценю. Я знаю, что вы делали... делаете для меня. Поэтому спасибо, я вас не подведу.

Крут с удивлением почувствовал, что действительно тронут. Не каждый день ему прихо-

дилось встречаться с таким искренним выражением чувств.

«Ничего себе,— подумал он.— Размяк перед голограммой. То-то Жеребкинс порадовался бы».

— Я... э... принимаю твою благодарность и верю, что ты говоришь от чистого сердца. Но не хочу, чтобы в ходе каждой операции передо мной по этому поводу появлялась дорогостоящая голограмма, одного раза вполне достаточно.

— Понятно, командующий.

— Веди себя осторожно в Гамбурге. Не забудь проверить снаряжение.

— Не забуду, командующий,— сказала Элфи, и Крут готов был поклясться, что она на мгновение закатила глаза... впрочем, это могло быть очередным программным глюком.

— Что-нибудь еще, капитан?

Элфи протянула к нему руку, она мерцала и слегка дрожала. Крут не понимал, чего от него ждут. Правила общения с голограммами были достаточно ясными: объятия и рукопожатия не поощрялись. В конце концов, кому захочется обнимать состоящее из пикселей изображение?

Но рука была перед ним.

— Командующий, пожелайте мне удачи. Как офицер офицеру.

Крут хмыкнул. В поведении любого другого подчиненного он заподозрил бы подхалимаж, но капитан Малой всегда поражала его своей откровенностью.

Он протянул руку и ощутил легкое покалывание, когда она коснулась цифровых пальцев Элфи.

— Удачи, капитан,— произнес он хриплым голосом.— И поменьше авантюризма в будущем. Когда-нибудь меня не станет, и некому будет тебе помочь.

— Слушаюсь, командующий. До свидания.

Элфи исчезла, но Джгулиус Крут готов был поклясться, что увидел крупные голограммические слезы на ее щеках, прежде чем изображение поблекло.

«Тупая машина,— подумал он.— Прикажу Жеребкину заново отрегулировать все оборудование».

Элфи вышла из голограммической камеры, которая напоминала древнюю душевую кабину с резиновой занавеской. После нажатия кнопки камера сложилась, превратившись в небольшой чемоданчик.

В глазах у нее блестели слезы. Она поспешила занять свое кресло и отключить автопилот.

Сидевший в кресле второго пилота Артемис зашевелился.

— В расчете? — спросил он.

Элфи кивнула.

— Да, в расчете. Но времена поцелуев миновали.

— Понятно.

— Я серьезно, Артемис. Если я сказала «миновали», значит, миновали.

— Я знаю.

Они посидели молча, наблюдая, как на них надвигаются низкие горы, потом Элфи наклонилась и легонько хлопнула Артемиса по плечу.

— Спасибо, Арти.

— На здоровье. Я всего лишь подал идею.

Из туалета, кряхтя и почесываясь, вывалился Мульч.

— Уже лучше. Слава богу, кабина звуконепроницаемая.

Элфи поморщилась.

— Закрой дверь и включи вытяжной вентилятор.

Мульч захлопнул дверь, ударив по ней каблуком.

— Знаете, пока я там сидел, я много думал.
Размышлял, так сказать.

— Сомневаюсь, что хочу услышать, до чего
ты додумался.

Мульч тем не менее продолжил:

— Этот маленький лемур. Шелковистая, как
там ее... Знаете, кого он мне напоминает, если
его постричь «под ежик»?

Они все подумали об этом.

— Командующего Крута,— улыбнувшись,
сказала Элфи.

— Ага, вылитый Крут в миниатюре.

— Джулиус-младший,— сказал Артемис.—
Так сказать, Джулиус Джунior.

Они подлетели к предгорьям Атласа, и пе-
ред ними открылся Фес, сердце страны с заку-
поренными транспортом артериями.

— Джуджу,— сказала Элфи.— Мы будем
звать его так. Осталось только найти.

Она включила защитный экран и пошла на
посадку к Фесу.

ГЛАВА 11

ГОЛУБИНЫЙ ПОМЕТ

Кожевенный базар, Фес

Надув маскировочную капсулу, Элфи спрятала ее в тени каменного выступа за кожевенным базаром Феса. Когда путь освободился, она и Артемис забрались в нее через крохотную дверь и устроились в надувных креслах. Артемис стукнулся подбордком о колени так, что лязгнули зубы.

— Я уже говорила, что ты стал выше,— заметила эльфийка.

Фаул сдул со лба черную как вороново крыло прядь.

— И волосатей.

— Радуйся: только благодаря твоей лохматости маленький Арти не узнал в тебе самого себя.

Элфи прихватила сумку со снаряжением для капсулы, один «Нейтрино» и соответствующую одежду, хранившуюся на складе в Таре. Артемису досталась коричневая рубаха до колен с веревочными сандалиями, а Элфи попыталась скрыть свои нечеловеческие черты под головным платком и абайей*.

Маскировочная капсула старой портативной модели по сути представляла собой шар с прозрачной надувной оболочкой, которая наполнялась из баллончика газом-хамелеоном, способным слиться с окружающей местностью. Никакого навигационного оборудования, никакого бортового оружия, только односторонний сенсорный экран и два тесных кресла.

— Воздушных фильтров нет? — поинтересовался Артемис.

— К сожалению, нет, — ответила Элфи, закрывая платком нос. — Чем воняет?

— Разбавленным голубиным пометом, — ответил Артемис. — Сильнокислый раствор,

* Традиционная арабская одежда — длинное платье с рукавами.

имеет здесь широкое применение. Дубильщики используют его для размягчения кожи перед окраской.

Раскинувшийся перед ними кожевенный базар смотрелся чрезвычайно живописно. Огромные каменные чаны выстроились по всей площади, как пчелиные соты. Каждый был заполнен либо кислотным размягчителем, либо растительными красками вроде шафрана или хны. Кожевенники топтались в чанах, тщательно пропитывая шкуры, включая свои собственные, краской, а добившись нужного оттенка, раскладывали их на ближайшей крыше для просушки.

— А говорят, конвейерное производство придумал Генри Форд,— заметил Артемис.— Этот базар существует лет шестьсот, если не больше.

Базар окружали высокие белые стены, испещренные пятнами краски и пыли. Охряные кляксы, расплывавшиеся по древним кирпичам, напоминали выцветшие карты неведомых архипелагов.

— Почему Кронски решил встретиться на базаре? — недоумевала Элфи.— Вонь почти невыносимая, говорю это как близкий друг Мульча Рытвинга.

— Кронски с рождения страдает аносмии,— объяснил Артемис.— У него полностью отсутствует обоняние. Он считает забавным назначать встречи здесь, поскольку его визави подвергнется сильнейшему воздействию запаха от чанов с кислотой и не сможет сосредоточиться, а на него самого запах никак не повлияет.

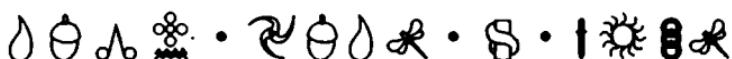
— Умно.

— Дьявольски умно. Здесь бывает много туристов, сюда приходят целые толпы народа, но никто не задерживается надолго.

— Много зрителей, но мало свидетелей.

— Не сомневаюсь, что у Кронски помимо местных жителей достаточно людей, которым он платит за то, чтобы они видели то, что он им велит.— Артемис подался вперед, коснувшись кончиком носа пластикового окна.— А вот и наш злодей-экстинкционист. Точно вовремя.

По базару толпами ходили кожевенники и торговцы, давно принюхавшиеся к местному зловонию. Группы запахоустойчивых туристов пролетали по площади в надежде сделать несколько удачных снимков, но и они выдерживали жару и нестерпимую вонь ровно столько, сколько требовалось, чтобы несколько раз

щелкнуть затвором камеры. И между ними с беззаботной улыбкой гордо шествовал доктор Дамон Кронски в нелепом, явно сшитом на заказ камуфляжном костюме и генеральской форменной фуражке.

У Элфи мгновенно вызвал отвращение и сам человек, и его отношение ко всему вокруг.

— Посмотри. Ему нравится.

Артемис ничего не сказал. Он продал лемура и считал это преступлением более тяжким, нежели поступок Кронски. Он поискал глазами уменьшенную версию самого себя.

— А вот и я. Западный угол.

Элфи отыскала взглядом младшего Артемиса. Почти невидимый, он стоял рядом с огромным, облицованым плиткой баком, похожим на урну, заполненным до краев зеленою, как мята, краской. Заходящее солнце отражалось на поверхности жидкости серебряным диском.

Артемис улыбнулся.

«Я помню, что стоял именно на этом месте, чтобы ослепительный блеск солнца на поверхности отвлекал Кронски. Рассчитывал хотя бы так отомстить за вонь. Довольно по-детски, но тогда я и был ребенком».

— Судя по всему, на этот раз память тебя не подвела,— сказала Элфи.

Артемис не мог скрыть облегчения. До этого момента его воспоминания не отличались четкостью.

Он вдруг выпрямился.

«Не отличались четкостью! Как он раньше не догадался? У этих провалов в памяти могло быть только одно объяснение!»

Впрочем, сейчас не время думать о таких вещах. Нужно готовиться к предстоящему обмену.

Фаул постучал указательным пальцем по сенсорному экрану, чтобы увеличить масштаб изображения и внимательно рассмотреть цоколь в центральной части базара. Каменная плита была изрезана желобками, а кромки ее сточились из-за того, что сюда в течение многих веков складывали шкуры. Лужицы хны блестели на щербатой поверхности, краска тонкими струйками стекала на землю, как кровь из раны на голове.

— Здесь,— сказал Артемис.— Мы договорились совершить обмен здесь. Кронски должен положить чемоданчик на плиту, а я — передать ему животное.

— Это самец, и теперь у него есть имя. Джуджу, — напомнила Элфи не терпящим возражений тоном.

— Я передаю ему Джуджу. Потом мы расходимся, все просто. Никаких осложнений не было.

— Может, стоит подождать, пока не произойдет обмен?

— Нет. Нам неизвестно, что за этим последует. А сейчас у нас есть хоть какая-то предварительная информация.

Элфи осмотрела место глазами профессионала.

— А где Дворецки?

Артемис коснулся другой точки на экране. Экран задрожал, чуть прогнулся и увеличил выбранное им место.

— В этом окне. Наблюдает за всем.

Окно выделялось прямоугольником на облупившейся белой стене, черным от тени и глубины.

— Думаешь, ты стал невидимым, да, дружище? — прошептала Элфи, выделила окно большим пальцем и включила фильтр ночного видения. В окне, ярко освещенном тепловым излучением тела, появилась фигура, неподвижная, словно камень, но с бьющимся сердцем.

— Насколько я помню, Дворецки хотел совершить обмен сам, но я отговорил его. Поэтому он торчит там, кипя от злости.

— Меньше всего мне хотелось бы встретиться лицом к лицу с кипящим от злости Дворецки.

Артемис положил руку ей на плечо.

— Тогда не подходи слишком близко. Нам нужен только отвлекающий маневр. Жаль, на складе не оказалось полицейского комбинезона. Будь на тебе костюм, в котором ты могла бы стать невидимой не только для людей, но и для техники, я бы чувствовал себя гораздо спокойней.

Элфи дернула подбородком, включая магию. Она начала быстро исчезать, в итоге оставив после себя только легкую дымку.

— Не волнуйся, Артемис,— произнесла эльфийка почти механическим из-за вибрации голосом.— Мне уже приходилось участвовать в подобных операциях. Не надо считать, что ты самый умный на этом базаре.

— Жаль, на терминале не оказалось крыльев. Что это за склад, если на нем нет крыльев?

— Чем богаты,— донесся голос Элфи через расширяющееся уплотнение двери.— Не можешь как хочется, делай как можется.

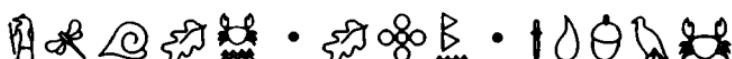
— Делай как можется,— повторил Артемис, сквозь инфракрасный фильтр наблюдая, как капитан Малой спускается по лестнице и проходит через базар.— Так себе лозунг.

Десятилетний Артемис чувствовал себя так, словно его обмакнули в чан с медом и оставили на поверхности солнца поджариться. Одежда плотно прилипла к телу, вокруг головы роем кружились мухи. В горле пересохло, язык распух и по шершавости не уступал наждаку. Мальчик слышал собственное дыхание и пульс, словно надел на голову шлем.

И этот запах! Вместе с горячим ветром он наполнял ноздри, заставляя глаза слезиться.

«Я должен выдержать,— подумал он с решимостью, не соответствующей возрасту.— Я нужен отцу. Кроме того, я не намерен позволять этому гнусному типу пугать меня».

Базар представлял собой калейдоскоп мельтешащих рук и ног, брызг краски и вечерних теней. А для Артемиса все выглядело еще более запутанным. Мимо мелькали локти, баки звенели словно колокола, воздух над головой разрывали быстрые фразы на французском и арабском.

Артемис позволил себе ненадолго погрузиться в медитацию. Он закрыл глаза и стал поверхностно дышать через рот.

«Отлично,— подумал он.— Шутки в сторону, доктор Кронски».

К счастью, доктор был крупным, даже огромным мужчиной, и Артемис, проходя по базару, без особого труда заметил его в противоположном углу.

«Каков позер! Камуфляжный костюм! Нужели он действительно считает себя генералом, объявившим войну царству животных?»

Сам Артемис тоже привлекал удивленные взгляды местных жителей. Туристы часто заглядывали на базар, но одинокого десятилетнего мальчишку в строгом костюме, с обезьяней клеткой в руке редко встретишь в любой стране света.

«Все просто. Выйти в центр и поставить клетку на плиту».

Но даже пройти по этому базару оказалось совсем не легко. Кожевенники метались между чанами с кипами мокрых шкур в руках. Капли краски разлетались во все стороны, пачкая одежду туристов и работников. Артемис был вынужден идти осторожно, несколько раз уступать дорогу, пока наконец не добрался до не-

большого свободного пространства в центре базара.

Кронски пришел чуть раньше. Он уже устроился на крохотной табуретке, разложенной из охотничьей трости, и попыхивал тонкой сигарой.

— Очевидно, я лишен половины удовольствия,— заметил доктор, словно возобновляя прерванный разговор.— Самое приятное в сигаре — аромат, а я не чувствую запахов.

Артемис кипел от злости. Этот тип выглядел совершенно безмятежным, ни единой капли пота не выступило у него на лбу. Мальчик заставил себя улыбнуться.

— Деньги при тебе, Дамон?

По крайней мере, юный Фаул мог попытаться досадить доктору, обратившись к нему на «ты» и без титула.

Судя по всему, Кронски не обратил на провокацию ни малейшего внимания.

— Деньги здесь, А'темис.— Он похлопал себя по нагрудному карману.— Сто тысяч — такая незначительная сумма, что она поместились в одном ка'мане моего костюма.

Артемис не удержался от насмешки.

— Причем такого шикарного.

Фиолетовые очки Кронски сверкнули в последних лучах солнца.

— В отличие от твоего, мой мальчик, который, как мне кажется, от жары утратил свою характерность.

Все верно. Артемису было худо, ему казалось, будто только высохший на спине пот поддерживал его в вертикальном положении. Он был голоден, изможден и раздражен.

«Сосредоточься. Цель оправдывает жертвы».

— А у меня есть лемур. Может, продолжим?

У Кронски задрожали пальцы, и Артемис легко догадался, о чем он думает: «Отбери у мальчишки лемура. Просто отбери. Зачем расставаться с сотней тысяч?»

Артемис решил пресечь эту идею в зародыше.

— Если у тебя возникли опрометчивые мысли нарушить соглашение, позволь сказать тебе всего одно слово: «Дворецки».

Слова действительно оказалось вполне достаточно. Репутация телохранителя Фаулов была хорошо известна Кронски, но он понятия не имел, где тот в данный момент находится. Его пальцы вздрогнули и остались неподвижными.

— Хо'ошо, А'темис. Давай заве'шим сделку. Ты, надеюсь, понимаешь мое желание осмот'еть това'.

— Конечно. И я уверен, что ты понимаешь мое желание увидеть твою валюту.

— Нет п'облем.— Кронски сунул руку в карман и извлек конверт, набитый лиловыми банкнотами достоинством в пятьсот евро. Он вытащил одну наугад и передал ее Артемису.— Хочешь ее обнюхать, А'темис?

— Не совсем.

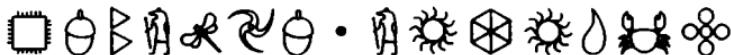
Артемис открыл сотовый телефон и выбрал в расширенном меню опцию ультрафиолетового сканера. Направив сиреневый луч на банкноту, он проверил наличие водяных знаков и металлической полоски.

Кронски схватился рукой за сердце.

— Мой мальчик, я обижен — нет, сме'тель-но оско'блен! Как тебе только в голову п'иш-ло, что я соби'аюсь тебя обмануть? Да и зачем? Чтобы подделать сто тысяч, нужно ист'атить го'аздо больше. Комплект хо'оших печатных фо'м стоит вдвое до'оже.

Артемис закрыл телефон.

— Я привык никому не доверять, Дамон. Те-бе еще предстоит в этом убедиться.— Он по-

ставил клетку на каменный цоколь.— Твоя очередь.

Настроение Кронски мгновенно изменилось. Исчезла бесцеремонность, он начал вести себя как-то глупо. Улыбнулся, хихикнул, на цыпочках, как ребенок к рождественской елке, подошел к клетке.

«Как *нормальный* ребенок,— мысленно уточнил Артемис.— А вот для меня рождественские подарки никогда не были сюрпризом благодаря рентгеновскому сканеру в мобильном телефоне».

Очевидно, перспектива задуть искру жизни еще одного вида безумно возбуждала Кронски. Он изящно склонился над клеткой и, прищурившись, заглянул в отверстия для вентиляции.

— Так. Кажется, все в по'ядке, но я должен 'ассмот'еть его поближе.

— Заплати сто тысяч евро и рассматривай, сколько хочешь.

Кронски бросил Артемису конверт.

— Заби'ай, надоедливый мальчишка. Ты меня совсем замучил. У такого мальчика не может быть много д'узей.

— У меня есть один друг,— ответил Артемис.— И он больше тебя.

Кронски, приоткрыв клетку, схватил лемура за шкирку, высоко, словно боевой трофей, поднял животное и принялся рассматривать со всех сторон.

Артемис отошел на шаг, бросая настороженные взгляды вдоль проходов.

«Может, ничего и не произойдет,— подумал он.— Наверное, эти существа не так изобретательны, как мне показалось. Возможно, пока мне следует довольствоваться полученной сотней тысяч».

И тут появились изобретательные существа.

Крыльев у Элфи не было, но это не мешало ей сеять панику. Оружия, кроме одного «Нейт-рино», на складе Подземной полиции не оказалось, зато нашлось кое-какое горное оборудование, включая несколько дюжин капсюлей-детонаторов, которые эльфийка в данный момент разбрасывала по оставленным без присмотра чанам в разных точках базара, подложив под окно, за которым прятался Дворецки, двойную порцию.

Элфи оставалась невидимкой, но предпочитала перемещаться крайне осторожно, поскольку поведение магической защиты без костюма абсолютно непредсказуемо. Любые резкие

жесты или столкновения могли привести к выбросу фейерверка волшебных искр, которые, появившись ниоткуда, смотрелись бы достаточно странно.

Поэтому двигаться следовало мягко и тихо.

Элфи заложила последний капсюль, вопреки невидимости ощущая себя светящейся мишенью.

«Как не хватает указаний Жеребкинса, — подумала она. — Приятно иметь под рукой всевидящее око».

Артемис, казалось, прочел ее мысли. Из миниатюрного динамика — еще один подарок со склада, — вставленного в ухо, раздался его голос:

- Кронски открывает клетку. Приготовься взорвать капсюли.
- Все готово. Если Джуджу попытается сбежать, я в северо-западном углу.
- Вижу тебя через фильтр. Взрывай поочереди.

Элфи забралась в пустой чан и сосредоточила внимание на Кронски. Тот достал лемура из клетки и держал на вытянутой руке. Идеально.

Она провела пальцем по узкой полоске на ладони, и все крохотные индикаторы зажглись

зеленым светом. Через мгновение на полоске появилось состоящее из одного слова сообщение: «Взрывать?»

«Конечно», — подумала Элфи и нажала на кнопку «ДА».

Чан взорвался, подняв в воздух шестиметровый столб красной краски. За ним, грохоча как мортиры, последовали другие чаны, взметнув в марокканское небо свое содержимое.

«Симфония цвета, — подумал Артемис, наблюдая за происходящим с высоты. — Мы полностью перекрыли Дворецки обзор».

Внизу, на базаре, мгновенно началась паника. Кожевенники ревели и кричали, охали и ухали как зрители на салюте, увидев следующий красочный фонтан. Некоторые, сообразив, что их драгоценные шкуры вот-вот примут незапланированные оттенки, принялись лихорадочно собирать товар и инструменты. Спустя буквально несколько секунд с неба обрушился разноцветный ливень красок, и испуганные туристы вместе с рабочими заметались между чанов.

Младший Артемис стоял как вкопанный, не обращая внимания на разлетающиеся во все стороны разноцветные капли. Он не спускал глаз с Кронски и лемура у него в руке.

«Следи за животным. Им нужно животное».

Здоровяк пронзительно взвизгивал при каждом взрыве, балансируя на одной ноге, как испуганный артист балета.

«Бесценные кадры», — отметил Артемис и заснял несколько секунд представления на свой телефон. Должно было произойти еще что-то, в этом он не сомневался.

Как всегда, юный гений оказался прав. У него возникло смутное впечатление, будто под носом у Кронски рванула мина. Земля взметнулась грибовидным облаком, в пыльной пелене что-то мелькнуло, и лемур исчез.

В руке у доктора Кронски остался лишь сгусток слизи, неверно мерцающий в вечернем полумраке.

С неба упали последние капли краски, и паника постепенно улеглась. Кожевенники удивленно покачивали головами, потом принялись отчаянно ругаться. Они лишились дневной выручки.

Пыль уже осела, а Кронски еще несколько секунд визжал, держа ноту, как заправский оперный певец.

Артемис недобро усмехнулся.

— Толстая дама поет в конце спектакля, так что, полагаю, занавес опущен.

Слова Артемиса привели Кронски в чувство. Он умолк, слегка расставил ноги и глубоко дышал. Красные пятна медленно сходили с его обрюзгших щек. И только попытавшись отряхнуть с ладоней слизь, доктор сообразил, что лемур куда-то подевался.

Он с немым изумлением таращился на пальцы, чувствуя, как странная масса затвердевает, превращаясь в светящуюся перчатку.

— Артемис, что ты наделал?

«Ага,— подумал Фаул.— Ты вдруг научился правильно произносить мое имя».

— Я здесь совершенно ни при чем, Дамон. Я доставил тебе лемура, ты его потерял. Твои проблемы.

Кронски побагровел от злости. Он сорвал с себя очки, открыв воспаленные глаза.

— Ты меня обманул! Ты каким-то образом в этом замешан. Съезд экстинкционистов неизменно открывают с помпой, без этого нельзя. Казнь лемура должна была стать гвоздем программы!

Запищал телефон, и Артемис бросил взгляд на экран. Короткое сообщение от Дворецки: «Миссия выполнена».

Положив телефон в карман, он широко улыбнулся Кронски.

— С помпой, говоришь? Возможно, я смогу тебе помочь. Разумеется, не бесплатно.

Старший Артемис сидел в капсуле, наблюдая за развитием событий. Все шло точно по плану, за исключением чанов с красками, которые на самом деле превзошли самые смелые ожидания.

«Мы полностью перекрыли Дворецки обзор,— подумал он и вдруг замер.— Конечно! Я ни за что не приказал бы Дворецки встать за тем окном. Я установил бы там ложную цель, так как это место одно из пяти наиболее удобных для размещения снайперов. Нет, я бы оставил ложные цели во всех пяти точках, а Дворецки велел спрятаться где-нибудь поближе к земле, чтобы он был готов вмешаться, если заметит этих надоедливых похитителей лемура. Они вполне могли появиться, поскольку знали каждый мой шаг. Я, Артемис Фаул, одурачил сам себя!»

И тут ему в голову пришла ужасная мысль.

— Элфи! — закричал он в приклеенный к большому пальцу микрофон.— Уходи! Уходи!

— Что... — услышал он сквозь треск. — Такой шум... верно... поврежден...

Затем в течение нескольких секунд шли помехи, резкие щелчки — и тишина.

Слишком поздно. Артемису оставалось только прижаться лицом к экрану и беспомощно наблюдать, как один из кожевенников сбрасывает с плеч одеяло и выпрямляется, оказавшись значительно выше ростом. Это, конечно, был Дворецки, и в вытянутой руке он держал портативный инфракрасный сканер.

«Дворецки, старина, не делай этого. Я знаю, что тебе никогда не нравились мои махинации».

Телохранитель в три шага оказался у чана, где пряталась Элфи, и быстро накрыл добычу одеялом. Она отчаянно сопротивлялась, но, конечно, не могла справиться с наделенным чудовищной силой телохранителем. Спустя десять секунд связанная эльфийка лежала на плече гиганта. Еще через пять Дворецки выскоцилзнул в ворота и смешался с базарной толпой.

Все произошло настолько быстро, что у Артемиса даже не успела отвиснуть челюсть. Буквально мгновение назад он полностью контролировал ситуацию и наслаждался чувством самоуверенности, которое всегда возникает,

если ты считаешь себя самым умным в воображаемой компании. А теперь он рухнул с небес на землю, пожертвовав ферзем ради ладьи и обнаружив, что противник не только не глупее его, но и вдвое безжалостней.

Фаул чувствовал, как по лицу, покалывая по краям, расползается холодная бледность отчаяния.

Они схватили Элфи. Экстинкционисты обвиняют ее в том, что она дышит предназначенным для людей воздухом.

И тут его осенило: «Каждый подсудимый имеет право на хорошего адвоката».

ГЛАВА 12

~~~~~

ИСЧЕЗНУВШИЕ НАВСЕГДА

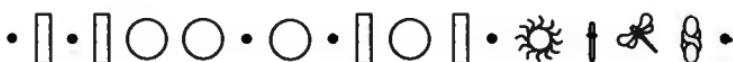
*Лагерь экстинкционистов «Царство людей»,
Фес, Марокко*

Младший Артемис согласился поехать с доктором Кронски в охраняемый лагерь рядом с городом. «Лендровер» главы экстинционистов, значительно более шикарный, нежели автомобиль, взятый напрокат самим Фаулом, располагал мощным кондиционером и охладителем питьевой воды. Сиденья были обиты шкурами тигров-альбиносов.

Артемис провел пальцем по меху и не удивился, обнаружив, что шкуры настоящие.

— Приятные сиденья,— заметил он сухо.

Кронски промолчал. Он мало говорил с тех пор, как потерял лемура, только время от времени что-то бубнил про себя, проклиная несправедливость мироздания. Судя по всему, его совершенно не беспокоил тот факт, что его костюм заляпан краской, пачкавшей дорогую обивку.

Дорога до лагеря заняла всего пять минут, но Артемис радовался возможности немного подумать. Когда «лендровер» подъехал к укрепленным воротам, последние недостатки плана были устраниены, и оставшиеся две минуты он посвятил обдумыванию сюжета одного из любовных романов, которые иногда пописывал под псевдонимом Сюзи Пюзи.

Охранник, телосложением не уступавший Дворецки, махнул им рукой из арки в четырехметровой стене. Артемис внимательно рассмотрел вооруженных громил, патрулировавших периметр лагеря площадью не меньше десяти акров, запомнил, где находится будка генератора и жилые помещения для персонала.

«Знание — сила».

Жилые коттеджи в стиле калифорнийских бунгало — с плоскими крышами и стеклянными стенами, теснились у искусственного пля-

жа, оборудованного волногоном и спасательной станцией. В центре лагеря находился огромный конгресс-центр, с торчащим над крышей и пока закрытым лесами шпилем. Двое рабочих на лесах наносили последние штрихи на водруженнюю на вершину шпиля бронзовую эмблему. Большую часть эмблемы скрывал брезент, но Артемис без труда догадался, что она собой представляет: человеческая рука с зажатым в кулаке земным шаром — символ экстинционистов.

Водитель Кронски остановил машину у самого шикарного бунгало, и доктор, не сказав ни слова, прошел в дом. Махнув рукой в сторону обитого мехом дивана, он скрылся в ванной.

Артемис надеялся принять душ и переодеться, но Кронски, очевидно, настолько расстроился, что забыл о вежливости, поэтому мальчику оставалось только ослабить ворот рубашки, от которой чесалось все тело, и дожидаться возвращения хозяина.

Гостиная в доме Кронски производила мрачное впечатление. Одна стена была полностью увешана сертификатами уничтожения с фотографиями несчастных животных и датами гибели от рук экстинкционистов последнего представителя каждого вида.

Артемис пробежал глазами по фотографиям, отметив японского морского льва, китайского речного дельфина байцзи, гуамскую летучую лисицу и балийского тигра.

Все они исчезли навсегда.

«Единственный способ еще раз увидеть этих животных — каким-то образом разогнаться до скорости выше световой и вернуться в прошлое».

В комнате имелись и другие ужасные свидетельства, аккуратно снабженные пояснительными табличками. Диван был обит шкурами фолклендского волка. Основанием торшера служил череп западного черного носорога.

Артемис с трудом сохранял спокойствие.

«Надо поскорее выбираться отсюда».

Но едва слышный голос совести напомнил ему, что, даже если он уйдет, это место не перестанет существовать, а, продав Кронски еще одно диковинное существо, он лишь способствует росту его популярности.

Артемис вызвал в памяти образ отца.

«Любой ценой. Во что бы то ни стало».

В комнату вошел посвежевший после душа Кронски, облаченный в длинный восточный халат. Глаза у него припухли, как будто он только что плакал.

— Присаживайся, А'темис,— сказал он, показав на диван мухобойкой в кожаной оплётке.

Артемис посмотрел на предложенное место.

— Нет, я лучше постою.

Кронски опустился на офисное кресло.

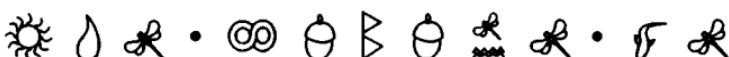
— Да, я понимаю. Диван для взрослых. Трудно заставить относиться к себе серьезно, если ноги не достают до пола.

Доктор потер глаза короткими и толстыми, словно обрубки, большими пальцами и надел свои фирменные очки.

— А'темис, ты представить себе не можешь, что мне пришлось пережить. Из-за моих убеждений меня изгоняли из разных стран, словно обычного преступника. А теперь, когда я наконец обрел место, которое могу назвать домом, когда убедил комитет провести заседание именно здесь, выясняется, что гвоздь программы исчез! Я рассчитывал, что этот лемур предстанет перед нашим судом!

Кронски говорил спокойно — видимо, уже оправился от нервного срыва, случившегося на кожевенном базаре.

— Члены комитета экстинкционистов — очень могущественные люди, А'темис. Они привыкли к комфорту и удобствам. Марокко

вряд ли можно назвать уютной страной. Мне пришлось построить этот лагерь, чтобы завлечь их сюда, пообещав сногшибательную церемонию открытия конференции. И что я им теперь покажу? Собственную светящуюся ладонь?

Кронски помахал рукой — слизь почти вся сошла, но кожа по-прежнему тускло светилась.

— Не все потеряно, доктор, — произнес Артемис успокаивающим тоном. — Я могу представить вам существо, которое вдохнет в ваше общество новые силы и заставит весь мир считаться с вами.

Кронски скептически нахмурился, но наклонился вперед и слегка вытянул руки.

«Лицо говорит “нет”, — подумал Артемис. — А тело — “да”».

— Что именно ты продаешь, А’темис?

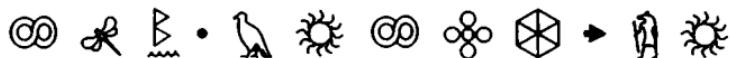
Артемис открыл в телефоне папку с фотографиями и выбрал снимок.

— Это, — ответил он, передавая телефон Кронски.

Доктор рассмотрел изображение, и скептицизма в его взгляде прибавилось.

— Что это? Фотомонтаж?

— Нет, снимок настоящий. И существо настоящее.

— Перестань, А'темис. Лично я вижу силикон и костные имплантаты.

Мальчик кивнул.

— Нормальная реакция. Тебе не придется платить, пока не убедишься.

— Я уже заплатил.

— Ты заплатил за лемура,— возразил Артемис.— А я предлагаю неизвестный вид. Возможно, опасный для всего человечества. Как раз то, против чего выступают экстинкционисты. Представь, сколько новых членов поспешит сделать пожертвования твоей церкви, когда ты расскажешь всем об этой угрозе.

Кронски кивнул.

— Ты умеешь приводить убедительные аргументы, хотя тебе всего десять лет. Сколько мне придется заплатить?

— Тебе придется заплатить пять миллионов евро. Сумма не обсуждается.

— Наличными?

— Бриллиантами.

— Не отдам ни единого камня, пока не удостоверюсь в подлинности товара,— напыщенно Кронски.

— Справедливо.

— Весьма любезно с твоей стороны, Фаул. А почему ты уверен, что я не обману тебя? В кон-

це концов, я не сомневаюсь, что за происшествием на базаре стоишь ты. Там, где я вырос, считается справедливым отплатить той же монетой.

— Ты можешь меня обмануть, Дамон. Но ты не станешь обманывать Дворецки. Ты не настолько глуп.

Кронски хмыкнул, слова Артемиса явно произвели на него впечатление.

— Должен признать, мой мальчик, ты очень предусмотрителен и умеешь убеждать.— Он рассеянно посмотрел на светящуюся ладонь.— А'темис, тебе никогда не казалось странным, что такой малыш, как ты, стоит лицом к лицу с таким закоренелым преступником, как я?

— Не понимаю вопроса,— сказал Артемис, потому что действительно не понимал.

Кронски хлопнул в ладоши и засмеялся.

— А'темис, меня приводит в восторг само существование такого мальчика, как ты. Просто праздник какой-то.— Смех внезапно смолк, словно обрубленный гильотиной.— Когда я смогу осмотреть это существо?

— Немедленно,— ответил Артемис.

— Отлично. Передай своему человеку сообщение, чтобы явился сюда. На дорогу уйдет

минут тридцать, еще десять — на проверку службой безопасности... Можем встретиться с ним в директорской приемной примерно через час.

— Я сказал, немедленно, — повторил Артемис и щелкнул пальцами.

Из-за портьеры выступил Дворецки с кевларовой сумкой под мышкой.

Кронски взвизгнул и закатил глаза.

— Извините, не сдержался... После того случая с коалой в Кливленде... Как неловко получилось...

«Запомним на будущее, — подумал Артемис. — Коала в Кливленде».

— Кстати, — продолжил доктор. — Как ты здесь оказался?

Дворецки пожал плечами.

— Так же, как и вы, доктор.

— Ты спрятался в лендровере, — прошептал Кронски. — Хитро.

— Не совсем. Это скорее небрежность с вашей стороны, чем хитрость с нашей.

— Буду иметь в виду. Товар при тебе?

Дворецки сжал губы, и Артемис понял: сделка заставила телохранителя задуматься о пределах лояльности. Он и к истории с лемуром относился достаточно неодобрительно, а сейчас в сумке лежало разумное существо.

Не говоря ни слова, гигант поставил сумку на стол. Артемис протянул руку к молнии, но Дворецки остановил его.

— Она обладает гипнотическими способностями. Мне приходилось встречаться в Лаосе с ребятами, умевшими заворожить любого, но по сравнению с ней они щенки. Она пыталась загипнотизировать меня, когда мы уходили с базара, и я едва не врезался в верблюда — пришлось заклеить ей рот. Кроме того, как нам известно, она умеет становиться невидимой. Когда я открыл сумку, ее там не оказалось. Думаю, энергия уже на исходе, но кто знает, сколько еще фокусов таится между этими остроконечными ушами? Вы готовы рискнуть?

— Да! — воскликнул Кронски, брызгая слюной.— Конечно да! Открывай сумку.

Дворецки убрал руку, и Артемис расстегнул молнию, чтобы все увидели лежавшее в сумке существо.

Кронски пристально посмотрел в разноцветные глаза. Провел пальцами по не по-человечески высокому лбу, подергал за уши, потом, попятившись, рухнул в кресло и дрожащими руками налил себе стакан воды.

— Пять миллионов по действующей рыночной цене,— сказал он.— Ты сказал пять, и мы договорились. Никаких надбавок.

Артемис улыбнулся. Доктор заглотил наживку.

— Пять миллионов,— согласился он.— Плюс расходы.

Старший Артемис возвращался к посадочной площадке на складном полицейском скутере, сконструированном по образцу популярной у людей в пятидесятых годах двадцатого века «ламбретты». Впрочем, сходство ограничивалось внешним видом, ибо на человеческие мотороллеры никогда не устанавливались чистые атомные аккумуляторы, система спутниковой навигации и кнопки самоуничтожения.

Дорога из столичного города на Ифран шла по плодородной речной долине, мимо оливковых рощ и полей для гольфа.

«Древность и современность. Бок о бок».

Звезды на небе казались крупнее и ярче, чем в родной Ирландии, и полыхали, будто огни на стадионе, словно Африка была ближе к Все-ленной.

«Я потерял ее. Потерял Элфи».

Но у него был план. Почти. Для его осуществления требовалась всего лишь кое-какие волшебные инструменты, чтобы открыть не-

сколько дверей, и тогда у него появится шанс. Потому что без Элфи будущего не было. Ни для кого из них.

Почти час ушел на поиски поля для гольфа, куда эльфийка посадила полицейский шаттл. Никаких явных признаков наличия здесь корабля не наблюдалось, за исключением небольшого плоского участка на поверхности песчаной ловушки. Элфи зарыла шаттл глубоко в сухой песок и оставила защитный экран включенным. Артемису удалось отыскать точное место только при помощи навигационной системы скутера.

Он сложил скутер (тот превратился в диск не больше летающей тарелки-фрисби) и спустился в шаттл через верхний люк.

Мульч Рытвинг от нечего делать крутился на кресле пилота.

— Это мой скутер, вершок, — сказал он. — Свалился с тележки, и я его прихватил.

Артемис закрыл за собой люк.

— Где лемур? Где Джуджу?

Мульч ответил вопросом на вопрос.

— А где Элфи? Ты ее потерял?

— Да, — с несчастным видом признался Артемис. — Мальчишка перехитрил меня. Он

знал, что мы придем за лемуром. Пожертвовал им, чтобы схватить Элфи.

— Толково,— заметил Мульч.— Впрочем, меня это не касается. Увидимся...

— Увидимся? Увидимся?! Твоя соплеменница... твой друг попал в беду, а ты собираешься его бросить?

Мульч поднял руки.

— Эй, успокойся, вершок. Полицейские мне не друзья. Мы договаривались: я добываю тебе этого мохнатого малыша, ты отдаешь мне тележку полицейского снаряжения. Дело сделано, обе стороны довольны.

В этот момент из туалета выглянул Джуджу.

— Что он там делает?

Мульч усмехнулся.

— Угадай с трех раз.

— Лемуры не умеют пользоваться современной сантехникой.

— Сам посмотри. Чтобы там ни было, я тут ни при чем, это все Джуджу.

Он щелкнул волосатыми пальцами, и лемур, пробежав по руке, сел ему на голову.

— Видишь. Он берет ответственность на себя.— Мульч нахмурился.— Ты же не собира-

ешься обменять этого шельмца на капитана Малой?

— Нет смысла,— сказал Артемис, входя в центральную базу данных Подземной полиции.— С таким же успехом можно попытаться обменять шпильку для волос на Экскалибур.

Мульч задумчиво пожевал губу.

— Я знаю историю об Экскалибуре и понимаю, что ты хочешь сказать. Шпилька для волос бесполезна, Экскалибур чудесен, и так далее. Но в некоторых случаях шпилька оказывается весьма кстати. Вот если бы ты имел в виду резиновую шпильку... Понимаешь, куда я клоню?

Артемис, не обращая на него внимания, колотил пальцами по возникшей перед ним виртуальной клавиатуре. Ему требовалось получить максимум сведений об экстинкциях, а у Жеребкинса скопилось на них море данных.

Мульч пощекотал Джуджу под подбородком.

— А мне начинает нравиться капитан Малой, вопреки здравому смыслу. Полагаю, я могу сделать подкоп и спасти ее.

Предложение было искренним и разумным, поэтому Артемис позволил себе его обдумать.

— Невозможно. Кронски уже видел спасение через туннель, и второй раз его провести не удастся. В любом случае ты не выдержишь дневной температуры. Даже под землей тебе опасно. Грунт здесь настолько сухой, что глубина трещин на открытых участках достигает пятнадцати метров. Один лучик полуденного солнца, и ты вспыхнешь, как старая книга в печи.

Мульч поморщился.

— Убедительное сравнение. Итак, что ты собираешься делать?

Артемис, используя передовую технологию волшебного народца, распечатал пятнистую, как шкура леопарда, членскую карточку общества экстинкционистов с переливающейся серебристо-лиловой голограммой в центре.

— Сегодня я отправлюсь на банкет экстинкционистов,— сказал он, щелкнув по карточке указательным пальцем.— В конце концов, меня пригласили. Мне понадобится соответствующий костюм и кое-какие медикаменты.

Мульч был потрясен.

— Отличный план. А ты хитер и коварен, почти как я.

Артемис снова повернулся к клавиатуре. Надо еще немного поработать над прикрытием...

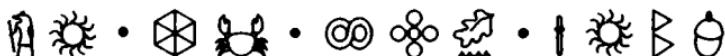
— Ты даже не представляешь, насколько,— отозвался он.

Время банкета неумолимо приближалось, и нервы у Кронски были натянуты до предела. Он плясал по бунгало в одном только банном полотенце и от волнения напевал любимые арии из мюзикла «Иосиф и его удивительный разноцветный плащ снов»*. Кронски часто видел себя во сне облаченным в разноцветный плащ, сшитый из шкур уничтоженных им животных. После таких снов доктор всегда просыпался с улыбкой.

«Все должно пройти идеально. Сегодня — самый важный день в моей жизни. Спасибо, юный А'темис».

От этой конференции зависело очень многое, и банкет обычно задавал тон предстоящим выходным. Покажи что-нибудь сногшибательное на судебном заседании после банкета, и члены общества будут еще много дней болтать только об этом. И в Интернете поднимется шум...

* Мюзикл Эндрю Ллойда Уэббера и Тима Райса.

«А что может быть грандиознее совершенного нового разумного вида? Экстинкционистов признает весь мир!»

И давно пора. Честно говоря, в данный момент экстинкционисты не пользовались популярностью. Суммы пожертвований падали, и впервые с момента учреждения их организации билеты на конференцию разошлись не полностью. Вначале все шло прекрасно — множество видов предстояло уничтожить и прибить на стену трофеи. Но теперь государства защищали редких животных, особенно крупных. Уже стало невозможно слетать в Индию просто пострелять тигров. И расположенные южнее Сахары страны реагировали крайне отрицательно, если узнавали, что в одном из заповедников появилась группа хорошо вооруженных экстинкционистов и отстреливает слонов. Дошло до того, что правительственные чиновники отказывались брать взятки. Отказывались брать взятки!

Существовала еще одна проблема, но ее Кронски ни за что не признал бы публично. Организация сделалась прибежищем экстремистов. Его искренняя ненависть к царству зверей привлекала кровожадных безумцев, желающих только одного — всадить пулю в тупую скотину. Философия организации оставалась

недоступной их пониманию. Человек — царь природы, и животные имеют право на жизнь только в том случае, если вносят свой вклад в обеспечение комфортного существования хозяев. Бесполезное животное лишь потребляет бесценный воздух и подлежит уничтожению.

Но это новое существо способно все изменить. Всем захочется посмотреть на него. Весь судебный процесс, включая казнь, будет заснят, потом запись попадет в сеть, и весь мир окажется у ног Дамона Кронски.

«Еще один год пожертвований,— подумал Кронски,— и я смогу отойти от дел и наслаждаться богатством».

«Пять миллионов. Эта фея, или как там ее, стоит в десять раз дороже. В сто раз».

Кронски с минуту постоял, раскачиваясь, под струей холодного воздуха из кондиционера и принялся выбирать костюм из гардероба.

«Пурпурный,— подумал он.— Сегодня я буду императором».

Подумав, Дамон взял с верхней полки сшитую из шкуры каспийского тигра шапочку с кисточкой.

«Мы же в Фесе»*,— подумал он весело.

* Турецкая шапочка с кисточкой, напоминающая перевернутое детское ведерко, называется «феска».

*Личный самолет Фаулов,
воздушное пространство над Гибралтаром,
высота 10 000 метров*

Десятилетний Артемис Фаул тщетно пытался расслабиться в мягком кожаном кресле. Напряжение у самого основания черепа отпускать не собиралось.

«Нужно сделать массаж. Или выпить чашку травяного чая».

Артемис прекрасно осознавал истинную причину недомогания.

«Я продал существо... разумное существо экстинкционистам».

Будучи ребенком исключительно умным, Артемис без труда нашел оправдание своим поступкам.

«Друзья освободят ее. Им почти удалось перехитрить меня, значит, они без труда перехитрят Кронски. Это волшебное существо скорее всего уже возвращается туда, откуда появилось, причем с лемуром под мышкой».

Артемис решил отвлечься от этих шатких доводов в свою пользу и подумать о Кронски.

«С этим типом определенно нужно что-то делать».

На складном столике мягко зажужжал титановый пауэрбук. Фаул включил экран и открыл личный браузер Интернета — эту программу он написал как школьную контрольную работу. Благодаря мощной и, естественно, незаконно установленной в грузовом отсеке самолета антенне он мог перехватывать сигналы радио- и телевизионных сетей, а также Интернета практически в любой точке мира.

«Организации, подобные обществу экстинционистов, живут и умирают в зависимости от репутации,— подумал он.— Занятно будет уничтожить репутацию Кронски, используя силу Сети».

Оставалось кое-что выяснить, а потом разместить короткую видеозапись на самых посещаемых сайтах Интернета.

Через двадцать минут младший Артемис уже вносил завершающие штрихи в свой проект, но тут из кабины появился Дворецки.

— Перекусить не хотите? — спросил теплохранитель.— В холодильнике есть немногого пюре из нута*, а еще я приготовил ваш любимый напиток из йогурта и меда.

* Турецкий горох.

Артемис грузил видеоролик на последний сайт.

— Спасибо,— буркнул он.— Я не голоден.

— Чувство вины будет грызть вас, словно крыса — старую кость,— прямо сказал телохранитель, доставая еду из холодильника.

— Спасибо за сравнение, Дворецки, но что сделано, то сделано.

— Обязательно было оставлять Кронски оружие?

— Я тебя умоляю! Даже я устанавливаю дистанционные заряды в свои приборы. Неужели ты думаешь, что такие развитые существа не позаботились о защите своих технологий? Не удивлюсь, если этот пистолет уже расплатился прямо в руках Кронски. Я должен был оставить оружие в качестве благодарности.

— А вот живое существо вряд ли расплатится.

— Перестань, Дворецки. Я совершил сделку, и не будем больше об этом.

Дворецки сел напротив него.

— Гмм. Значит, вы руководствуетесь своего рода кодексом. Кодексом чести преступников? Интересно. А в данный момент что вы делаете на компьютере?

Артемис погладил рукой напряженный желвак на шее.

— Прошу тебя, Дворецки... Все это — ради отца. Ты сам понимаешь, что я вынужден был так поступить.

— Только один вопрос,— сказал Дворецки, срывая упаковку со столовых приборов.— А ваш отец захотел бы, чтобы вы так поступили?

Артемис молча тер шею.

Через пять минут Дворецки сжался над десятилетним мальчишкой.

— Я думаю, мы можем развернуть самолет и помочь этим странным созданиям. Аэропорт Фес-Саисс уже открыли, и мы приземлимся там через пару часов.

Артемис нахмурился. Поступить так было бы правильно, но это не входило в его планы. Возвращение в Фес не поможет спасти отца.

Дворецки сложил бумажную тарелку пополам, оставив объедки внутри.

— Мистер Фаул. Мне очень хочется развернуть самолет, и я намерен так поступить, разве что вы в самой недвусмысленной форме запретите мне это сделать. Достаточно одного слова.

Артемис проводил взглядом вернувшегося в кабину телохранителя, однако ничего не сказал.

Марокко

Непрерывный поток лимузинов из аэропорта доставлял в «Царство людей» все новых экстинкционистов, и каждый из них выражал свою ненависть к животным тем, что находилось у него на плечах, голове или ногах. Кронски заметил даму, щеголявшую в ботфортах из шкуры каменного козла. Пиренейского, если он не ошибся. Рядом стояли старина Джейфри Кунц-Майерс в твидовой крутке, подбитой шкурой квагги*, и графиня Ирина Костович, бледную шею которой защищал от вечернего холода палантин из японского волка.

Кронски улыбался и тепло приветствовал каждого гостя, называя почти всех по имени. Каждый год новых членов становилось все меньше, но после сегодняшнего суда все изменится... Он направился в сторону банкетного зала.

* Квагга — подвид равнинной зебры, обитавший в Южной Африке. Истреблен бурами еще в XIX в.

Сам зал, спроектированный мюнхенской архитектурной мастерской «Шиллер-хаус», представлял собой огромный набор готовых конструкций, доставленных сюда немецкими специалистами в контейнерах и собранных меньше чем за четыре недели. Грандиозная конструкция отличалась от коттеджей более строгим видом, что было вполне оправдано, ибо в зале занимались очень серьезными делами. В нем вершился справедливый суд и приводился в исполнение приговор.

«Справедливый суд», — подумал Кронски и хихикнул.

Главный вход охраняли два дюжих марокканца в вечерних костюмах. Кронски сначала хотел одеть охранников в трико с эмблемами общества, но отказался от этой идеи, посчитав ее слишком бондианской.

«В конце концов, я же не Доктор Нет*. Я — Доктор Нет-Животных».

Шмыгнув мимо охранников, Кронски порысил по коридору, устланному роскошными местными коврами, и ворвался в банкетный

* Doctor No — архизлодей, персонаж романов про Джеймса Бонда.

зал высотой в два этажа, с трехслойной стеклянной крышей. Звезды казались такими близкими, что протяни руку и хватай.

Подобранная с большим вкусом внутренняя отделка представляла собой смесь классики и модерна. Исключением являлись пепельницы из лап гориллы на каждом столе и ведерки из слоновых ног для охлаждения шампанского, выстроившиеся на подставках рядом с дверью в кухню. Кронски проскользнул в двусторчатые двери, пробежал мимо сверкающей сталью кухни и вошел в холодильную камеру.

Существо сидело в окружении троих охранников. Его приковали наручниками к пластмассовому детскому стулу, позаимствованному в яслях лагеря. Смотрело оно напряженно и угрюмо. Оружие лежало вне пределов досягаемости на стальной тележке.

«Будь взгляды пулями,— подумал Кронски, беря крошечный пистолет и взвешивая его на ладони,— я давно бы превратился в решето».

Он навел пистолет на свисавший с потолка замороженный свиной окорок и нажал на крохотный спусковой крючок. Ни вспышки, ни отдачи, но дымящийся окорок можно было подавать на стол.

Дабы убедиться в том, что глаза его не обманули, Кронски поднял на лоб фиолетовые солнцезащитные очки, которые носил днем и ночью.

— Ничего себе! — воскликнул он.— Вот это игрушка.

Он топнул по стальному полу, и гул волнами разнесся по камере.

— На этот раз никаких туннелей,— объяснил он.— Базарный трюк не повторится. Ты говоришь по-английски, тварь? Понимаешь, что я тебе говорю?

Существо закатило глаза.

«Я бы ответила,— словно говорило оно,— но рот заклеен».

— И вполне оправданно,— заявил Кронски, словно ответ на его вопрос был произнесен вслух.— Нам все известно о твоих фокусах с гипнозом. И невидимостью.— Он ущипнул девушку за щеку, словно младенца.— На ощупь кожа похожа на человеческую. Кто ты такая? Фея, да?

Она снова закатила глаза.

«Если бы закатывание глаз признали видом спорта, она получила бы золотую медаль,— подумал доктор.— Ну, может быть, серебряную.

Золотую получила бы моя бывшая жена — ее в этом деле никому не переплюнуть».

Кронски повернулся к охранникам.

— Она не шевелилась?

Охранники покачали головами. Глупый вопрос. Как она могла шевелиться?

— Отлично. Все идет по плану.— Теперь Кронски сам закатил глаза.— Вы только послушайте меня! «Все идет по плану». Совсем как Доктор Нет. Только металлических рук не хватает.

— Металлических рук? — переспросил молодой охранник, еще не привыкший к рассуждениям доктора.

Двое других давно усвоили, что большинство вопросов хозяина относятся к разряду риторических, особенно если касаются Эндрю Ллойда Уэббера или Джеймса Бонда.

Кронски не удостоил новичка ответом. Он приложил палец к надутым губам, чтобы все поняли важность слов, которые он собирался произнести, потом шумно, со свистом, выдохнул через нос.

— О'кей, джентльмены. Все меня слышат? Важность этого вечера невозможно переоценить. От него зависит будущее всей нашей орга-

низации. Все должно пройти идеально. Не спускайте глаз с пленницы, не снимайте с нее наручники, не давайте ей открывать рот. Никто не должен видеть ее до начала суда. Я заплатил пять миллионов бриллиантами за право грандиозного разоблачения, поэтому никого, кроме меня, сюда не впускать. Понятно?

Вопрос был уже не риторическим, хотя новичок понял это не сразу.

— Да, сэр, понятно,— выпалил он на долю секунды позже остальных.

— Если что-нибудь пойдет не так, то последним твоим заданием нынче вечером станет назначение в похоронную команду.— Кронски подмигнул новичку.— Знаешь, как говорят: последним вошел, да первым вышел.

Атмосфера на банкете оставалась несколько унылой, пока не подали первое блюдо. Все экстинкционисты отличались разборчивостью в еде. Некоторые из них ненавидели животных так сильно, что стали вегетарианцами, тем самым, естественно, несколько ограничив свое меню. Но на этот раз Кронски удалось переманить из вегетарианского ресторана в Эдинбурге шеф-повара, способного из простого ка-

бачка приготовить такое блюдо, что даже самый закаленный мясоед изошел бы слюной.

На первое подали томатно-перечный суп в панцирях новорожденных черепашек. За ним последовали запеченные в тесте овощи с солидной порцией греческого йогурта в соуснике из черепа обезьяны. Все было очень вкусно, кроме того, вино несколько расслабило гостей.

Кронски так мучило от волнения, что он не мог проглотить ни куска. Это было для него необычно. Он не испытывал такого головокружения со времен первого банкета в Остине много лет тому назад.

«Я — на пороге величия. Скоро мое имя будут упоминать наряду с Бобби Джо Хаггардом или Джо Бобби Саггартом, великими проповедниками экстинкционизма. Дамон Кронски — человек, который спас мир».

Два события должны были сделать этот банкет незабываемым.

Основное блюдо и судебное разбирательство.

Основному блюду предстояло обрадовать всех, как мясоедов, так и вегетарианцев. Вегетарианцы, конечно, его есть не станут, но, по крайней мере, будут поражены мастерством его приготовления.

Кронски ударили в маленький гонг, стоявший рядом с его столовым прибором, и объявил блюдо, как того требовал обычай.

— Дамы и господа,— произнес он,— позвольте рассказать вам историю одного уничтожения. В июле одна тысяча восемьсот восемьдесят девятое года профессор Д. С. Джордан посетил озера Твин-лейкс в Колорадо и опубликовал отчет об экспедиции в одна тысяча восемьсот девяносто первом году в бюллетене Комиссии США по вопросам рыболовства. Он заявил, что открыл новый вид — «желтоперый красногорлый лосось Кларка».

В своем отчете Джордан описал рыбу как серебристо-оливковую с широкими лимонно-желтыми полосками по бокам, с яркими золотисто-желтыми нижними плавниками и темно-красными полосками по обеим сторонам горла, отсюда и название «красногорлый». До одна тысяча девятьсот третьего года желтоперые лососи обитали в водоемах Твин-лейкс. Они вымерли, как только в озерах появилась радужная форель. Другие лососи начали скрещиваться с радужной форелью, а желтоперый лосось исчез и считается вымершим.

Никто не проронил ни слезинки. После слова «вымершим» раздались аплодисменты.

Кронски поднял руку.

— Нет, я хотел развеселить вас не этим. Говорят, желтоперый лосось был очень вкусной рыбой с особенно нежным ароматом. Жаль, что нам не удастся попробовать... — Он сделал многозначительную паузу. — Или все же удастся?

В задней части комнаты сдвинулась в сторону огромная фальшивая стена, открыв красный бархатный занавес. Кронски торжественно извлек из кармана пульт дистанционного управления и нажал на кнопку. Занавес, зашелестев, открылся. За ним оказалась огромная тележка, на которой находилось нечто похожее на миниатюрный ледник. Серебристый и курящийся паром.

Заинтригованные гости выпрямились.

— А что, если чуть больше ста лет назад в Твин-лейкс случилось сверхбыстрое замораживание?

Гости начали оживленно переговариваться.

— Нет.

— Конечно нет.

— Невероятно.

— Что, если глыба озерного льда была сброшена оползнем в не отмеченное на карте узкое ущелье и лежала там, омываемая течениями с почти нулевой температурой?

- Но в этом случае...
- Внутри этой глыбы...
- Что, если эта глыба поднялась на поверхность буквально шесть недель назад рядом с землей моего доброго приятеля Томми Киркенхазарда, одного из наших верных последователей?

Томми поднялся, раскланялся и помахал стетсоном* из шкуры техасского волка. Губы улыбались, а глаза норовили испепелить Кронски. Все присутствующие знали, что отношения между этими двумя, мягко говоря, далеки от приятельских.

— Доставка сюда этой глыбы льда, в которой сохранилась стайка желтоперых лососей, оказалась осуществимой — возмутительно дорогой и трудной, но осуществимой.— Кронски помолчал, чтобы сказанное дошло до гостей.— Таким образом, дорогие друзья, мы станем первыми людьми за последние сто лет, кому удалось поужинать желтоперым лососем.

От такой перспективы слюнки потекли даже у некоторых вегетарианцев.

— Смотрите, экстинкционисты, смотрите и наслаждайтесь!

* Ковбойская шляпа.

Кронски щелкнул пальцами, и несколько кухонных рабочих выкатили тележку в центр банкетного зала и установили ее на стальную решетку. Затем рабочие сбросили униформу, под которой оказались костюмы обезьян.

«Возможно, с обезьянами я переборщил,— подумал Кронски.— Слишком уж по-бродвейски».

Но, окинув гостей быстрым взглядом, он убедился, что те по-прежнему увлечены зрелищем.

Кухонные рабочие на самом деле были цирковыми акробатами из вспомогательной труппы «Цирка солнца»*, гастролировавшей по Северной Африке. Они охотно прервали на несколько дней свои гастроли, чтобы дать частное представление для экстинкционистов.

Они залезли на глыбу льда, закрепились тростями, скобами и кошками и принялись разрушать ее появившимися словно по мановению волшебной палочки цепными пилами, огненными мечами и огнеметами.

Зрелище получилось эффектное. Лед разлетался по все стороны, осыпая гостей оскол-

* «Cirque du Soleil», всемирно известная канадская цирковая труппа.

ками, механизмы испускали оглушительный шум.

Очень быстро из голубоватых ледяных глубин появилась стайка желтоперых лососей. Рыбы с выпученными глазами замерли в момент поворота, скованные сверхбыстрым замораживанием.

«Вот это смерть,— подумал Кронски.— Без малейшего предупреждения. Чудесно».

Актеры принялись вырезать рыбу вместе с блоками льда, передавая каждый брускок появившимся из боковых дверей поварятам, вооруженным газовыми горелками. Замороженных рыбин помещали в нагретое сито, дабы растаял оставшийся лед, затем каждую тушку мастерски разделяли и поджаривали на оливковом масле вместе с ассорти из нарезанных кубиками овощей и толченым чесноком.

Вегетарианцам подали ризotto с шампанским и грибами, хотя Кронски не рассчитывал, что многие согласятся отведать его, в любом случае мясоеды предпочтут рыбу, хотя бы ради того, чтобы воткнуть в нее вилку.

Блюдо имело огромный успех, и скоро зал гудел от возбужденной болтовни.

Кронски заставил себя съесть кусочек филе, несмотря на волнение.

«Восхитительно. Какой тонкий вкус...»

«Они думают, что это гвоздь программы,— подумал он.— Даже не представляют, что их ждет».

После кофе, пока экстинкционисты распускали пояса или крутили в пальцах толстые сигары для равномерного тления, Кронски приказал обслуге приготовить зал к заседанию суда.

Приказ был выполнен с быстротой и ловкостью команды «Формулы-1», что было неудивительно после трех месяцев натаскивания и порки. Причем в буквальном смысле. Рабочие кинулись к решетке, под которой в яме стояла вода от растаявшего льда и плавали кверху брюхом никому уже не нужные желтоперые лососи. Эту часть пола они закрыли и открыли другую яму, облицованную стальными, испещренными пятнами сажи листами.

В центр зала, убрав тележки со льдом, выкатили скамью подсудимых, по сторонам от нее установили две трибуны, оборудованные портативными компьютерами с поворотными мониторами. Скамью подсудимых накрыли клеткой. Самого подсудимого скрывал занавес из леопардовой шкуры.

Разговоры стихли, и гости затаили дыхание в ожидании грандиозного разоблачения. Ради этого момента они все здесь и собрались: миллионеры и миллиардеры, заплатившие бешенную цену за то, чтобы на мгновение почувствовать себя безгранично могущественными — настоящими вершителями судьбы целого вида. Они пытались показать всей планете, кто ее настоящий хозяин. Гости не заметили, как на верхней галерее появилось около дюжины снайперов, на тот случай, если представшее перед судом существо решит продемонстрировать какие-либо магические способности. Спасательная операция из-под земли не представлялась сколь-нибудь реальной, поскольку зал покоялся на железобетонном фундаменте.

Кронски смаковал мгновение. Он медленно поднялся на ноги и неторопливо двинулся к трибуне обвинителя.

Сцепив пальцы, доктор дождался, пока напряжение в зале не сделалось почти нестерпимым, и начал свою вступительную речь.

— Каждый год мы предаем суду редкое животное.

С трибуна донеслись восторженные крики, от которых оратор добродушно отмахнулся.

— Настоящему суду, на котором хозяин выступает в качестве обвинителя, а кто-то из вас, счастливчиков, в качестве защитника. Идея проста. Если вам удастся убедить жюри из непредубежденных присяжных...

Снова крики.

— ...что сидящий в этой клетке вносит положительный вклад в существование человека на Земле, мы освободим это существо. Такое, можете верить или не верить, случилось в одна тысяча девятьсот восемьдесят третьем году. Тогда я еще не состоял в организации, но меня заверили в истинности происшедшего. Если защитнику не удастся убедить присяжных в полезности животного, я нажму эту кнопку.— Толстые пальцы Кронски игриво коснулись огромной красной кнопки на пульте дистанционного управления.— Животное провалится из клетки в яму и пройдет через лазерный луч, запускающий реактивные газовые горелки. *Voilà*, мгновенная кремация. Позвольте продемонстрировать вам их действие, доставьте мне такое удовольствие. Яма новая, я испытывал ее всю неделю.

Он кивнул одному из слуг, который тут же стальным крюком оттащил в сторону секцию

решетки. Кронски взял дыню из фруктовой вазы и бросил ее в яму. Раздался гудок, после чего из расположенных в стенах ямы сопел вырвались струи сине-белого пламени. Дыня превратилась в обугленные хрустящие корочки.

Представление вызвало бурные аплодисменты, но не всем понравилась игра Кронски «на зрителя».

Джеффри Кунц-Майерс сложил ладони рупором.

— Давай, Дамон. Что ты приготовил нам сегодня? Надеюсь, не обезьяну? Каждый год одни обезьяны.

Обычно подобные замечания ужасно раздражали Кронски, но только не сегодня. Сегодня любые нападки, какими бы остроумными они ни казались, исчезнут из памяти людей в тот момент, когда откроется занавес.

— Нет, Джейффи, это не обезьяна. Что, если...

Джеффри Кунц-Майерс громко застонал.

— Прошу тебя, хватит «что если», наслушались про рыбу. Покажи нам уже эту проклятую тварь.

Кронски поклонился.

— Как вам будет угодно.

Он нажал кнопку на пульте дистанционного управления, и со стропил опустился широкоформатный экран, закрывший всю заднюю стенку. Еще одна кнопка, и занавес, закрывавший сидящее в клетке существо, плавно скользнул в сторону.

Все увидели прикованную к детскому стулу Элфи, глаза которой от гнева метали молнии.

Первой реакцией было замешательство.

- Что это за девочка?
- Совсем ребенок.
- Кронски окончательно рехнулся? Я догадывался, что он слегка «того», но не до такой же степени!

Потом взгляды экстинкcionистов привлек экран, изображение на который передавалось установленной в клетке видеокамерой.

- Боже мой. Уши! Взгляни на ее уши!
- Она — не человек!
- А кто тогда? Кто?

Томми Киркенхазард вскочил на ноги.

- Не вздумай дурачить нас, Дамон. Мы тебя вздернем.

- Отвечу по пунктам,— спокойным тоном произнес Кронски.— Во-первых, это не подделка. Я открыл неизвестный вид, кстати, мне ка-

жется, это существо — фея. Во-вторых, никого ты не вздернешь, Киркенхазард. Мои люди пристрелят тебя, ты не успеешь даже взмахнуть своей нелепой шляпой и крикнуть «йио-хо».

Приятно было иногда бросить что-нибудь такое, от чего у людей по спинам пробегал холодок. Напомнить, у кого власть.

— Конечно, ваш скептицизм вполне понятен, даже желанен. Дабы успокоить вас, я приглашаю добровольца из зрителей. Может быть, ты, Томми? Покажи твердость характера.

Томми Киркенхазард залпом опрокинул полстакана виски для бодрости и подошел к клетке.

«Отличный спектакль,— мысленно поблагодарил его Кронски.— Мы будто заранее договаривались с тобой об этой маленькой стычке, чтобы сделать мое выступление более убедительным».

Киркенхазард подошел к Элфи настолько близко, насколько хватило храбрости, осторожно вытянул руку и подергал пленницу за ухо.

— Боже праведный, никакого обмана, все настоящее.— Он отошел, и осознание истинно-

сти происходящего наполнило его лицо радостью.— К нам в руки попалась фея.

Киркенхазард бросился к трибуне Кронски, чтобы пожать тому руку и похлопать по спине.

«Итак, я переманил на свою сторону самого злобного критика. Остальные последуют за ним как овцы. Очень полезные животные, эти овцы».

Кронски мысленно поздравил себя.

— Я, как того требует традиция, выступлю в качестве обвинителя,— сказал он толпе.— Но кто станет защитником? Кто станет неудачником, вытянувшим черный шар?

Доктор кивнул метрдотелю.

— Принеси мешок.

Экстинкционисты, как многие древние общества, придерживались определенных традиций, в число которых входила защита обвиняемого существа одним из членов организации. Если никто из присутствующих не выражал желания стать защитником, все решал жребий. Роль адвоката доставалась тому, кто вынимал шар черного цвета. Эдакий сферический аналог короткой спички.

— Собравшимся не понадобится запускать руки в мешок! — раздался вдруг чей-то голос.— Я берусь защищать это существо.

Все повернулись в сторону говорившего. Добровольцем оказался стройный молодой мужчина с аккуратной эспаньолкой, одетый в тонкий льняной костюм. Пронзительные голубые глаза скрывались за стеклами дымчатых очков.

Кронски уже видел его, но не мог вспомнить имя, и это немного его беспокоило.

— И кто же вы? — спросил он, поворачивая компьютер так, чтобы встроенная камера оказалась направленной на незнакомца.

Молодой человек улыбнулся.

— Может быть, позволим вашей программе идентификации нашептать вам на ушко мое имя?

Кронски нажал клавишу ввода, компьютер распознал изображение и через пять секунд выдал данные из списка экстинкционистов.

«Малахи Пастер. Молодой богач франко-ирландского происхождения, наследник империи скотобоен. Сделал крупные пожертвования в фонд экстинкционистов. Первое участие в конференции. Как и всех участников, Пастера тщательно проверили перед оформлением приглашения. Ценное приобретение для организации».

Кронски пустил в ход все свое обаяние.

— Господин Пастер, мы очень рады приветствовать вас в Марокко. Но скажите, почему вы решили защищать это существо? Его судьба практически решена.

Молодой человек быстро прошел к трибуне.

— Люблю сложные задачи. Своего рода гимнастика для ума.

— Считаете гимнастикой для ума защиту вредного животного?

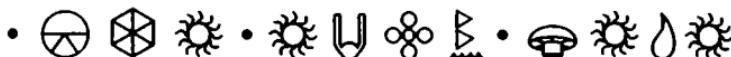
— Чем вреднее, тем лучше,— отозвался Пастер, поднимая крышку своего портативного компьютера.— Легко защищать давно прирученное полезное животное, например корову, а вот оправдать это... предвкушаю жестокую схватку.

— Обидно потерпеть поражение в столь раннем возрасте.

Кронски выпятил нижнюю губу в притворном сочувствии.

Пастер забарабанил пальцами по трибуне.

— Мне всегда нравился ваш стиль, доктор. Ваша преданность идеалам экстинкционистов. Много лет я следил за вашей деятельностью, честно говоря, с детства, когда жил в Дублине. Но потом мне начало казаться, что общество как будто сбилось с истинного пути. И не только я придерживаюсь подобного мнения.

Кронски заскрежетал зубами. Вот оно что.
Открытый вызов ему как руководителю.

— Следите за своими словами, Пастер. Вы
ступили на опасную почву.

Молодой человек разглядывал пол между
носками своих туфель.

— Намекаете, что я рискую упокоиться вме-
сте с рыбами? Хотите меня убить, доктор? Ис-
пугались мальчишки? Вашему авторитету это
вряд ли на пользу.

«Он прав,— кипя от злости, подумал Крон-
ски.— Прикончить его нельзя, но я должен одер-
жать победу на суде».

Доктор заставил себя улыбнуться.

— Я не убиваю людей, только животных.
Одно из них сидит сейчас в клетке.

Многие сторонники Кронски захлопали в ла-
доши, но другие ничем не выразили поддержки.

«Зря я перебрался сюда,— вдруг понял Крон-
ски.— Слишком глухое место. Даже личному
самолету приземлиться негде. Следующую кон-
ференцию нужно провести в Европе. Объявлю
об этом, как только уничтожу этого щенка».

— Позвольте объяснить вам правила,— про-
должил Кронски.

«Объяснение правил позволяет мне высту-
пать с позиции силы, обеспечивает психоло-

гическое преимущество», — добавил он про себя.

— В этом нет необходимости, — быстро отверг его предложение Пастер. — Я изучил несколько стенограмм. Обвинитель приводит свои доводы, защитник излагает свои. Несколько минут оживленного спора, и каждый столик голосует. Все просто. Может быть, приступим, доктор? Никто из присутствующих здесь не хочет терять времени.

«Молодой, но умный. Сразу же попытался завоевать благосклонность жюри. Не имеет значения. Я знаю этих людей. Они никогда не оправдают зверя, каким бы красивым он ни был».

— Хорошо. Приступим. — Он выбрал нужный документ.

Свое напутственное слово присяжным Кронски знал наизусть, но приятно было иметь документ под рукой.

— Говорят, экстинкционы ненавидят животных, — начал Кронски. — но это не так. Мы не испытываем ненависти к бедным глупым животным, скорее, мы любим людей. Мы любим людей и делаем все от нас зависящее, чтобы люди как раса сохранились на этой земле как

можно дальше. Ресурсы нашей планеты ограничены, и, на мой взгляд, нам следует сохранить их для себя. Почему люди должны голодать, когда тупые скоты жиреют? Почему люди должны замерзать, когда звери наслаждаются теплом благодаря своим пушистым шкурам?

Малахи Пастер издал звук, одновременно похожий на кашель и смех.

— Довольно, доктор Кронски, я читал много вариаций на тему этой речи. Судя по всему, каждый год вы используете одни и те же примитивные и заезженные доводы. Может быть, сегодня сосредоточимся на подлежащем суду существе?

Волна ехидных смешков прокатилась по залу, и Кронски едва не вышел из себя. Судя по всему, схватка действительно предстоит нелегкая. Ладно, посмотрим.

— Просто поразительно, мой мальчик. Я собирался пощадить тебя, но теперь церемониться не стану.

— Мы рады это слышать.

«Мы? Мы? Пастер склоняет экстинкционистов на свою сторону, а они даже не подозревают об этом».

Кронски собрал все свое обаяние до последней капли, вспомнил молодость, когда он про-

водил долгие летние дни, наблюдая, как его отец — проповедник собирал толпы верующих в своей брезентовой палатке.

Здоровяк высоко поднял руки, растопырив пальцы до предельного напряжения сухожилий.

— Братья, мы не для этого здесь собрались! — взревел он.— Не для этого мы проделали столь долгий путь. Вот чем должны заниматься экстинкционисты.— Кронски показал пальцем на Элфи.— Очищать планету от подобных тварей.

Доктор бросил взгляд на Пастера, который, как могло показаться, подперев голову ладонями, погрузился в свои мысли. Стандартное поведение защитника.

— Перед нами — новый вид, друзья. Опасный вид. Это существо может становиться невидимым, может гипнотизировать словами. Оно было вооружено.

И Кронски, под одобрительные крики толпы, извлек из кармана «Нейтрин».

— Кто-нибудь из нас хочет, чтобы в будущем на нас оказалось направлено подобное оружие? Хотим мы этого? Совершенно понятно, что ответ — нет. Я не собираюсь убеждать вас в том, что перед нами — последний представи-

тель этого вида. Я почти уверен в том, что нас окружают тысячи подобных фей, пришельцев, называйте их как угодно. Но значит ли это, что мы должны пасть перед ними ниц и отпустить? Я отвечаю «нет». Я хочу с самого начала ясно обозначить нашу позицию. Казним это существо — и остальные поймут серьезность наших намерений. Правительства во всем мире презирают нас, но буквально завтра они постучатся в нашу дверь в поисках наставлений.— А теперь эффектный финал.— Мы — экстинционисты, и наше время настало!

Речь имела успех, и по залу прокатились аплодисменты, но они, казалось, не смогли вывести Пастера из состояния задумчивости.

Кронски в ответ на аплодисменты по-боксерски покрутил плечами и кивнул на противоположную трибуну.

— Ваше слово, мой мальчик.

Пастер выпрямился и откашлялся...

...Артемис выпрямился и откашлялся. Подбородок под приклеенной бородой ужасно зудел, но он подавил в себе желание почесаться. Будь процесс справедливым, он разбил бы доводы Кронски буквально за пять секунд, но это

судилище вряд следовало считать справедливым или даже здравым. В нем участвовали кривожадные пресыщенные миллиардеры, заплатившие изрядную сумму за незаконное удовольствие. Право на убийство для них являлось лишь очередной услугой, которую можно получить за деньги. Обращаться с подобной толпой следовало крайне осторожно. Манипулировать ирландец умел. В первую очередь следовало доказать, что он — один из них.

— Когда я был маленьким, на зиму наша семья переезжала в Южную Африку, и дед часто рассказывал мне о тех временах, когда люди правильно относились к животным. «Убивали, когда нам требовалось,— говорил он мне.— Когда это было необходимо для достижения определенной цели». Так некогда поступали и экстинкционисты. Виды не становились охраняемыми, если люди не получали выгоду от их выживания. Мы убивали, когда нам это было выгодно. Если животное потребляло ресурсы планеты, но не вносило свой вклад в обеспечение нашего здоровья, безопасности или благополучия, мы его уничтожали. Все просто. За подобные идеалы стоило бороться. Стоило убивать. Но это...— Артемис показал на яму у

своих ноги запертую в клетке Элфи.— Это цирк. Это оскорбление памяти наших предков, которые пожертвовали своим временем и золотом ради дела экстинкционистов.

Артемис старался поддерживать зрительный контакт с как можно большим числом собравшихся, встречаясь глазами с каждым.

— Нам представляется возможность многое узнать у этого существа. Ради наших предшественников мы обязаны выяснить, может ли оно пополнить нашу казну. Если это действительно волшебное существо, кто знает, какими сверхъестественными способностями оно обладает? Способностями, которые могут стать нашими. Если мы убьем его, то никогда не узнаем, какие невообразимые богатства исчезли вместе с ним.

Артемис поклонился. Он высказал свою точку зрения. Он прекрасно понимал, что приведенные им аргументы вряд ли способны поколебать убеждения кровожадных экстинкционистов, но надеялся, по крайней мере, сбить спесь с Кронски.

Доктор замахал руками прежде, чем стихло эхо слов Артемиса.

— Сколько раз еще нам придется выслушивать одно и то же? — громко вздохнул он.—

Господин Пастер обвиняет меня в том, что я повторяюсь, а сам привел заезженный довод, к которому прибегал каждый выступавший перед нами защитник.— Кронски в ужасе похлопал себя по губам.— «О, давайте не будем убивать эту тварь, ведь она — потенциальный источник могущества и богатства!» Помню, я потратил целое состояние на какого-то голожаберного моллюска, который якобы излечивал артрит. В итоге мы получили баснословно дорогую липкую мерзость. Все его слова — не более чем догадка.

— Но мы имеем дело с волшебным существом,— возразил Артемис, ударив кулаком по трибуне.— Мы все слышали, что оно может становиться невидимым. Даже сейчас его рот заклеен лентой, чтобы оно не могло нас загипнотизировать. Только представьте, какую власть мы обретем над миром, если раскроем все его таланты. По крайней мере, лучше подготовимся к встрече с его соплеменниками.

Основная проблема Кронски заключалась в его согласии с большинством доводов оппонента.

Конечно, разумней оставить это существо в живых и выведать у него все секреты, но тол-

стяк не мог себе позволить остаться побежденным в этом споре. С тем же успехом можно добровольно сложить с себя полномочия лидера движения.

— Мы пытались допросить эту девчонку. Лучшие специалисты бились несколько часов, но она ничего не сказала.

— Трудно говорить с заклеенным ртом,— сухо заметил Артемис.

Кронски выпрямился во весь рост и понизил голос для убедительности.

— Человеческая раса столкнулась со своим заклятым врагом, а вы берете сторону этого врага. Так настоящие экстинкционисты не поступают. Если возникает угроза, мы ее устраляем. Так было, и так будет всегда.

Его слова вызвали одобрительный рев у толпы — кровожадность, как всегда, победила логику. Некоторые гости вскочили на ноги и принялись вопить. Им надоели разговоры, они жаждали действия.

«Он решил, что все уже кончилось,— подумал Артемис.— Бедняга. А эта борода действительно чешется».

Он спокойно подождал, пока гости успокоятся, потом вышел из-за трибуны.

— Я надеялся оградить вас от этого, доктор,— сказал он.— Потому что действительно вас уважаю.

Кронски пошлепал губами.

— Оградить от чего, господин Пастер?

— Вы знаете, от чего. Мне кажется, вы слишком долго водили нас за нос.

Эти слова совсем не обеспокоили Кронски. Мальчишка потерпел поражение, а все остальное не более чем досадная болтовня. Впрочем, почему бы не позволить Пастеру вырыть самому себе яму?

— И в чем это выражалось?

— Вы действительно хотите, чтобы я продолжил?

Кронски, сверкнув зубами, улыбнулся.

— Несомненно.

— Дело ваше,— сказал Артемис, направляясь к скамье подсудимых.— Не этому существу предстояло стать подсудимым. Еще вчера у нас был лемур. Не совсем обезьяна, мистер Киркенхазард, но ее близкий родственник. Я сказал, «был лемур», хотя на самом деле он «почти был». Пропал во время передачи. Потом, и это очень важно, нам продал это существо тот же мальчишка, который почти продал нам

лемура и получил деньги, несомненно, из фондов общества. Не кажется ли вам это, мягко говоря, несколько странным? Мне — кажется. Мальчишка оставил себе лемура и продал якобы волшебное существо.

От самоуверенности Кронски не осталось и следа. Этот Пастер много знал.

— Якобы волшебное существо?

— Вот именно. Якобы. Мы вынуждены поверить этому на слово, причем вам и еще мистеру Киркенхазарду, который, на первый взгляд, является вашим злейшим врагом. Уверяю вас, никто не попался на ваш обман.

— Осмотрите эту тварь сами,— выпалил Кронски, пытаясь загладить осечку с Киркенхазардом.— Это обвинение легко отклонить.

— Спасибо, доктор,— отозвался Артемис.— Я так и поступлю.

Юноша подошел к клетке. Перед ним стояла непростая задача. Для ее решения требовалась ловкость рук и координация, а заботу о таких вещах Артемис обычно поручал Дворецки.

В кармане у него лежала пара пластырных повязок «нию-кожа», позаимствованных из аптечки Мульча. Охранникам он выдал их за никотиновые пластыри, и ему разрешили пронести их на банкет.

Пластырь начинал действовать при контакте с кожей, повязки прилипали к участку тела, точно повторяя его контуры и приобретая цвет и текстуру кожи.

Пальцы Артемиса нависли над карманом, но прикасаться к повязке пока не стоило — она просто приклеилась бы к его коже. Вместо этого он достал из другого кармана украденный из «бентли» в Ратдаун-парке телефон.

— Этот телефон бесценен для меня, — сообщил он экстинкционистам. — Он немного больше обычного аппарата, но только потому, что я в течение нескольких лет его усовершенствовал. Честно говоря, поразительное устройство. Я могу просматривать телепрограммы, смотреть фильмы, проверять наличие и производить массу других стандартных операций. Кроме того, он оборудован рентгеновской камерой и дисплеем. Одну минуту.

Артемис нажал на несколько клавиш, чтобы подключить телефон через «блю-тус» к портативным компьютерам, а через них — к широкоформатному экрану.

— Все готово, — сказал он, и провел над устройством ладонью. На экране появились кости суставов, запястья и кисти в белом пен-

ном окружении плоти.— Вы отчетливо видите кости моей руки. Кстати, доктор Кронски, у вас очень хорошая проекционная система. Поздравляю.

Ответная улыбка на лице Кронски была не менее фальшивой, чем поздравления его оппонента.

— Вы хотите сказать что-нибудь по существу, Пастер, или просто умничаете?

— Конечно, по существу, доктор. Все дело в том, что это существо отличается от обычной девочки только широким лбом и остроконечными ушами.

Кронски презрительно хмыкнул.

— Жаль, что так получилось, но у вас и этому готово объяснение, не так ли?

— Именно так,— сказал Артемис и провел телефоном перед лицом Элфи.

На экране воспроизводился короткий ролик, записанный им на шаттле. Все увидели череп Элфи с плотными черными пятнами на висках и ушах.

— Имплантаты,— восхликал Артемис.— Явный результат хирургического вмешательства. Это волшебное существо — ловкая подделка. Вы хотели одурачить нас, Кронски.

Робкие протесты Кронски потонули в реве толпы. Экстинкционисты вскочили на ноги, громогласно осуждая мошенничество.

— Дамон, ты меня обманул! — заорал Томми Киркенхазард так, словно испытывал страшные муки.— Меня!

— Сбросьте его в яму,— крикнула графиня Ирина Костович, оскалившись не хуже, чем шкура японского волка у нее на плечах.— Пускай сам Кронски вымрет. Достойная кара за то, что он притащил нас в эту дыру.

Кронски увеличил громкость микрофона на своей трибуне.

— Ерунда! Меня обманули так же, как вас... Нет! Я в это не верю. Вас обманывает этот сопляк Пастер. Мое существо настоящее. Позвольте мне доказать это.

— Я еще не закончил, доктор,— крикнул Артемис, смело подходя к скамье.

В обеих руках он держал пластыри, которые, воспользовавшись замешательством аудитории, извлек из кармана. Он уже чувствовал теплые покалывания, клей начал действовать. Надо шевелиться, иначе он добьется лишь того, что на его ладонях появятся две телесного цвета заплатки.

— Эти уши не кажутся мне настоящими, а ваш друг Киркенхазард обращался с ними слишком нежно.

Артемис свернул один пластырь в грубый конус, склеив края. Другую руку он сунул в клетку и притворился, будто сильно дергает Элфи за ухо, а на самом деле он приложил второй пластырь так, чтобы закрыть кончик и большую часть ушной раковины.

— Отрывается, — прохрипел он, не забыв закрыть предплечьем установленную в клетке камеру. — Готово.

Буквально через секунду повязка высохла, полностью закрыв одно ухо Элфи. Артемис посмотрел ей прямо в глаза и подмигнул.

«Подыграй. Я вытащу тебя отсюда».

По крайней мере, Артемис надеялся, что в его взгляде читается именно это, а не «могу ли я рассчитывать еще на один поцелуй?»

Ладно, пора.

— Подделка! — крикнул Артемис, показывая всем скомканную повязку телесного цвета. — Вот оно, это ухо!

Элфи услужливо повернулась к камере в профиль. Никакого острого кончика на ушной раковине.

Преобладающей реакцией экстинкционистов было возмущение.

Ещё бы, Кронски не только обманул их всех, но и позволил одурачить себя какому-то мальчишке!

Артемис держал «фальшивое ухо» в высоко поднятой руке и сжимал его в кулаке словно ядовитую змею.

— И мы хотим видеть такого человека нашим лидером? Привел ли доктор Кронски на сегодняшнем разбирательстве хоть один разумный довод?

Артемис бросил «ухо» на пол.

— И это существо якобы может нас всех загипнотизировать. А по-моему, девочке заклеили рот, чтобы она не могла ничего рассказать.

Резким движением он сорвал ленту с губ Элфи. Та поморщилась, смерив Артемиса испепеляющим взглядом, однако через мгновение разрыдалась, идеально войдя в роль невинной жертвы.

— Я не хотела!.. — задыхаясь от рыданий, произнесла она.

— Что не хотела? — спросил Артемис.

— Доктор забрал меня из сиротского приюта...

Артемис удивленно поднял брови. Из сиротского приюта? Элфи импровизировала.

— Он сказал, что, если мне установят имплантаты, я смогу жить в Америке... После операции я передумала, но он меня не отпустил.

— Из сиротского приюта,— пробормотал Артемис.— На грани бреда.

Элфи печально понурила голову.

— Он сказал, что убьет меня, если я кому-нибудь расскажу.

Артемис был вне себя от ярости.

— Сказал, что убьет тебя?! И такой человек стоит во главе нашего движения! Человек, который охотится не только на животных, но и на людей! — Он осуждающее погрозил окончательно сбитому с толку Кронски.— Вы, сэр,— с пафосом произнес он,— хуже презираемых нами животных, и я требую, чтобы вы отпустили эту бедняжку.

Кронски понимал, что ему уже не выкрутиться. Впрочем, кое-что еще можно было спасти. У него сохранились номера счетов организации, и только он знал код лагерного сейфа. Через пару часов он выберется отсюда, прихватив с собой деньги, на которые сможет безопасно жить несколько лет. Только бы заставить этого Пастера замолчать...

И вдруг он вспомнил. Окорок!

— А что на это скажешь? — заорал он, размахивая пистолетом Элфи.— Тоже подделка?

Экстинкционисты отшатнулись, многие попытались спрятаться за спинками стульев.

— Конечно,— насмешливо отозвался Артемис.— Обычная игрушка.

— Готов поставить на кон собственную жизнь?

Могло показаться, что Артемис медлит с ответом.

— Хватит спектаклей, доктор. Вы проиграли. Признайте поражение.

— Нет! — рявкнул Кронски.— Если оружие настоящее, значит, и существо настоящее. А если это, как вы уверяете, игрушка, значит, вам нечего бояться.

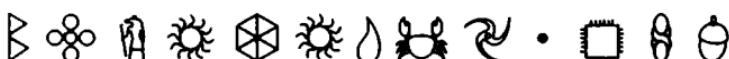
Артемис набрался храбрости.

— Хорошо, будь по-вашему.

Он встал перед тонюсеньким стволом пистолета и расправил плечи.

— Сейчас ты умрешь, Пастер,— сообщил Кронски без малейшего сожаления.

— Может, и умру, ухитрись вы просунуть свой толстый палец в скобу,— парировал Артемис, словно подталкивая доктора к решительным действиям.

— Ну так отправляйся в ад! — рявкнул доктор, нажимая на спусковой крючок.

Ничего особенного не произошло. Возникла искра, и загудел внутренний механизм.

— Сломался?! — не веря собственным глазам, воскликнул Дамон.

— Неужели? — старательно изобразил удивление Артемис, еще в шаттле активировавший механизм самоуничтожения «Нейтрино».

Кронски поднял руки.

— О'кей, мой мальчик. Хорошо. Дай мне подумать.

— Просто отпустите девочку, доктор. Сохраните хоть каплю достоинства. Мы не казним людей.

— Я здесь главный! Просто надо собраться с мыслями. Этого не должно было произойти. Все не так, как она говорила...

Доктор, оперся локтями о трибуну и потер глаза за цветными стеклами очков.

«“Все не так, как она говорила”? — уже по настояющему удивился Артемис. — Здесь действуют еще какие-то невидимые силы?»

Пока Фаул терялся в догадках, а вокруг Кронски рушился привычный мир, по банкетному залу прокатилась волна телефонных звон-

ков. Многие вдруг стали получать сообщения. В несколько мгновений помещение заполнила какофония гудков, жужжаний и полифонических мелодий.

Кронски, слишком занятый собственными проблемами, не придал этому особого значения, Артемис же, напротив, ощутил некоторое беспокойство. Он полностью контролировал ситуацию и не хотел пока ни восстанавливать равновесие, ни толкать доктора на крайние меры.

Публика реагировала на входящие сообщения смесью изумления и ликования.

- О боже. Это правда? В самом деле?
- Проиграй еще раз. Сделай погромче.
- Просто не верится! Кронски, как ты, дурак...
- Все, последняя капля. Мы стали посмешищем. Экстинкционистам конец.

Артемис сообразил, что всем пришло одно и то же сообщение. Кто-то проник в базу данных экстинкционистов и разослал видеозапись.

Телефон Артемиса мягко завибрировал. Он не удивился, поскольку ввел свои ложные данные во все базы данных экстинкционистов, какие сумел обнаружить. Его сотовый оставался

по-прежнему подключен к гигантскому экрану, и запись начала воспроизводиться автоматически.

Артемис мгновенно узнал место действия. Кожевенный рынок. Главным действующим лицом являлся Кронски, стоящий на одной ноге и визжащий с пронзительностью пробитого воздушного шара. Комизм сцены не поддавался описанию. Нелепая, смехотворная, жалкая — слова меркли перед открывшейся картиной. В одном сомневаться не приходилось: любой здравомыслящий человек, увидевший эту запись, перестал бы уважать Кронски и тем более не согласился бы терпеть его на посту лидера.

В нижней части экрана появилась бегущая строка.

«Здесь мы видим доктора Дамона Кронски — президента общества экстинкционистов, демонстрирующего поразительное для человека его габаритов чувство равновесия. Репортеру удалось выяснить, что Кронски ополчился на животных после того, как был покалечен удравшим из зоопарка коалой во время одного из политических митингов, устроенных его отцом в Кливленде. Свидетели нападения го-

ворят, что маленький Дамон “визжал так пронзительно, что стекла лопались”. Судя по всему, наш добрый доктор с годами не растерял таланта. Пой, светик, не стыдись!»

Артемис вздохнул.

«Это сделал я,— догадался он.— Только я мог так поступить».

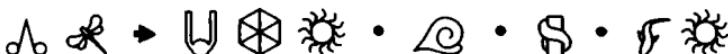
В другое время он по достоинству оценил бы подобный ход, но не сейчас. Он был слишком близок к тому, чтобы освободить Элфи.

Кстати об Элфи...

— Артемис, вытащи меня отсюда,— прошипела она.

— Да, конечно, пора уходить.

Артемис нашупал в кармане носовой платок. В него были завернуты три длинных жестких волоска, пожертвованных Мульчем Рытвингом. Вообще-то гномы бороды — это в первую очередь природные антенны, позволяющие ориентироваться в темных туннелях, но эта находчивая раса нашла им применение и в качестве отмычек. Универсальная отмычка Элфи, несомненно, была бы гораздо удобнее, но ее могла отобрать охрана, и Артемис решил не рисковать. Платок позволил сохранить волоски влажными и пластичными до момента использования.

Артемис извлек из платка первый волосок, сдул капельку влаги с его кончика и вставил в замок клетки, постепенно перемещая по зубцам. Почувствовав, что волосок затвердел, он повернул созданный таким образом ключ. Решетчатая дверь распахнулась.

— Спасибо, Мульч,— прошептал он и взялся за кандалы, сомкнутые посередине еще одним замком.

Третий волосок не понадобился. Через несколько секунд освобожденная Элфи потирала запястья.

— Сиротский приют? — спросил Артемис.— Тебе не кажется, что ты переборщила?

— Тсс! — шикнула на него капитан Малой.— Давай вернемся к шаттлу.

Сказать оказалось гораздо проще, чем сделать.

Группа экстинкционистов загнала Кронски в угол. Громко крича, они толкали и даже щипали доктора, не обращая внимания на его оправдания, а на экране над их головами непрерывно воспроизводилось видеосообщение.

«Ой!» — подумал Артемис и закрыл телефон.

Доктор, как и следовало ожидать, не выдержал. Расшвыряв мучителей в стороны, слов-

но кегли, и расчистив вокруг себя свободное пространство, он отдохнул, а затем сдернул с ремня рацию.

— Оцепить здание,— прошипел Дамон в микрофон.— В случае необходимости применить силу.

Охранники «Царства людей» официально работали на экстинкционистов, но повиновались лишь тому, кто выдавал им жалованье. А таким человеком как раз являлся Дамон Кронски. Возможно, он одевался словно умалишенный павлин и манерами напоминал шакала, но доктор знал комбинацию сейфа и не задерживал выплаты.

Снайперы с галереи дали несколько предупредительных выстрелов поверх голов, чем вызвали полное смятение.

— Перекрыть выходы! — заорал Кронски в микрофон.— Мне нужно время, чтобы забрать деньги. Десять тысяч долларов каждому, кто меня подстрахует.

Дополнительных стимулов не потребовалось. Для этих людей десять тысяч долларов составляли жалованье за два года.

Двери и ставни с треском захлопнулись, рядом с ними возникли дюжие молодчики, во-

оруженные винтовками или сделанными на заказ марокканскими саблями «нимча» с рукоятями из рога носорога — ими Кронски вооружил почти всех охранников.

Испуганные экстинкционисты рванулись к дверям туалетных комнат и нишам, в которых могли оказаться окна. Они отчаянно тыкали в телефонные кнопки, посыпая призывы о помощи непонятно кому и куда.

Некоторые проявили большую находчивость. Томми Киркенхазард вытащил керамический пистолет, который тайком пронес в шляпе, и выпустил несколько пуль по галерее из-за толстой барной стойки тикового дерева. В ответ сверху раздался залп, и во все стороны, будто стрелы, полетели осколки зеркал, бутылок и бокалов.

Высокий азиат разоружил одного охранника, ловко ткнув его указательным пальцем в солнечное сплетение.

— Сюда! — крикнул он, широко распахивая дверь пожарного выхода.

Проем быстро забили тела экстинкционистов.

Артемис и Элфи, спрятавшись за клеткой, высматривали лазейку.

Ø Ø Ø • Ø Ø Ø Ø • Ø Ø Ø

— Можешь включить защитный экран?

Элфи дернула подбородком, и одна рука ее стала невидимой.

— Магии мало. Хватит от силы на пару минут. Я старалась экономить.

Артемис нахмурился.

— Вечно у тебя не хватает магии. Разве Номер Первый не заполнил тебя своим фирменным коктейлем под завязку?

— Может, у меня бы и осталась магия, если бы твой телохранитель не стрелял в меня дротиками, причем дважды, если бы я не исцеляла тебя в Ратдаун-парке и если бы мне не пришлось включить экран на базаре, когда я пасла твою мартышку.

— Лемура,— машинально поправил Артемис.— По крайней мере, мы спасли Джуджу.

Элфи пригнулась, и осколки стекла просвистели у нее над головой.

— Ничего себе, Артемис. Ты говоришь так, словно тебе действительно небезразлична судьба этого животного. Кстати, бородка тебе идет.

— Спасибо. Как думаешь, у тебя хватит невидимости, чтобы разоружить двоих охранников позади нас? Двери за ними ведут на кухню.

Элфи оценила громил взглядом. Оба имели на вооружении дробовики и источали злобу, от которой, казалось, вибрировал воздух.

- Проблем не должно возникнуть.
- Хорошо. Постарайся действовать тихо.

Очередной клинч нам ни к чему. Если придется разделиться, встретимся где-нибудь неподалеку. Например, на базаре.

- О'кей.

Элфи стала невидимой.

Через секунду Артемис почувствовал руку на плече и услышал голос.

— Ты вернулся за мной,— прошептала эльфийка.— Спасибо.

Рука исчезла.

За магию приходилось платить. Используя защитный экран, волшебные существа жертвуют мелкой моторикой и ясностью мышления. Когда тело вибрирует быстрее, чем крылья колибри, это делает любую задачу стократ сложнее, даже если бы мозг мог на секунду перестать трястись.

В Полицейской академии Элфи получила дельный совет от тренера по гимнастике из Атлантиды. Дрожь от защитного экрана можно

подавить, если втянуть нижнюю брюшную стенку в себя и вверх, укрепив тем самым собственный внутренний стержень. Это каким-то образом помогало сосредоточиться и лучше управлять корпусом.

По пути через банкетный зал к кухне капитан Малой выполнила это упражнение несколько раз. Когда обезумевший экстинкционист едва не ткнул в нее тупым ножом для масла, она подумала, что порой невидимость гораздо опасней видимости.

Стоявшие у двери охранники рычали на всех, кто осмелился оказаться слишком близко. Они были очень крупными даже для верхков, и Элфи с облегчением поняла, что ловкость пальцев ей не понадобится. Чтобы свалить эту парочку, хватило двух резких ударов по нервным центрам чуть выше коленей.

«Как просто,— подумала она и тут же одернула себя: — Нельзя так думать. Стоит только порадоваться удаче, сразу же начинаются неприятности».

Эльфийка, конечно, оказалась чертовски права.

Кто-то начал палить по охранникам Кронски. Серебристые дротики мелькали как мол-

нии и с отвратительным чавканьем вонзались в тела.

Элфи инстинктивно догадалась, кто стрелял, и ее подозрения подтвердились, когда она разглядела среди стропил знакомый силуэт.

Дворецки!

Телохранитель завернулся в марокканское покрывало с национальным орнаментом, но Элфи узнала его по форме головы и по позиции, которую невозможно было спутать ни с чьей: левый локоть выступал вперед чуть больше, чем принято у подавляющего большинства прославленных стрелков.

«Младший Артемис прислал его к нам на выручку,— подумала эльфийка.— Или Дворецки сам принял такое решение».

Как бы то ни было, действия Дворецки оказались не так уж на руку Элфи и Фаулу-старшему.

Охранники у запасного выхода рухнули на пол, и гости тут же полезли толпой через их тела в стремлении как можно скорее вырваться из зала.

«Экстинкционисты в клетке,— подумала Элфи.— Артемис наверняка по достоинству оценил иронию ситуации».

Едва Элфи успела сжать кулаки, как оба охранника, стоявшие у дверей в кухню, схватились за шеи и упали ничком, лишившись чувств прежде, чем тела их коснулись пола.

«Хорошо стреляет,— подумала Элфи.— Два выстрела меньше чем за секунду, с восьмидесяти метров. Да еще дротиками, подходящими для прицельной стрельбы не больше мокрой губки».

Не она одна заметила неохраняемую дверь. Толпа вопящих, словно фанаты какой-нибудь рок-звезды, экстинкционистов бросилась в проем.

«Надо покинуть здание. Немедленно».

Элфи повернулась, отыскивая взглядом Артемиса, но не увидела его из-за толпы вопящих людей.

«Он должен быть где-то там»,— успела подумать она, но в следующий момент толпа подхватила ее и вынесла в кухню.

— Артемис,— крикнула она, начисто позабыв о своей невидимости.— Артемис!

Но его нигде не было видно. Мир превратился в сплетение туловищ, рук и ног. Крики и запах пота. Голоса в ушах, отрывистое дыхание на лице. Когда ей наконец удалось выбраться из толпы, в банкетном зале оставались

лишь несколько отставших от толпы вершков. Но Артемиса среди них не было.

«Базар! — вспомнила Элфи.— Я найду его на базаре».

Артемис подобрался, готовый, как только Элфи выведет охранников из строя, сорваться с места и бежать из всех сил. Только бы не споткнуться и не упасть. Обидно было бы вынести столько испытаний и в итоге проиграть из-за недостатка координации. Дворецки обязательно сказал бы «я же говорил», встретясь они в другой жизни.

Неожиданно уровень хаоса подпрыгнул еще на несколько делений, и вопящие экстинционисты напомнили Артемису взбесившихся животных в Ратдаун-парке.

«Экстинционисты в клетке,— подумал он.— Какова ирония».

Охранники у дверей в кухню, схватившись за шеи, рухнули на пол.

«Отличная работа, капитан».

Артемис пригнулся, как спринтер в ожидании выстрела стартового пистолета, и вылетел из укрытия за скамьей подсудимых.

Кронски обрушился на него всем весом, и они оба, перевалившись через перила, упали

♂ ♀ ♂ • ♂ ♀ ♀ ♂ ♂ ♂ • ♂ ♀ ♂

рядом со скамьей. Артемис тяжело рухнул на детский стульчик, и тот сломался под ним, ободрав юноше бок.

— Это ты во всем виноват! — провизжал Кронски.— Этот день должен был стать самым удачным в моей жизни!

Артемис задыхался — нос и рот закрывал пропитанный потом пурпур.

«Он хочет меня убить,— осознал Артемис.— Я загнал его в угол».

Времени на разработку плана не оставалось, да и вряд ли нашелся бы алгоритм, способный помочь Артемису выпутаться из такого трудного положения. Оставался только один выход — лягаться.

И Артемис принял лягаться, кусаться и царапаться. Он ударил Кронски коленом по толстому пузу и ткнул кулаками ему в глаза.

Однако все его удары были поверхностными и не оказали на противника особого воздействия — все, кроме одного. Правая пятка юноши скользнула по груди Кронски. Толстяк даже ничего не почувствовал. Но, как оказалось, пятка коснулась огромной кнопки на пульте дистанционного управления, лежавшем у доктора в кармане, после чего открылся люк.

Артемис сообразил, что произошло, как только мозг зарегистрировал потерю опоры под спиной.

«Я погиб,— подумал он.— Мама, прости меня».

Юноша провалился в яму, и его локоть на мгновение задел лазерный луч. Раздался сигнал, и через полсекунды яма заполнилась синебелым пламенем, оставлявшим черные отметины сажи на стенках.

Ничто не могло бы здесь уцелеть.

Кронски схватился за окружавшие скамью перила, пот капал с кончика его носа, и капли испарялись, не долетев до дна.

«Сожалею ли я о случившемся только что?» — спросил он себя, вспомнив рекомендации психологов разбираться с эмоциональными травмами сразу, дабы избежать стрессов в будущем. И сам себе ответил: «Нет, не сожалею. На самом деле я чувствую себя так, словно у меня камень с души свалился».

Скрипнув коленями, Кронски поднялся на ноги.

«Так, а где вторая тварь? — подумал он.— Я бы с удовольствием избавился еще от одного камня».

Артемис видел, как языки пламени охватили его тело. Видел, как посинела от их света кожа, слышал их зловещий рев, но оставался невредимым.

«Невозможно».

Очевидно, возможно. Очевидно, эти языки пламени лаяли, но не кусали.

«Голограмма?»

Дно ямы, зашпив пневматикой, провалилось под его весом, и Артемис оказался в следующей камере. Подняв голову, он увидел, как сомкнулись металлические створки над ним.

«Вид изнутри бункера с раздвижным люком».

Высокотехнологичного бункера с расширяющимися гелевыми шарнирами. Такой могли разработать только подземные жители.

И тут Артемис вспомнил произнесенные Кронски слова.

«Все не так, как она говорила...»

Она! Она...

Конструкция, основанная на технологиях волшебного народца... Исчезающие виды... Кто занимался сбором мозговой жидкости лемуров еще до начала эпидемии чаротропии?

Артемис побледнел. «Только не она. Умоляю, только не она!»

«Что мне делать? — подумал он.— Сколько раз я должен спасать мир от этой сумасшедшей?»

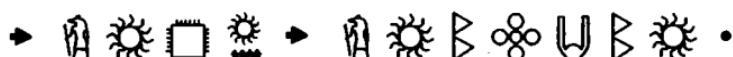
Он поднялся на колени и увидел, что лежит на мягком матрасе. Артемис попытался скатиться с него, но не успел — из утопленных в стальной раме отверстий выпрыгнули похожие на щупальца пути и в мгновение ока сплели его крепче, чем бычка на родео. Из дюжины расположенных над головой сопел в камеру, постепенно заполняя ее, хлынул лиловый газ.

«Задержи дыхание,— приказал себе Артемис.— Животные не умеют задерживать дыхание».

Он задержал дыхание и терпел, пока ему не показалось, что грудина вот-вот лопнет, но как раз в тот момент, когда он уже собирался сдаться и сделать вдох, в камеру начал закачиваться другой газ, кристаллизующий первый, который стал оседать на лице Артемиса лиловыми снежинками.

«Ты уснул. Притворись мертвым».

Со звуком, напоминающим свист выдуваемого через соломинку воздуха, небольшая дверь ушла в пол.

Артемис чуть приоткрыл глаз.

«Магнитное поле,— вяло, из-за сжимавшего голову стального обруча, подумал он.— Я знаю, что увижу, но не испытываю по этому поводу ни малейшего энтузиазма».

В дверях стояла пикси с красивым, но вечно недовольным и злым лицом.

— Это,— пропищала Опал Кобой, показывая на Артемиса дрожащим пальцем,— не лемур.

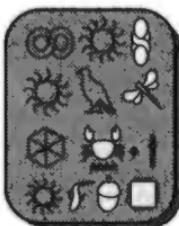
ГЛАВА 13

~~~~~

ВОЛОСАТЫЙ

ПОГИБ

Кожевенный базар

Дворецки бежал от лагеря экстинкционистов к кожевенному базару. Артемис ждал его в том доме, где они первоначально намеревались совершить обмен. Присутствие полиции в Фесе ограничивалось несколькими патрулями из двух человек, и такому опытному специалисту, как Дворецки, не составляло особого труда оставаться незамеченным. Закон, конечно, не запрещал посещать центральную часть города, но блюстители закона могли неодобрительно отнестись к человеку, расхаживающему по пользующемуся популярно-

стью у туристов району с огромной винтовкой за плечами.

Дворецки нырнул в темный угол, быстро разобрал стреляющую дротиками винтовку на дюжину частей и разбросал их по мусорным бакам. Возможно, ему удалось бы подкупить таможенников в аэропорту Фес-Саисс и просто спрятать винтовку под креслом, но береженого бог бережет.

Десятилетний Артемис сидел в заранее условленном месте, у окна, идеально подходившего для засады снайпера, и снимал несуществующие ворсинки с рукава пиджака, что заменило у него нервное хождение взад-вперед.

— Ну? — нетерпеливо спросил он, приготовившись услышать плохие новости.

— Девушке удалось бежать, — сказал Дворецки.

Он предпочел не упоминать о том, что длинноволосый юноша полностью контролировал ситуацию, пока не появилась видеозапись Артемиса.

Артемис сразу же понял намек.

— Девушке? Другой незваный гость тоже был там?

Дворецки кивнул.

— Волосатый погиб. Попытался спасти девушку, но у него не получилось.

— Погиб? — выдохнул Артемис. — Погиб?!

— Можно повторять сколько угодно, смысл от этого не изменится,— резко произнес Дворецки.— Он пытался спасти свою подругу, и Кронски убил его за это. Что сделано, то сделано. По крайней мере, мы получили бриллианты.— Гигант взял себя в руки.— Нам пора в аэропорт. Мне нужно время на предполетную проверку.

Ошеломленный Артемис молчал, не в силах оторвать взгляд от сумки с бриллиантами, которые осуждающие подмигивали ему из уютного гнездышка у него на коленях.

Элфи отчаянно не везло. Экран настолько ослабел, что она отключила его, дабы сохранить последние искры магии для исцеления, если вдруг оно понадобится. Стоило ей обрести видимость, как один из головорезов Кронски по радиции сообщил остальным охранникам, где она находится. Теперь капитан Малой со всех ног мчалась по центральному району города и молилась про себя, чтобы Артемис уже находился на месте встречи и чтобы он догадался взять скутер.

Никто в нее не стрелял, и это вселяло определенные надежды, если, конечно, Кронски не решил прикончить ее лично.

Но сейчас думать об этом было некогда. Выживание снова возглавило список приоритетов.

В это время, ближе к вечеру, город затихал, улицы делались пустынны. Только изредка попадались отбившиеся от стада туристы да спешащие по своим делам особо ретивые торговцы. Элфи петляла между прохожими, опрокидывала все, до чего могла дотянуться, лишь бы задержать настигавших ее охранников. Она обрушила несколько корзинных пирамид, перевернула ларек с шашлыками, налетела плечом на столик со специями, отчего белоснежная стена дома расцветилась яркими полосами...

Тем не менее топот за спиной становился все громче. Избранная тактика не срабатывала. Охранники были очень большими и без труда преодолевали любые препятствия.

«Значит, остается хитрость. Оторвись от них в узких переулках».

Новый метод помог не больше старого. Ее преследователи хорошо знали город и координировали погоню, переговариваясь по ра-

циям, неумолимо загоняя Элфи на кожевенный базар.

«А там спрятаться негде. Я стану легкой мишенью».

Элфи побежала еще быстрее, не обращая внимания на туфли Артемиса, кромсающие ей пятки. Она налетела на группу туристов, не извинившись, помчалась дальше и спустя мгновение плечом выбила поднос из рук разносчика чая. Вслед ей понеслись возмущенные крики и проклятия.

«Окружают,— в отчаянии подумала он.— Артемис, умоляю, дождись меня!..»

И тут Элфи осознала, что ведет преследователей прямо к Артемису, но выбора у нее не оставалось. Если он ждет ее, то сумеет помочь, если нет, придется выкручиваться самой.

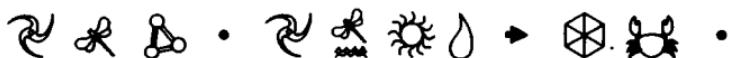
Она резко свернула влево, но переулок перегородили четверо разъяренных охранников, вооруженных длинными, грозного вида ножами.

«Кажется, мне в другую сторону».

Значит, направо. Элфи влетела на кожевенный базар, поднимая тучи пыли.

«Артемис, где ты?»

Она подняла взгляд на их наблюдательный пункт — ничего, даже предательского мерца-

ния маскировочной фольги, обычно выдающего присутствие коллег.

«Его там нет».

Сердце в панике сжалось. Элфи Малой была опытным боевым офицером, но здесь она находилась вне своей юрисдикции, вне привычной обстановки и даже вне своего времени.

На базаре было тихо, только несколько рабочих скребли шкуры на крышах. Под карнизами потрескивали масляные лампы, прятались в темноте похожие на инопланетные корабли огромные сосуды. Воняло так же скверно, как и в прошлый раз, а то и сильнее, поскольку чаны целый день жарились на солнце. Запах помета ударил Элфи в нос мягкой душной волной, мешая соображать.

«Не останавливайся. Найди убежище».

Элфи на мгновение прикинула, какую часть тела согласилась бы променять на оружие, потом бросилась к ближайшей двери.

Навстречу выдвинулся охранник, уже тянущий из ножен клинок. Лезвие отливало красным, то ли от крови, то ли от ржавчины. Элфи резко изменила направление и потеряла туфлю. Окно имелось только на верхнем этаже, но стена пестрела трещинами, и у нее оставался шанс вскарабкаться по ней.

Еще двое охранников. С мерзкими ухмылками на лицах. Один, как гладиатор, держал в руке сеть.

Элфи остановилась.

«Кругом — пустыня! Зачем ему рыболовная сеть?»

Она сделала еще одну попытку. Переулок был настолько узким, что в нем едва ли поместился бы взрослый человек. Она почти добежала до конца, как вдруг проход загородил толстый охранник с косичкой до пояса и полным ртом желтых зубов.

«Попалась. Попалась. Выхода нет, нет магии для экрана. Ее нет даже для гипноза».

В такой ситуации трудно сохранять спокойствие, несмотря на опыт и подготовку. Элфи почувствовала, как животные инстинкты начинают овладевать ее сознанием.

«Главное — выжить. Делай то, что должна делать».

Но что она могла? Одна похожая на ребенка безоружная эльфийка против целого войска увешанных сталью головорезов...

Они начали охватывать ее неровным кольцом, скользя между чанами в замедленном слаломе. Каждая пара сверкающих глаз смотрела только на нее. Они подходили все ближе и

ближе, широко расставив руки, на случай если добыча сделает отчаянную попытку улизнуть.

Элфи видела шрамы и осины на их лицах, грязь под ногтями и на манжетах. Она чувствовала их зловонное дыхание, могла даже пересчитать пломбы в зубах.

Она устремила взор к небу.

— Помогите!!! — закричала Элфи.

И небо откликнулось алмазным дождем.

Под лагерем экстинкционистов

— Это не лемур,— повторила Опал Кобой, топнув крошечной ножкой.— Я знаю, что это не лемур, потому что у него нет хвоста и он, кажется, одет. Это человек, Мервал. Это вершок.

В камере появился еще один пикси, Мервал Криль. Старший из недоброй славы братьев Криль, которые через несколько лет помогут Опал сбежать из охраняемой палаты психиатрической клиники. На лице Криля ужас боролся с изумлением — не самое удачное сочетание даже для красавца.

— Не понимаю, как это случилось, мисс Кобой,— сказал он, нервно теребя верхнюю пу-

говицу на своем алом лабораторном халате.— Мы все приготовили для лемура. Вы сами за-гипнотизировали Кронски.

Ноздри Опал раздулись.

— Хочешь сказать, это я во всем виновата?

Она схватилась за горло, словно от одной мысли об этом у нее перехватило дыхание.

— Нет-нет-нет! — поспешил возразил Мервал.— Мисс Кобой не может быть ни в чем виновата. Мисс Кобой — само совершенство. А совершенство не совершает ошибок.

Благоразумные люди расценили бы такое нелепое заявление как грубую лесть, но Опал находила подобные слова справедливыми и естественными.

— Вот именно. Хорошо сказано, Мервал. Жаль, твоему брату не досталось и десятой доли отпущенное тебе мудрости.

Мервал улыбнулся и вздрогнул. Улыбку вызвала похвала, а вздрогнул он оттого, что последнее замечание напомнило ему о брате, запертом в одной клетке с красной речной свиньей за то, что не сообразил выразить Опал восторг по поводу ее новых туфель.

У мисс Кобой день не задался. И это уже второй за последнюю неделю. Если ситуация не изменится к лучшему, братьям Криль, несмот-

ря на астрономическое жалованье, придется искать другое место работы.

Мервал решил отвлечь хозяйку.

— Там наверху все будто с ума посходили. Стреляют. Фехтуют на столовых приборах. Эти экстинкционисты такие неуравновешенные.

Опал наклонилась над Артемисом, принюхалась и щелкнула пальцами, проверяя, очнулся юноша или нет.

— Этот лемур был последним. Мне вот столько не хватило, чтобы стать всесильной.

— Сколько? — спросил Мервал.

Опал недобро прищурилась.

— Шутки шутим?

— Нет, я просто хотел уточнить...

— Это просто такое выражение,— отрезала пикси и зашагала к выходу.

Мервал медленно кивнул.

— Выражение. Понятно. А что делать с этим человеком?

— Можешь утилизировать,— не замедляя шага, бросила Опал.— Человеческая мозговая жидкость — хорошее увлажняющее средство. Потом собираемся и ищем лемура сами.

— А труп сбросить в яму с животными?

Опал вскинула руки.

— Ради всего святого! Тебе надо все на пальцах объяснять? Прояви инициативу.

Мервал покатил койку с пленником вслед за хозяйкой.

«Значит, в яму», — подумал он.

Кожевенный базар

Сверкающие бриллианты сыпались градом, мерцая в свете фонарей, словно падающие звезды.

«Гонорар младшего Артемиса, — догадалась Элфи. — Он бросает мне спасательный круг».

Охранники замерли на мгновение. На лицах у них проступило удивление, как у детей, неожиданно проснувшихся в прекрасном настроении. Они вытянули руки с растопыренными пальцами и завороженно смотрели, как от них отскакивают бриллианты.

Наконец один из них пришел в себя.

— Des diamants! — заорал он по-французски.

Его компаньоны словно только этого ждали, чтобы перейти к делу. Они упали на колени и зашлепали ладонями по пыльной земле в поисках драгоценных камней. Многие при-

нялись нырять в зловонные баки, едва услышав бульканье падавших в жидкость алмазов.

«Суматоха,— подумала Элфи.— То, что нужно».

Она подняла глаза и успела заметить мгновенно скрывшуюся в темном прямоугольнике окна маленькую руку.

«Что заставило его так поступить? — недоумевала она.— Абсолютно не похожий на Артемиса жест».

Пролетевший мимо нее охранник напомнил, что положение ее по-прежнему рискованное.

«Из-за жадности они на время забыли обо мне, но быстро вспомнят, когда набьют карманы алмазами».

Элфи отсалютовала окну, за которым скрылся Артемис, и поспешно нырнула в ближайший переулок — но тут ее прижал к стене захвачшийся Кронски.

— Два за два,— с недовольным видом произнес он.— Оба попались. Сегодняшний день должен был стать моим.

«Когда же это кончится? — мрачно подумала Элфи.— Почему все продолжается?»

Кронски навалился на нее, словно разъяренный слон, его лоб над цветными очками

собрался в гармошку, пот струился по лицу и капал с сердито надутых губ.

— Только сегодня не мой день, да? — истерически кричал он.— Ты позаботилась об этом. Ты и твой сообщник. Ладно, с ним разобралась моя кремационная камера, а я сейчас разберусь с тобой!

Элфи была потрясена.

«Артемис погиб?!»

Она не могла в это поверить. Никогда. Сколько людей, посчитав Артемиса убитым, потом горько сожалели об этом? Много. И она в том числе.

С другой стороны, сама Элфи запросто могла умереть. У нее уже потемнело в глазах, руки и ноги отказывались повиноваться, и ей казалось, что мир навалился на нее всей тяжестью. В полную силу работало только обоняние.

«Какая нелепая смерть. Задохнуться от запаха голубиного помета».

Она услышала, как затрещали ее ребра.

«Жаль, что Кронски не чувствует этой вони».

В голове искрой вспыхнула надежда, как последний уголек в угасающем камине.

«А почему бы не помочь ему почувствовать ее? Это самое меньшее, что я могу для него сделать».

Элфи углубилась в средоточие своей магии в поисках остатков чар и ощутила глубоко внутри слабое мерцание. Энергии недоставало для защиты, даже для гипноза, но на мелкое исцеление могло хватить.

Обычно исцеляющие чары применялись на свежих ранах, а Кронски страдал аносмиеей с рождения. Лечить недуг сейчас было опасно и уж наверняка болезненно.

«Ну и пусть,— подумала Элфи.— В конце концов, больно-то будет ему, а не мне».

Она протянула руку мимо сжимавшей ее горло ладони, провела кончиками пальцев по лицу Кронски, мысленно послав в них магию.

Кронски не учаял опасности.

— Что это? Решила меня за нос подергать напоследок?

Элфи не ответила. Она зажмурилась, вткнула два пальца Кронски в ноздри и послала последние искры магии в носовые каналы.

— Исцеляй!.. — умоляюще выдохнула она.

Кронски удивился, но не более того.

— Эй, какого... — пробормотал он и чихнул, причем с такой силой, что у него щелкнуло в ушах и он скатился со своей пленницы.— Тебе что, пять лет? Совать пальцы в нос!..

Он еще раз чихнул. Гораздо сильнее. Из каждой ноздри вырвалась струя пара.

— Это тебя не спасет. Какие вы все-таки...

Он опять чихнул, подпрыгнув всем телом. Слезы хлынули по щекам толстяка. Ноги у него подкосились, стекла очков задрожали в оправе.

— Ничего себе... — пробормотал Кронски, кое-как собрав конечности. — Что-то не так. Что-то изменилось.

И тут его накрыло волной запаха.

— Аарх!!! — зарычал Кронски, потом заскулил.

Сухожилия напряглись до предела, носки ступней вытянулись, пальцы пытались разорвать воздух.

— Ну и ну, — выдохнула Элфи, потирая горло. Она не ожидала настолько сильной реакции.

Запах был, конечно, мерзкий, но Кронски бился, словно умирающий. Элфи не рассчитала, насколько сильным может оказаться приснувшееся обоняние доктора. Представьте радость прозревшего или эйфорию сделавшего первый шаг. Потом возведите ощущение в квадрат и сделайте отрицательным. Возьмите шарик какой-нибудь отравы, вывалияйте его в

колючках и навозе, оберните гнойными бинтами, сварите все это в котле с невыразимо мерзкими продуктами жизнедеятельности и засуньте себе в нос. Примерно такие ощущения испытывал Кронски, и это едва не лишило его рассудка.

Он упал на спину, его тело содрогалось в конвульсиях, руки хватали воздух.

— Мерзость! — просипел он и повторил несколько раз: — Мерзость... Мерзость...

Элфи поднялась на четвереньки, откашлялась и сплюнула в пыль. Она чувствовала себя побитой и помятой и телом и душой. Взглянув на Кронски, она поняла, что допрашивать его бессмысленно: в данный момент предводитель экстинкционистов был не в состоянии поддерживать разумный разговор.

«Может, оно и к лучшему,— подумала эльфийка.— Вряд ли он в ближайшем будущем сможет возглавить какую-нибудь международную организацию».

Потом Элфи заметила нечто странное. Одно из стекол в очках Кронски разбилось, открыв заплывший жиром глаз. Радужная оболочка имела странный фиолетовый цвет, почти такого же оттенка, как и стекла очков, но не это привлекло внимание Элфи. Края радужки вы-

глядели рваными, словно их обкусали крошечные рыбки, питающиеся глазным белком.

«Этот человек находился под действием гипнотических чар,— поняла Элфи.— Им управлял кто-то из волшебного народца».

Она поднялась на ноги и, прихрамывая, направилась вглубь квартала. Перебранка между жадными охранниками скоро затихла вдали.

«Если в этом замешан кто-то из наших, значит, все не так, как кажется. А если все не так, как кажется, то, может быть, Артемис Фаул еще жив».

Под лагерем экстинкционистов

Мервал Криль подмигнул своему отражению в зеркальной поверхности хромированной двери холодильника для трупов.

«Красивый я парень,— подумал он.— И животика почти не видно под халатом».

— Криль,— крикнула Опал из кабинета.— Как дела с мозговой жидкостью?

Мервал подпрыгнул.

— Скоро выкачу всю досуха, мисс Кобой.

Пикси налег всем телом на каталку и покатил человека по короткому коридору в лабораторию. Постоянное нахождение в замкну-

том пространстве с Опал Кобой трудно назвать пикником. Их было всего трое, и они неделями напролет высасывали соки из представителей исчезающих видов. Опал могла позволить себе нанять тысячу лаборантов, но возвела секретность в ранг идеи фикс. Уровень паранойи достиг такого предела, что Кобой начала подозревать в шпионаже растения и неодушевленные предметы.

— Я могу выращивать фотоаппараты! — визжала она братьям Криль во время одного инструктажа. — Кто посмеет сказать, что и этот презренный лошак Жеребкинс не научился вживлять разведывательную аппаратуру в растения? Поэтому избавьтесь от всех цветов. И от камней тоже. Я им не доверяю. Гнусные мелкие лазутчики.

Поэтому близнецы Криль целый день занимались тем, что выбрасывали все вещи, в которых могли быть установлены «жучки». Даже дезодорирующие блоки из туалета пришлось отправить на свалку, ибо Опал подозревала, что они ее фотографировали, когда она использовала помещение по назначению.

«Впрочем, мисс Кобой имеет право на паранойю, — подумал Мервал, вкатывая тележку в двухстворчатые двери лаборатории. — Если

подземная полиция узнает, чем она здесь занимается, ее на веки вечные упекут за решетку».

За дверями находилась длинная лаборатория высотой в три этажа — место страданий и печали. До самого потолка высились ряды клеток с животными. Пленники стонали и скулили, сотрясали свои темницы, бросались на прутья. Робот-раздатчик непрерывно двигался вдоль рядов, насыпая в кормушки сероватые гранулы.

В центральном проходе стояли операционные столы. Десятка два зверей лежали на столах, зафиксированные, как и Артемис, жесткими путами. Юноша успел заметить сибирского тигра с раскинутыми лапами и выбритыми проплешинаами на голове. На каждой проплешине лежало нечто похожее на кусочек печени. Когда тележка катилась мимо тигра, один из кусочков издал хлюпающий звук, и на нем тут же загорелся красный светодиод.

Мервал остановился, чтобы снять коричневую пакость с тигра, и Артемис с ужасом увидел, что нижняя поверхность этой штуки усеяна сочащимися жидкостью шипами.

— Полон до краев, мистер супер-генетически-модифицированный москит-пиявка. Ты

просто мерзость, что есть, то есть, но мозговую жидкость откачиваешь умело. Пора тебя выжимать.

Мервал наступил на педаль, открывая ближайший холодильник, и зазвенел мензурками, пока не нашел нужную.

— Вот она, «Сиб. тигр. МЖ».

Он поставил мензурку на хромированную поверхность лабораторного стола, затем принялся выжимать пиявку как губку, пока вся мозговая жидкость до последней капли не стекла в подставленную емкость. После этого пиявка отправилась в мусорное ведро.

— Я так тебя любил,— пропел Мервал, возвращаясь к тележке с юношой.— Я буду так скучать...

Артемис наблюдал за происходящим, чуть заметно приоткрыв один глаз. Надо обязательно выбраться из этого жуткого, омерзительно-го места.

«Элфи спасет меня,— подумал он и тут же вспомнил: — Нет, не спасет. Она решит, что я погиб».

От этой мысли у него кровь застыла в жилах.

«Пламя испепелило меня».

Значит, придется выкручиваться самому. Не впервой. Надо держаться начеку и быть готовым использовать любой подвернувшийся шанс.

Мервал нашел свободное место в операционной и ловко вкатил туда тележку с Артемисом.

— И он втиснул каталку туда, куда и пиявка не влезет. А говорили, будто это ему не под силу. Ошибались, как всегда. Мервал Криль король парковки.— Пикси рыгнул.— Не о таком будущем я мечтал в юности.

Затем он как-то уныло опустил банку с отверстиями в низкий аквариум и извлек ее оттуда полную извивающихся суперпиявок.

«О нет,— подумал Артемис.— Пожалуйста, только не это».

Ему пришлось закрыть глаза, поскольку Мервал повернулся к нему лицом.

«Он заметит, как вздымается моя грудь. Потом усыпит меня, и все будет кончено».

Но Мервал, как ни странно, не заметил.

— О, как я вас ненавижу. Как вы отвратительны. Могу сказать только одно, человек, если твоё подсознание меня слышит: радуйся, что спиши, ибо вряд ли ты захотел бы пройти через это наяву.

Артемис едва не закричал, но вовремя вспомнил о матери, о том, что жить ей осталось меньше суток, и стиснул зубы.

Он почувствовал, как Мервал сжал его руку и хмыкнул.

— Только никуда не уходи. Секундочку.

Пожатие ослабло, и Артемис стал следить за перемещениями Мервала, используя только слух и обоняние. Мягкий живот коснулся его локтя. Тяжелое дыхание над ухом. Мервал сейчас находился у его левого плеча и наклонился над ним.

Артемис приоткрыл правый глаз и посмотрел вверх. Прямо над головой он увидел бестеневую лампу, установленную на толстой хромированной штанге.

Хромированная — значит, отражает.

Артемис наблюдал за действиями Мервала по отражению. Пикси выдвинул сенсорный пульт управления путами с клавиатурой на гномьем языке. Затем, напевая популярную среди пикси песню, начал вводить пароль. Каждый символ в такт словам песни.

— Пикси играют рок! — пел он.— Экстремально тяжелый пикси-рок, оу бэйби.

Артемису тема показалась скорее попсовой, но он обрадовался музыке, поскольку она дала ему время разложить пароль Мервала.

Мервал отстегнул один из зажимов, чтобы вытянуть руку Артемиса. Даже если бы человек очнулся, он мог бы только беспомощно махать рукой.

— А теперь, моя пиявочка, потрудись для тетушки Опал, а я отблагодарю тебя, выдавив твои внутренности в ведро.— Он вздохнул.— Почему лучшие мои строки слышат только черви?

Он достал из банки пиявку, сжал, чтобы она выпустила шипы, и приложил к запястью Артемиса.

Артемис не почувствовал ничего, кроме вдруг возникшего чувства благополучия.

«Сноторвное,— подумал он.— Старо как мир: успокоить, а потом убить. Нормальный ход, да и в конце концов, так ли уж плоха смерть? Вся жизнь была непрерывной чередой испытаний».

Мервал поглядывал на хронометр. Его брат уже слишком долго сидел в утилизационной камере за камбузом. Кистеухая свинья могла решить, что настало время отведать кусочек пикси.

— Просто проверю,— решил он.— Вернусь раньше, чем пиявка насосется. Сначала кровь, потом мозг. Нужно было похвалить туфельки мисс Опал, братец.

Он направился по центральному проходу к дверям, не забывая дернуть решетку каждой клетки, чтобы еще сильнее взбесить животных.

— Пикси играют рок! — пел он.— Экстремально тяжелый пикси-рок, оу бэйби.

Артемис обнаружил, что заставить себя шевелиться невероятно тяжело. Было так приятно валяться на койке и просто ждать, когда все невзгоды покинут его тело через запястье.

«Если решил умереть,— подумал Артемис сквозь дрему,— не имеет значения, сколько человек хотят тебя убить».

Только бы животные успокоились. Их крики и щебетания мешали ему расслабиться.

В какой-то клетке сидел попугай, непрерывно повторявший одну и ту же фразу:

— Кто твоя мама? Кто твоя мама?

«Моя мама — Ангелина. Она умирает».

Артемис открыл глаза.

«Мама. Мамочка».

Он поднял свободную руку и ударил ею об каталку, раздавив мерзкую пиявку. Тварь взорвалась брызгами крови и слизи, а шипы остались торчать из кожи Артемиса, словно пики крошечных солдатиков.

«Скоро станет больно».

У Артемиса пересохло в горле, шею ломило, в глазах двоилось, но это не помешало ему в течение минуты включить клавиатуру, ввести пароль Мервала и сбросить с себя путы.

«Если они на сигнализации, придется туда».

Но никаких сигналов он не услышал и не увидел вбежавших пикси.

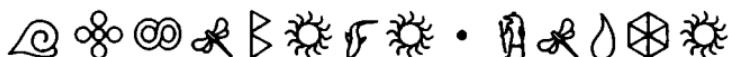
«Время есть. Правда, немного».

Он повыдергал из кожи шипы, морщась не столько от боли, сколько от вида красных воспаленных дыр на запястье. Из каждой ранки побежала красная водянистая струйка, но не сильно. Смерть от потери крови ему не грозила.

«Шипы содержат коагулянт, как я раньше не догадался».

Артемис, будто зомби, расхаживал по лаборатории, постепенно приходя в себя. На него смотрели сотни глаз. Животные притихли, прижались к прутьям носами, клювами и мордами и ждали развития событий. Тишину нарушало только жужжение сновавшего между клетками робота-раздатчика.

«Я должен просто сбежать. Не надо ни с кем сражаться или спасать мир. Забудь об Опал и спасайся».

Но в мире Артемиса Фаула простые решения принимались крайне редко. Артемис снял с крючка очки-мониторы, надел их, включил виртуальную клавиатуру и, при помощи пароля Мервала, зарегистрировался в сети. Надо было выяснить, где он находится и как отсюда выбраться.

В файле на рабочем столе он нашел подробный план подземной лаборатории. Никакой защиты, никаких кодов. Да и зачем? Любой человек, даже случись ему пробраться сюда, ничего не понял бы на гномьем языке.

Артемис изучал план внимательно и со все возрастающим беспокойством. Подземное сооружение представляло собой цепочку сообщающихся модулей, расположенных в древних пещерах под лагерем экстинкционистов, и выходов имелось всего два. Покинуть владения Опал он мог так же, как вошел, но этот путь не показался юноше идеальным, поскольку вел прямо к Кронски. Альтернативой было только пробираться к терминалу шаттла на нижнем уровне, а значит, придется не только угнать корабль, но и управлять им. Шансы на то, что он успеет отключить всевозможные противоугонные устройства прежде, чем Опал испепе-

лит его вместе с членоком, стремились к нулю.
Придется подниматься на поверхность.

— Ну и как тебе моя лаборатория?

Артемис взглянул поверх дисплея очков и увидел подбоченившуюся Опал.

— Занятное местечко, правда? — продолжила она по-английски. — Все эти пещеры созданы как будто специально для нас. Идеальное место. Я решила захватить их, как только уви-
дела, поэтому убедила Кронски перебраться сюда.

«Информация — сила, — подумал Арте-
мис. — Поэтому не говори ничего».

— Кто вы? — спросил он.

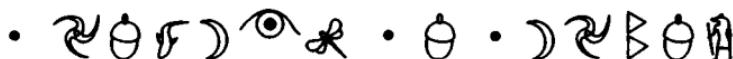
— Я — будущая владычица мира, по меньшей мере. В течение следующих пяти минут можешь называть меня мисс Кобой. После этого можешь обращаться ко мне «aaaaaprrgh», схватившись за горло, потом умереть в муках и так далее.

«Все такая же напыщенная».

— Я гораздо крупнее вас, мисс Кобой, а вы, насколько я вижу, не вооружены.

Опал рассмеялась.

— Не вооружена? — Она широко раскинула руки. — Эти существа вооружили меня. — Она погладила спящего тигра. — Эта кошечка

помогла мне расширить контроль над разумом. Вот те голожаберные моллюски помогли научиться концентрировать энергетические лучи. Доза разжиженных плавников дельфина в смеси с ядом кобры в нужной пропорции повернули часы вспять на целых сто лет.

— Настоящий оружейный завод,— прошептал Артемис.

— Вот именно,— сказала Опал, обрадовавшись тому, что хоть кто-то ее понял.— Благодаря этим животным и их телесным жидкостям я стала самой могущественной волшебницей после демонов-колдунов. Экстинкционисты поставляли мне всех необходимых животных. Дураки! Купились, как дети, на дешевое голографическое пламя. Как будто я собираюсь убивать этих чудесных животных, не выпив из них все соки. Вы, люди, такие идиоты. Ваши правительства тратят огромные деньги на поиски энергии, а она все это время бродит по джунглям.

— Блестящая речь,— похвалил ее Артемис и незаметно пошевелил пальцами над виртуальной клавиатурой.

— Скоро я стану...

— Можете не говорить. Скоро вы станете непобедимой.

— Несовсем так,— возразила Опал с достойным восхищения терпением.— Скоро я смогу манипулировать самим временем. Не хватает только...

И вдруг Артемис все понял. Понял, ради чего все это затевалось и что ему удастся сбежать.

— Лемура. Не хватает только лемура.

Опал захлопала в ладоши.

— Правильно, сообразительный вершок. Мозговая жидкость этого лемура является последним ингредиентом состава, многократно усиливающего магию.

Артемис вздохнул.

— Состав, многократно усиливающий магию? Вы сами-то в это верите?

Опал не обратила внимания на насмешливый тон, возможно, потому, что подобным тоном с ней мало кто разговаривал.

— У меня была целая стая лемуров, но Подземная полиция конфисковала животных, чтобы прекратить какую-то эпидемию, а остальные погибли во время пожара. Все подопытные животные исчезли, а воспроизвести их телесные жидкости не удавалось. Остался только один лемур, и он мне нужен. Он станет моделью для клонирования. Благодаря ему я смогу управлять временем.— Опал замолчала и по-

стучала пальцем по пухлым губам.— Подожди, вершок. Что тебе известно о моем лемуре? — Она отвела палец от губ, и на его кончике возник огненный шар, испепеливший лак на ногте.— Я спросила, что тебе известно о моем лемуре!

— Красивые туфли,— заметил Артемис и выбрал нужную опцию на экране очков одним щелчком пальца.

«Вы уверены, что хотите открыть все клетки?» — спросил компьютер.

Экстинкционисты тайком возвращались в лагерь под предводительством отважного Томми Киркенхазарда, который размахивал разряженным пистолетом с явно показной храбростью.

— Там остались мои вещи,— непрерывно повторял он толпившимся за его спиной людям.— Очень ценные вещи. И я не собираюсь их бросать.

У большинства людей, очевидно, тоже остались здесь весьма ценные вещи. Учитывая, что Кронски валялся в состоянии кататонии на базаре, а его охранники разбежались с драгоценной добычей, экстинкционисты решили, что настал самый удобный момент вернуть себе имущество и поскорее отправиться в аэропорт.

К величайшему облегчению Киркенхазарда, в лагере, судя по всему, никого не осталось, но аморфная толпа тем не менее не раз шарахалась от танцующих на марокканском ветру ночных теней.

«Мне еще не приходилось стрелять из разряженного пистолета,— подумал Томми.— И сдается мне, это будет не особенно эффективно».

Они подошли к висевшей на одной петле двери главного зала.

— О'кей, ребята,— сказал Киркенхазард.— Носильщиков здесь нет, так что придется вам таскать вещи самим.

— О боже! — простонала графиня Ирина Костович и рухнула без чувств на руки шотландского нефтяного барона.

— Берите все, что сможете унести, встречаемся здесь через пятнадцать минут.

Графиня что-то пробормотала.

— В чем дело? — насторожился Киркенхазард.

— Она сказала, что наутро у нее назначен сеанс педикюра.

Томми поднял руку и прислушался.

— Я не о том. Никто не слышит грохота?

Из открытых клеток, обезумев от радости, выпрыгнули, выползли, вылетели, выбежали животные. Львы, леопарды, обезьяны разных видов, попугаи, газели — сотни животных, объединенных одной мыслью: поскорее сбежать отсюда.

Опал даже бровью не повела.

— Поверить не могу, что тебе это удалось, вершок. Я выжму твой мозг как губку.

Артемис низко опустил голову, не обращая внимания на сравнение его гениального мозга с губкой. Если не смотреть Опал в глаза, ей не удастся его загипнотизировать. Впрочем, благодаря своим многократно усиленным способностям она, вероятно, научилась воздействовать на сознание непосредственно, минуя зрительный нерв.

Он мог бы и не наклоняться, ибо его сплошной стеной заслонили скалящиеся, толкающиеся и лягающиеся животные.

«Обхохочешься,— подумал он, когда обезьянний локоть врезался ему в грудь, едва не вышибив дух.— Если меня не прикончит Опал, это сделают животные. Надо придать этому паническому бегству какое-никакое направление».

Артемис нырнул под операционный стол, по пути выдернув из тигра капельницу с анестезиющим средством, и принялся высматривать среди мелькавших мимо ног подходящее животное.

Опал испустила рев, в котором смешались все звериные языки. Пронзительный звук буквально рассек поток животных надвое, и теперь они обтекали пикси с двух сторон. Затем Опал начала швыряться в проходящих мимо нее зверей энергетическими импульсами, слетавшими с кончиков ее пальцев,— они косили животных рядами. Клетки рассыпались, словно кубики, содержимое холодильников растекалось по плиткам пола.

«Отвлекающий маневр захлебнулся,— подумал Артемис.— Пора уходить».

Он заметил приближающиеся копыта и подготовился к прыжку.

«Квагга,— догадался он, присмотревшись.— Наполовину лошадь, наполовину зебра, последнюю особь поймали больше ста лет назад. Не чистокровный жеребец, конечно, но сойдет».

Скакать верхом на квагге оказалось менее комфортно, чем на одном из арабских скакунов, к которым Артемис привык у себя в поме-

стье. Ни тебе стремян, чтоб упереться, ни поскрипывающего седла, ни щелкающих поводьев. К тому же бедная зверюга была не обезжена и до смерти перепугана.

Артемис похлопал ее по шее.

«До чего же нелепая ситуация,— подумал он.— Мертвец спасается бегством на вымершем животном».

Он ухватился за гриву и попытался направить скакуна к открытой двери. Квагга брыкалась, лягалась и все время норовила тяпнуть Артемиса крепкими плоскими зубами. Но юноша лишь сильнее сжимал ей бока пятками.

Опал сосредоточенно отбивалась от накатывавших волн мстительной фауны. Некоторые крупные хищники, в отличие от своих сородичей, оказались не сломлены до конца и решили, что олицетворяемая Кобой угроза исчезнет, если ее сожрать. Крошечная пикси вертелась, как дьявольская балерина, расстреливая нападающих сгустками энергии, которая накапливалаась у нее в плечах, набирала силу, скатываясь к локтям мерцающими сферами, и слетала с пальцев пульсирующими молниями.

Артемис никогда ничего подобного не видел. Животные просто замирали в воздухе, словно из них мгновенно высосали все силы,

затем валились на пол и лежали неподвижные, будто чучела, только бешено вращались их полные ужаса глаза.

«А она действительно могущественна. Никогда не видел подобной силы. Джуджу ни за что не должен попасть ей в руки».

А у Опал кончалась магия. Разряды гасли на полпути или отскакивали от цели, будто шальные петарды. Она перестала швыряться молниями и выхватила два пистолета, один из которых мгновенно выбил из ее руки решивший включиться в борьбу тигр, но Опал не впала в панику. Быстро переключив второй пистолет в режим максимального охвата, она принялась водить стволом из стороны в сторону, заставляя серебристую энергию разлетаться веером.

Первым рухнул тигр, его взгляд словно говорил: «Только не это!» За ним последовали другие, умолкшие на полукрике, полувизге или полуреве.

Артемис дернула квагту за гриву, вынудив ее запрыгнуть на операционный стол. Животное недовольно фыркнуло, но подчинилось, прокакало по одному столу и перепрыгнуло на следующий.

Опал выпустила в их сторону заряд, но его приняла на себя пара кондоров.

Дверь маячила прямо перед ними, и Артемис боялся, что квагга застращится, но нет, она вылетела в коридор, соединявший лабораторию с камерой, где недавно бушевало голограммическое пламя.

Юноша быстро открыл панель управления на позаимствованных сетевых очках и выбрал регулировку люка.

Люк открывался мучительно медленно, и Артемис в течение этих бесконечных секунд заставлял кваггу ходить по кругу, дабы ей не вздумалось сбросить незваного седока, а также с целью усложнить Опал задачу, если ей вздумается стрелять им вдогонку.

Мимо пролетел орел, чиркнув Артемису перьями по щеке. Выхухоль вскарабкалась по юноше, словно по лестнице, и вспрыгнула на поднимающуюся площадку.

Над головой появился свет — мерцающий, тусклый свет неисправного светильника, но все-таки свет.

— Вперед, детка, — сказал Артемис, чувствуя себя настоящим ковбоем. — Йио-хо!

Экстинкционисты столпились вокруг поднятого пальца Томми Киркенхазарда и прислушались, словно звук исходил из самого пальца.

— Теперь ничего не слышу,— признался Томми.— Наверное, померещилось. В конце концов, у защитников человечества выдался нелегкий денек.

В следующий момент здание буквально взорвалось, и экстинкционистов поглотило море зверей.

Сбитый с ног парой южноафриканских бабуинов, Киркенхазард тщетно давил на курок разряженного пистолета и не переставая вопил:

— Но мы убили вас, черт побери! Мы вас убили.

Никто в ту ночь не погиб, но восемнадцать человек были госпитализированы с укусами, ссадинами, переломами и заражениями различными паразитами. Хуже всех пришлось Киркенхазарду. Бабуины съели пистолет и державшую его руку, а затем передали несчастного тигру, проснувшемуся недавно и в самом скверном настроении.

Никто из экстинкционистов не заметил, как из-за одного бунгало в ночное небо бесшумно взмыл небольшой летательный аппарат. Он пролетел над центральным парком и подобрал длинноволосого юношу, сидевшего верхом на маленьком полосатом ослике. Ослик ускакал,

а аппарат развернулся по крутой дуге и стремительно, подобно выпущенному из пращи камню, ушел в темноту неба, как будто ему срочно нужно было оказаться совсем в другом месте.

Сеансы педикюра и другие оздоровительные процедуры, назначенные на следующий день, были отменены.

Обнаружив, что, в довершение всего, новые туфли пришли в полную негодность, Опал была вне себя.

— Что это за пятно? — вопросила она Мервала и его недавно освобожденного брата-близнеца Дисканта.

— Не знаю, — пробормотал Дискант, еще не оправившийся от сидения в клетке.

— Чей-то помет, — высказал свое мнение Мервал. — Судя по размеру и консистенции, несколько понервничала крупная кошка.

Опал села на скамью и вытянула ногу.

— Мервал, сними это.

Она уперлась подошвой Мервалу в лоб и начала толкать, пока тот не шлепнулся на спину с испачканной туфлей в руках.

— Этому вершку известно о моем лемуре. Мы должны следить за ним. Как я понимаю, он помечен.

— Конечно,— подтвердил Мервал.— Все вновь прибывшие проходят обработку на площадке. В данный момент в каждой поре его кожи находится изотопный индикатор. Безопасный, конечно, но нет места на этой планете, где он мог бы от нас спрятаться.

— Хорошо. Великолепно, честно говоря. Я все предусмотрела, не так ли?

— Конечно, мисс Кобай,— пробубнил Дискант.— Вы гениальны. Ваша баснословность поразительна.

— О, спасибо, Дискант,— сказала Опал, как всегда, не заметив сарказма.— А я думала, после свинарника ты будешь не в духе. Кстати, «баснословность» — не очень удачное слово. Это я говорю на тот случай, если ты захочешь описать мое совершенство у себя в дневнике.

— Учту,— со всей серьезностью заверил ее Дискант.

Опал протянула другую ногу.

— Отлично. А теперь установи здесь устройства самоуничтожения и подготовь к полету шаттл. Я хочу найти этого человека и немедленно убить. В прошлый раз мы обошлись с ним слишком ласково. Я имею в виду пиявок. На сей раз — мгновенная смерть.

Мервал поморщился. В руках он держал две обгаженные тигром туфли, но предпочел бы носить их всю оставшуюся жизнь, лишь бы не оказаться на месте человека.

Артемис лежал на спине в грузовом отсеке шаттла и гадал, не приснились ли ему последние несколько минут. Суперпиявки, спящие тигры и норовистая квагга...

Пол под нимibriровал, и юноша прикинул, что в данный момент они перемещаются со скоростью, в несколько раз превышающей скорость звука. Вдруг вибрация исчезла, сменившись более спокойным гулом. Скорость падала!

Артемис поспешил в кабину и увидел Элфи, изучавшую показания приборов так усердно, словно это могло их изменить. Джуджу восседал в кресле второго пилота с таким видом, будто именно он руководит полетом.

Юноша показал на лемура.

— Подобный вопрос может показаться глупым, но это Джуджу...

— Нет, не он. Автопилот. Кстати, приятно видеть тебя живым. Благодарить необязательно.

Артемис коснулся ее плеча.

— Я снова обязан тебе жизнью. Не хочется резко переходить от выражения благодарности к выражению недовольства, но почему мы снизили скорость? Время на исходе. У нас было три дня, а осталось всего несколько часов.

Элфи постучала пальцем по прибору.

— Кто-то засек нас из лагеря. Чьи-то компьютеры считали наши схемы. Может, ты в курсе?

— Опал Кобой,— ответил ирландец.— За всем этим стоит Опал Кобой. Она собирает телесные жидкости животных, чтобы усилить свои магические способности. Если Джуджу попадет к ней в руки, она станет неуязвимой.

Удивляться Элфи было некогда.

— Чудесно. Опал Кобой. То-то мне все казалось, что нашему путешествию не хватает психопатической составляющей. Если Опал нас засекла, она ринется в погоню на чем-то более боеспособном, нежели эта колымага.

— Экраны?

— Бесполезно. Можно обмануть человеческие радары, но только не наши сканеры.

— Варианты?

— Мне придется вести шаттл по человеческим воздушным коридорам. Полетим с дозву-

ковой скоростью и постараемся не привлекать к себе внимания. В последний момент сделаем рывок к поместью Фаулов. Даже если Опал нас заметит, то, пока она нас догонит, мы уже снова окажемся в туннеле времени.

Из почтового ящика высунулась голова Мульча Рытвинга.

— Фактически пусто. Только несколько золотых монет. Не возражаете, если я оставлю их себе? Кстати, кто-то упоминал Опал Кобай или мне послышалось?

— Не волнуйся. Все под контролем.

Мульч хохотнул.

— Под контролем? Как в Ратдаун-парке?
Или на кожевенном рынке?

— Ты видел нас не в лучшие мгновения,— признал Артемис.— Но, поверь, со временем ты проникнешься уважением ко мне и к капитану Малой.

Мульч, судя по выражению лица, в этом сомневался.

— Надо посмотреть в словаре значение слова «уважение» — должно быть, я неправильно его понимаю.

Лемур захлопал в крошечные ладошки и издал звук, очень похожий на смех.

— Судя по всему, ты нашел равное тебе по интеллектуальному развитию существо,— заметила Элфи, повернувшись к приборам.— Жаль, не самку, а то вы могли бы пожениться.

Мульч постарался изобразить неподдельное возмущение.

— Межвидовая любовная связь?! Отвратительно! Только извращенцу может прийти в голову мысль поцеловать существо, не принадлежащее к его собственному виду.

Артемис потер вдруг заболевшие виски.

«Путь далек до Типперери*,— подумал Артемис.— И потом еще несколько миль до Дублина».

— Шаттл? — переспросила Опал.— Шаттл подземных жителей?

Яхта Кобой находилась в режиме свободного полета на границе атмосферы и космического пространства.

Отражения звезд тускло мерцали на черной оболочке корабля, далеко внизу виднелась Земля в пелерине облаков.

* «It's a Long Way to Tipperary» — старинная марша-вая песня британской армии.

— Так говорят датчики,— сказал Мервал.— Старая туннельная модель. Движок хилый, огневая мощь нулевая. Догнали бы без труда.

— Догнали бы? — изогнула бровь Опал, вытянув ногу, дабы полюбоваться новыми красными туфлями.— Почему «бы»?

— Мы его видели, потом он ушел в дозвуковой диапазон. Я бы предположил, что пилот станет держаться человеческих воздушных коридоров, пока не почувствует себя в безопасности.

Опал довольно улыбнулась. Она любила сложные задачи.

— Отлично, все преимущества на нашей стороне. У нас есть скорость, у нас есть оружие. Нужно только нацелиться в правильную сторону.

— Какая баснословоподобная мысль,— ухмыльнулся Дискант.

Опал обиделась.

— Дискант, прошу тебя. Используй более короткие слова. Иначе мне придется тебя испепелить.

То была пустая угроза, ибо после битвы в лаборатории у Опал не осталось и искры магии. Основные функции, вроде контроля над созна-

нием, левитации и всего такого прочего, сохранились, но молнии метать она смогла бы только после трех суток постельного режима. Однако братьям Криль знать об этом было не обязательно.

— Идея такая. Я обработала сделанные в лаборатории записи программой распознавания голоса и определила район. Кем бы ни был этот вершок, он проживает в центральной части Ирландии. Вероятно, в Дублине. Дискант, я хочу, чтобы ты доставил нас туда как можно скорее, и когда этот туннельный шаттл покинет воздушные коридоры... — Опал крепко сжала тонкие пальцы, словно выдавливая соки из воображаемого насекомого. — Мы будем наготове.

— Легендарственно, — поддакнул Дискант.

Особняк Фаулов

Солнце успело взойти, пересечь небосвод и уже спускалось к горизонту, когда Элфи с трудом перевалила тянувший на последнем издохании шаттл через стену поместья.

— Наше время истекает, как и жизнь этой груды металломолама, — сказала она Артемису и прижала ладонь к груди. — Я чувствую, как уга-

саёт внутри последняя искорка магии Номера Первого, но с полчаса у нас еще есть.

Артемис кивнул. При виде поместья состояние матери показалось ему еще более отчаянным.

«Мне надо домой».

— Молодец, Элфи. У тебя все получилось. Садись на заднем дворе. В дом мы войдем через кухню.

Эльфийка нажала несколько кнопок.

— На заднем так на заднем. Сканирую сигнализацию. Обнаружено два датчика, и третий — замаскированный. Если не ошибаюсь, датчики движения. Только один управляет дистанционно, остальные — автономные. Отключить дистанционный датчик?

— Да, Элфи, отключи их все, пожалуйста. В доме кто-нибудь есть?

Капитан Малой бросила взгляд на тепловизор.

— Одно теплое тело. На верхнем этаже.

Артемис перевел дух.

— Отлично. Только мама. Она уже должна была принять снотворное. А младший я еще не мог вернуться.

Элфи постаралась посадить шаттл как можно мягче, но шасси были стесаны до металла, а

амортизационные подушки давно выдохлись. В стабилизаторах зияли дыры, гироскоп вертелся, словно флюгер. Шасси прорыли глубокую канаву, разворотив, как плугом, бульжники двора.

Артемис крепко обнял Джуджу.

— Ну как, малыш, готов к дальнейшим приключениям?

Круглые глаза лемура наполнились беспокойством, в поисках утешения он посмотрел на Мульча.

— Главное, не забывай,— гном почесал зверьку подбородок,— что самый умный здесь — ты.

Рытвинг нашел старую сумку и принялся перекладывать в нее остатки еды из холодильника.

— Зря ты это,— сказала Элфи.— Корабль твой. Забирай его, откапывай свои сокровища и улетай подальше. Сбрось этот хлам в море и живи спокойно несколько лет. Только обещай не продавать ничего людям.

— Да нет у меня никаких сокровищ,— заверил ее Мульч.— Ты сказала, я могу оставить шаттл себе?

— На самом деле я попросила тебя его выбросить. Тем самым ты окажешь мне большую услугу.

Мульч усмехнулся.

— У меня щедрая натура. Я окажу тебе эту услугу.

Элфи улыбнулась в ответ.

— Отлично. И запомни, когда мы встретимся снова, ничего этого не было — или не будет.

— На устах моих печать.

Артемис протиснулся мимо него к выходу.

— Дорого заплатил бы за то, чтобы посмотреть на Мульча Рытвинга, у которого рот на замке.

— Мне тоже приятно было с тобой познакомиться, вершок. Уже не терпится обокрасть тебя в будущем.

Артемис пожал ему руку.

— А мне не терпится посмотреть, как у тебя это получится, хочешь верь, хочешь не верь. Мы еще повеселимся вместе.

— А ты присмотри за этим вершком, Джуджу, — со всей серьезностью обратился гном к лемуру. — Он туповат, но намерения у него добрые.

— До свидания, мистер Рытвинг.

— До встречи, господин Фаул.

Опал проходила по третьему кругу цикл медитационных упражнений Голы Швим, когда Мервал ворвался в ее личную каюту.

— Мы засекли шаттл, мисс Кобой,— задыхаясь, доложил он, прижимая к груди гибкий экран.— Всего на минуту он перешел в сверхзвуковой диапазон над Средиземным морем. Но этого оказалось достаточно.

— Хумм хумм хааа. Рахмумм хумм хааа,— произнесла нараспев Опал, заканчивая ритуал.— Покой внутри, терпимость вокруг, прощение на моем пути... А теперь, Мервал, покажи, где находится этот мерзкий человечишко, чтобы я могла скормить ему его собственные потроха.

Мервал протянул ей гибкий экран.

- Красная точка. Восточное побережье.
- Что-нибудь военное?
- Нет, как ни странно. Жилой дом. Никакой защиты.

Опал встала с уютного кресла.

- Отлично. Проканируй все вокруг. Заряди пушки и готовься к посадке.
- Слушаюсь, мисс Кобой.
- Кстати, Мервал?
- Да, мисс Кобой?
- Кажется, наш малыш Дискант потерял из-за меня голову. Недавно он заявил, что я очень фотообворожительна. Бедный дурачок.

Можешь передать ему, что я недоступна. Если ты этого не сделаешь, мне придется его убить.

Мервал вздохнул.

— Обязательно передам, мисс Кобой. Уверен, он возьмет себя в руки.

Поднимаясь по лестнице, Артемис поймал себя на том, что машинально гладит Джуджу по голове.

— Не волнуйся малыш. Никто тебя не обидит. Мы в безопасности.

Элфи шла за ним, прикрывая тылы выпрямленными указательными пальцами. Пальцы, конечно, не сравнить с заряженным оружием, но и ими, обладая достаточной силой, можно переломать кости.

— Быстрей, Артемис. Силы Номера Первого иссякают, до перехода осталось совсем немного.

Артемис осторожно переступил на жимной датчик на двенадцатой ступени.

— Мы почти на месте. Еще несколько секунд.

С тех пор как они покинули кабинет, ничего не изменилось: шкаф так и стоял нараспашку, с верхней полки свисал шарф, похожий на норовящую удрачить змею.

— Отлично,— сказал Артемис, вновь обретая уверенность в себе.— Вот это место. Точно.

Элфи тяжело дышала.

— Наконец-то. Я с трудом принимаю сигнал. Словно бегу за едва уловимым запахом.

Артемис обнял ее за плечи. Все трое были голодны, измотаны, но чувствовали себя победителями.

— Я думала, ты погиб,— сказала она.

— Я тоже,— признался Артемис.— А потом понял, что не могу умереть, по крайней мере, на этот раз.

— Может, объяснишь, что ты имеешь в виду?

— Потом. За ужином. А пока давай откроем туннель времени, мой верный друг.

Вдруг закрывавшие окно эркера шторы распахнулись. Глазам юноши и эльфийки предстали младший Артемис и Дворецки, облаченные в костюмы из фольги. Телохранитель расстегнул костюм и продемонстрировал висящий на груди огромный пистолет.

— Так что там насчет туннеля времени? — спросил десятилетний Артемис.

Мульч Рытвинг зарывал золотую монетку в качестве жертвоприношения гномьему богу удачи Шамми, как вдруг земля взорвалась у не-

го под ногами, и он оказался верхом на ледо-
кольном носу шаттла.

«А я даже ничего не услышал,— подумал он.— Вот и верь после этого в Шамми».

Мульч не успел даже разобраться, где верх, а где низ, как оказался отброшен к серебристому ясеню и понял, что не в состоянии пошевелить кадыком из-за упретого в него ствола «Нейтрино». Волоски бороды инстинктивно почувствовали недружелюбные намерения оружия и мгновенно обвили ствол.

— Хороший шаттл,— сказал Мульч, чтобы выиграть время и дождаться, когда погаснут звезды в глазах.— С бесшумным двигателем, я полагаю.

Перед ним стояли трое пикси, двое мужчин и одна женщина. Обычно пикси довольно миролюбивые существа, но эти мужчины были вооружены, а женщина явно могла убивать одним взглядом.

— Спорим,— продолжал гном,— вы готовы поджечь мир только ради того, чтобы посмотреть, как он горит.

Опал ввела предложение в блокнот карманного компьютера.

— Спасибо за подсказку. А теперь выкладывай все, что знаешь.

«Посопротивляюсь немногого, а потом накачаю ее дезинфекцией».

— Я тебе ничего не скажу, дьявол в обличье пикси,— заявил он, нервно дергая кадыком.

— О-о,— простонала Опал и топнула ножкой.— Неужели меня никто не боится?

Она сняла перчатку и прижала большой палец к виску Мульча.

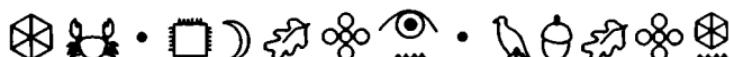
— А теперь покажи мне все.

И, используя последнюю искру добытой нечестным путем магии, она высосала из мозга пленника воспоминания о последних днях. Ощущение оказалось крайне неприятным даже для существа, привыкшего извергать из себя огромные массы материи. Пока враги рылись у него в мозгах, Мульч что-то нечленораздельно бормотал и сучил ногами. Получив желаемое, Опал удалилась, оставив бесчувственного гнома валяться на земле.

Очнется он через час, обнаружит пусковой чип шаттла в кармане, но так и не вспомнит, как он здесь оказался.

Опал закрыла глаза и просмотрела полученные воспоминания.

— Ага,— сказала она с улыбкой.— Туннель времени.

— На это нет времени,— настаивал Артемис.

— А я думаю, есть,— возразил десятилетний Артемис.— Вы вторично проникли ко мне в дом, так извольте по крайней мере объяснить, что значит «туннель времени». Не говоря уже о том, почему вы до сих пор живы.

Старший Артемис убрал волосы с лица.

— Теперь-то ты узнаешь меня. Наверняка.
— Здесь тебе не реклама шампуня. Оставь в покое свои волосы.

Элфи согнулась почти пополам, держась за сердце.

— Скорей,— простонала она.— Или мне придется уйти без тебя.

— Прошу вас,— взмолился Артемис.— Мы должны уйти. Это вопрос жизни и смерти.

Младший Артемис был неумолим.

— Я чувствовал, что вы сюда вернетесь. Здесь все началось, именно на этом месте. Судя по записи камер наблюдения, вы просто возникли в этой комнате. Далее вы последовали за мной в Африку, и мне подумалось, что, если я спасу животному жизнь, вы снова появитесь здесь с моим лемуром. Мы просто заблокировали тепловые излучения наших тел и стали ждать. И дождались.

— Неслишком убедительно,— заметил старший Артемис.— Мы действительно охотились за лемуром. Но тогда зачем нам возвращаться с ним сюда?

— Я понимаю, логика моя небезупречна, но мне терять было нечего. А приобрести, как все мы видим, я мог немало.

Элфи надоело слушать, как Фаул нахваливает сам себя.

— Артемис,— сказала она,— я знаю, ты не бессердечен. Ты хороший человек, хотя сам пока об этом не подозреваешь. Ты пожертвовал бриллиантами, чтобы спасти мне жизнь. Чего тебе стоит просто нас отпустить?

Младший Артемис обдумывал это в течение полутора мучительных минут.

— Правда,— изрек он наконец.— Я должен знать всю правду. Что ты за существо? Почему он выглядит таким знакомым? Зачем вам понадобился лемур? Все без утайки.

Старший Артемис прижал Джуджу к груди.

— Принеси мне ножницы,— сказал он.

Опал вбежала в особняк, небрежно подавив чувство тошноты, неизбежно возникавшее при проникновении в человеческое жилище без приглашения.

«Туннель времени,— подумала она, едва не хихикая от возбуждения.— Наконец-то я проверю свою гипотезу».

Управление временем уже давно являлось конечной целью Опал. Способность контролировать чьи-либо перемещения во времени сулила практически неограниченную власть. Но без лемура ей не хватало для этого магической силы. Чтобы замедлить время всего на несколько часов, собирались целые толпы колдунов-полицейских, а для открытия двери в туннель требовалось просто колоссальные усилия. Гораздо проще сбить Луну с неба.

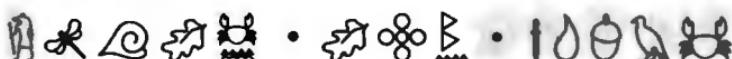
Опал и эту мысль записала в блокнот.

«Обдумать позже: сбить Луну. Осуществимо?»

Опал не сомневалась, что быстро овладеет этой наукой, как только получит доступ в туннель.

«Скорее всего, все происходит на интуитивном уровне, а я, в конце концов, гений».

Она взбежала по лестнице, не обращая внимания на царапины, оставляемые на ее новых туфлях высокими, рассчитанными на людей ступенями. Мервал и Дискант едва успевали за ней, удивляясь столь беспечному отношению к обуви.

— Меня она из-за своих туфель бросила в свинарник,— пробормотал Дискант.— А теперь царапает совсем новые об ступеньки. Типичная для Кобой непоследовательность. Кажется, у меня сейчас откроется язва.

Опал поднялась на верхнюю лестничную площадку и, не задумываясь, влетела в открытую дверь.

— Как она догадалась, в которую комнату ей надо? — спросил Дискант.

— Не знаю,— отозвался Мервал и оперся ладонями о колени. Пикси трудно подниматься по человеческим лестницам. Большие головы, короткие ножки, крошечные легкие.— Может быть, увидела магическое красное свечение в дверях или услышала оглушительное завывание ветра времени.

Дискант кивнул.

— Возможно, ты прав, братец. Кстати, я прекрасно различаю, когда надо мной норовят посмеяться.

Из комнаты, волоча ноги, с кислым лицом вышла Опал.

— Удрали,— сообщила она.— И туннель вот-вот закроется. И туфли я испортила. Поэтому, мальчики, я должна на ком-нибудь отыграться.

Братья Криль переглянулись, развернулись и помчались прочь так быстро, как позволяли их крохотные ножки.

Но недостаточно быстро.

ГЛАВА 14

БИТЫЙ КОЗЫРЬ

Элфи позволила себе расслабиться только после того, как они вошли в поток.

«Пока в безопасности».

Джуджу был в безопасности.

Скоро мать Артемиса поправится, а после этого Элфи кулаком сотрет самодовольную улыбку с лица юноши, который некогда приходился ей другом.

«Я сделал то, что должен был сделать,— сказал Артемис.— И сделал бы снова».

А она поцеловала его. Поцеловала его!

Элфи могла понять мотивы действий Артемиса, но ее глубоко уязвило то, что Артемис посчитал необходимым прибегнуть к шантажу.

«Я все равно помогла бы ему. Определенно».

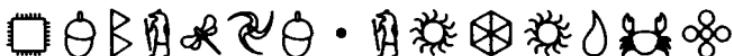
«А помогла бы? Нарушила бы приказ? Может, Артемис был прав, когда решил так поступить?»

Элфи знала, что эти вопросы будут преследовать ее долгие годы. Если ей суждено прожить эти годы.

Это путешествие давалось труднее. Поток времени размывал самоощущение, подтачивая его липким искушением ослабить сосредоточенность. Окутанный мерцающими волнами, ее собственный мир выглядел куда менее значительным. Гораздо приятней существовать, сливвшись с вечной рекой. А если волшебный народец исчезнет из-за какой-то болезни, так и что с того?

Только присутствие Номера Первого будоражило в ней совесть, укрепляло решимость. Сила маленького демона четко проступала в потоке — переливчато-красная нить, тянувшая их сквозь ядовитые испарения. Меж теней мелькали какие-то призрачные существа, юркие и назойливые. Элфи ощущала прикосновение зубов и крючковатых пальцев.

«Что там Номер Первый говорил о квантовых зомби? Скорее всего, пошутил. Пожалуйста, пусть это будет шуткой».

«Сосредоточься! — приказала себе Элфи.— Или растворишься».

Она чувствовала присутствие других живых существ, плывущих вместе с ней. Джуджу вел себя на удивление тихо, учитывая обстановку. Где-то совсем рядом был Артемис, она чувствовала его острую, словно клинок, целеустремленность.

«Номер Первый будет в шоке,— подумала Элфи,— когда мы выскочим из туннеля».

Номер Первый не казался особо шокированным, когда группа вывалилась из туннеля времени и обрела четкие очертания на полу кабинета Артемиса.

— Зомби видели? — спросил он, неприятно шевеля пальцами.

— Благодарение богам! — воскликнул Жеребкинс со всех экранов и громко фыркнул широкими ноздрями.— Это были самые длинные десять секунд в моей жизни. Лемура нашли?

Отвечать не понадобилось, поскольку Джуджу решил, что ему нравится голос Жеребкинса, и лизнул ближайший экран. На крошечном язычке затрещали искорки, и примат отскочил от экрана, сердито зыркнув на Жеребкинса.

— Один лемур,— сказал кентавр.— Самки нет?

Элфи помотала головой, прогоняя мечущиеся перед глазами цветные пятна. Поток задержался в ее голове, как последние секунды сна.

— Нет. Самки нет. Тебе придется его клонировать.

Жеребкинс посмотрел на существо, дрожащее на полу у ног эльфийки, и удивленно поднял бровь.

— Я вижу, у нас...

— Потом обсудим,— резко перебила кентавра Элфи,— а сейчас давай займемся делом.

Жеребкинс задумчиво покивал.

— Судя по всему, у Артемиса имеется некий план. Я только хочу знать, возникнут ли у нас из-за него проблемы.

— Только если мы попытаемся его остановить,— сказала Элфи.

Артемис взял Джуджу на руки и принял гладить, ритмично и успокаивающе пощелкивая языком.

Элфи тоже успокоилась, но Артемис здесь был ни при чем, просто она увидела свое отражение в зеркале. Она снова стала самой собой, и костюм сидел идеально. Взрослая эльфийка. От подростковой неуверенности не осталось

и следа. Она почувствует себя еще лучше, когда вернет все снаряжение. Ничто так не повышает самооценку, как верный «Нейтрин» на бедре.

— Пора навестить мать,— сказал Артемис решительным тоном, выбирая костюм.— Сколько жидкости надо ввести?

— Средство очень сильное,— напомнил Жеребкинс, забивая в компьютер какие-то данные.— Два кубика, не больше. Аптечка Элфи лежит на столике у кровати, там есть шприц-пистолет. Отбирай жидкость из мозга крайне осторожно. В аптечке имеется также обезболивающий состав. Смажь лемуру голову, он ничего и не почувствует.

— Все понял,— сказал Артемис, убирая аптечку в карман.— Я пойду один. Надеюсь, мама узнает меня.

— Я тоже надеюсь,— сказала Элфи.— Иначе как ты объяснишь, почему инъекцию мозговой жидкости лемура ей делает совершенно незнакомый человек?

Рука Артемиса зависла над хрустальной ручкой двери, ведущей в родительскую спальню. В ее гранях дробились отражения лица, все как одно усталые и тревожные.

«Последний шанс. Мой последний шанс спасти ее... Я вечно кого-то спасаю, — подумал он. — А считаюсь преступником. С чего это началось?»

Не время отвлекаться. Сейчас на карту поставлено нечто большее, чем золото и известность в определенных кругах. Мама умирает, а ее спасение сидит у него на плече и перебирает его волосы.

Артемис сжал пальцами ручку. Больше ни секунды раздумий, настало время действовать.

Казалось, в комнате стало прохладней, но Артемис списал это на игру воображения.

«Любой разум способен сыграть злую шутку. Даже мой. Ощущаемый мной холод лишь отражение моего собственного настроения, не более того».

Прямоугольная по форме, спальня родителей занимала почти все западное крыло от фасада до задней части. Скорее ее можно было назвать полноценной квартирой, с гостиной и кабинетом. Большая кровать с пологом стояла так, чтобы летом цветные лучи из средневекового круглого витражного окна падали на изголовье.

Артемис изящно, будто танцовщик, прошел по ковру, стараясь не наступать на ветви лозы на узоре.

«Наступил на виноград — до девяти считай подряд».

Неприятностей и так хватало.

Ангелина Фаул лежала на постели, словно небрежно брошенная кукла. Голова запрокинулась так сильно, что подбородок торчал почти под прямым углом к шее, кожа от бледности казалась полупрозрачной.

«Она не дышит,— подумал Артемис, паника забилась у него в груди пойманной птицей.— Я ошибался. Слишком поздно».

И вдруг все тело матери выгнулось в мучительном вдохе.

В этот момент решимость едва не покинула Артемиса. Ноги у него подкосились, словно ватные, лоб пылал.

«Это моя мать. Как я сделаю то, что нужно?»

Сделаешь. Больше некому.

Артемис подошел к матери и нежно убрал пряди волос с ее лица.

— Я здесь, мама. Все будет хорошо. Я нашел лекарство.

Похоже, Ангелина Фаул услышала слова сына. Веки у нее задрожали, и глаза открылись.

Изменился даже цвет радужек — он стал бледно-голубым, как лед на зимнем озере.

— Лекарство,— прошептала она.— Мой маленький Арти нашел лекарство.

— Правильно,— сказал Артемис.— Маленький Арти нашел лекарство. У лемура. Помнишь мадагаскарского лемура из Ратдаун-парка?

Ангелина подняла тонкий, как карандаш, палец и пошевелила им перед носом Джуджу.

— Крошка-лемур. Лекарство.

Джуджу, испугавшись похожей на скелет, прикованной к постели женщины, спрятался за головой Артемиса.

— Красивый лемурчик,— сказала Ангелина, и легкая улыбка тронула ее губы.

«Теперь я — родитель,— подумал Артемис.— А она — ребенок».

— Можно, я возьму его на руки?

Артемис отпрянул.

— Нет, мама, пока нет. Джуджу — существо особенное. Этот малыш может спасти весь мир.

— Дай мне его подержать...— процедила Ангелина.— На минутку.

Джуджу юркнул Артемису за спину, вцепившись когтями в пиджак, словно понял просьбу и не хотел, чтобы его тискали.

— Пожалуйста, Арти. Мне полегчает, если я возьму его на руки.

Артемис едва не отдал ей лемура. Едва.

— Мама, ты не поправишься, если просто возьмешь его на руки. Я должен ввести тебе в вену жидкость.

Казалось, к Ангелине возвращаются силы. Она медленно передвинулась назад, голова ее скользнула вверх по изголовью.

— Не хочешь меня порадовать, Арти?

— В данный момент я радости предпочитаю здоровье,— отозвался Артемис, не шелохнувшись.

— Ты меня совсем не любишь, сынок? — проворковала Ангелина.— Совсем не любишь свою мамочку?

Артемис быстро вскрыл аптечку и сжал пальцами шприц. По его бледной щеке скатилась одна-единственная слеза.

— Я люблю тебя, мама. Люблю больше жизни. Ты даже представить не можешь, что мне пришлось пережить, чтобы отыскать малыша Джуджу. Просто полежи спокойно пять минут, и этот кошмар кончится.

Взгляд прищуренных глаз Ангелины стал хитрым.

— Я не хочу, чтобы ты делал мне укол. Ты ведь не профессиональная медсестра. Кажется, здесь был врач, или мне приснилось?

Артемис приготовил шприц и теперь ждал, когда замигает зеленый индикатор.

— Мне уже приходилось делать уколы, мама. Я часто делал их тебе, когда ты в прошлый раз... болела.

— Артемис! — рявкнула Ангелина и хлопнула ладонью по простыне.— Я требую, чтобы ты отдал мне лемура. Сию секунду! И позвови врача.

Артемис достал из аптечки ампулу.

— Мама, у тебя истерика. Ты не в себе. Думаю, стоит дать тебе успокаивающее, прежде чем вводить противоядие.

Он вставил ампулу в шприц.

— Нет! — буквально взвигнула Ангелина и с поразительной силой ударила сына по руке.— Не прикасайся ко мне этим подземным снадобьем, глупый мальчишка.

Артемис замер.

— Подземным, мама? Что ты об этом знаешь?

Ангелина закусила губу, как провинившийся ребенок.

— Что? Я сказала «подземным»? Случайно вырвалось. Понятия не имею, что это такое.

Артемис отступил от кровати еще на шаг и крепко прижал к груди Джуджу.

— Скажи правду, мама. Что здесь происходит?

Ангелина бросила изображать невинность, заколотила по постели крохотными кулачками и завизжала от злости.

— Я презираю тебя, Артемис Фаул. Надеяливый человечишка. О, как я тебя ненавижу!

Никто не ожидает услышать подобные слова от своей матери.

Ангелина распростерлась на постели, кипя от гнева. В буквальном смысле: глаза бешено вращались в глазницах, жилы на руках и шее вздулись как стальные тросы. Она непрестанно сыпала угрозами:

— Получив лемура, я уничтожу вас всех: полицию Нижних Уровней, Жеребкинса, Джулиуса Крута — всех до единого. Пошлю лазерных псов в каждый туннель в земной коре, чтобы мерзкий гном нигде не знал покоя. А этой эльфийке-капитану я промою мозги и сделаю своей рабыней.— Она бросила полный ненависти взгляд на Артемиса.— Достойная месть, не так

ли, сынок? — Последнее слово сорвалось с ее губ, как капли яда с зубов гадюки.

Артемис еще крепче прижал к груди Джуджу и почувствовал, что зверек дрожит от страха. Или это его самого тряслось?

— Опал,— сказал он.— Ты преследовала нас до самого дома.

— Дошло наконец! — вскричала мать Артемиса голосом Опал.— Гениальный мальчик докопался до истины.— Тело Ангелины словно окостенело и воспарило над кроватью в клубах пара. Безумный взгляд бледно-голубых глаз пронзal дымку, будто сиясь испепелить Артемиса.— Неужели ты рассчитывал меня обыграть? Неужели считал себя победителем? Какое приятное заблуждение. У тебя даже магии нет. Со мной же по волшебной силе разве что демоны-колдуны способны тягаться. А когда лемур окажется у меня, я стану бессмертной.

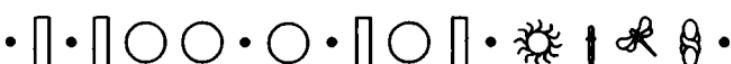
Артемис закатил глаза.

— Забыла сказать — «неуязвимой».

— Ненави-и-жу тебя,— взвыла Опал-Ангелина.— Когда лемур будет у меня, я... я...

— Подвергнешь меня самой мучительной смерти,— подсказал Артемис.

— Точно. Спасибо.

Тело Ангелины медленно перевернулось, приняло вертикальное положение, и вставшие дыбом волосы коснулись потолка.

— А теперь,— сказала она, указывая костяным пальцем на сжавшегося от страха Джуджу,— отдай мне эту тварь.

Артемис спрятал лемура за пазуху.

— Приди и возьми,— сказал он.

В это время Элфи растолковывала оставшимся в кабинете идею Артемиса.

— Это все? — спросил Номер Первый, когда она закончила.— Не забыла упомянуть какие-нибудь важные детали? Среди которых затесалась бы крупица здравого смысла?

— Полный бред,— возвестил с экранов Жеребкинс.— Все, ребята, заканчивайте. Мы свое дело сделали. Пора возвращаться под землю.

— Уже скоро,— заверила Элфи.— Дадим Артемису минут пять, чтобы он проверил свои догадки. Нам надо только не зевать.

Из динамиков донесся вздох кентавра.

— По крайней мере, позвольте мне связаться с шаттлом. Отряд у Тары ждет отмены приказа.

Элфи на минуту задумалась.

— Хорошо. Свяжись с ними. В любом случае мы должны быть готовы быстро покинуть поместье. А потом, будь добр, осмотри усадьбу и выясни, где находится медсестра.

Жеребкинс перевел взгляд влево и связался с Тарой.

Элфи повернулась к Номеру Первому.

— На всякий случай позабочься, чтобы у тебя на кончиках пальцев плясали искорки твоей фирменной магии. Я почувствую себя в безопасности, только когда Ангелина выздоравливает, а мы будем потягивать искусственный кофе в одном из баров Гавани.

Номер Первый воздел руки, и скоро по ним прокатилась рябь красной магии.

— Никаких проблем, Элфи. Я готов ко всему.

В этом утверждении не хватало слова «почти».

И в тот же миг мониторы погасли, а дверь распахнулась с такой силой, что ручка врезалась в стену. В проеме возникла огромная фигура Дворецки.

Улыбка сползла с лица Элфи, как только она заметила пистолет в руке телохранителя и зеркальные очки у него на носу.

«Он вооружен и не хочет, чтобы его загипнотизировали».

Элфи не жаловалась на скорость реакции, но Дворецки оказался проворней, кроме того, он умело воспользовался фактором внезапности — в конце концов, в данный момент он должен был лететь в Китай. Эльфийка схватилась за оружие, но гигант без особого труда выбил «Нейтрину» у нее из рук.

«Ладно,— подумала Элфи.— Есть и другие способы. У нас есть магия. Номер Первый заставит тебя обалдеть».

Дворецки втащил в комнату тележку. На ней лежала покрытая рунами стальная железная бочка.

«Что это? Что он делает?»

Номер Первый успел выпустить только одну, притом не самую мощную молнию, которая опалила рубашку на груди Дворецки, заставив его отпрянуть, но, пятясь, телохранитель резким движением втолкнул бочку в комнату. Густая гадость выплеснулась из нее Номеру Первому на ноги. Бочка покатилась дальше и сбила демона и эльфийку с ног, как кегли.

Колдун озадаченно смотрел на угасающие, будто свечи на ветру, искорки магии на кончиках пальцев.

— Мне что-то нехорошо,— простонал он и упал как подкошенный, вращая глазами и бормоча древние заклинания, от которых, естественно, не было ни малейшего толку.

«Что там такое в этой бочке?» — недоумевала Элфи, расчехляя крылья.

Она едва успела взлететь, как Дворецки схватил ее за лодыжку и без лишних церемоний сунул в бочку. Эльфийка почувствовала, как густая жидкость сдавила ее влажным кулаком, проникая в ноздри, заполняя горло.

Пахло просто отвратительно.

«Животный жир,— догадалась Элфи и невольно вздрогнула от ужаса.— Чистый топленый жир, да еще с заклинаниями».

Животный жир издревле применяли в качестве средства подавления магии. Даже самый могущественный колдун, будучи погружен в топленый жир, становился абсолютно беспомощен. Если сунуть колдуна в бочку с топленым жиром, закрыть ее крышкой, сплетенной из ивой коры, и закопать на освященном человеческом кладбище, он делался безобиднее котенка в мешке. Процедура была отвратительной еще и потому, что все подземные жители являлись убежденными вегетарианцами и пре-

красно понимали, сколько животных должно погибнуть, чтобы набралась целая бочка жира.

«Кто рассказал об этом Дворецки? — недоумевала Элфи.— Кто управляет его действиями?»

Потом рядом с ней в бочке оказался Номер Первый, и жир накрыл их с головой. Элфи рванулась вверх. И успела заметить, как на бочку, заслоняя свет, опускается крышка.

«И шлема нет,— посетовала она.— Будь у меня хотя бы шлем...»

Крышку опустили и надежно закупорили. Жир начал затекать Элфи за шиворот, обволакивать лицо, заполнять уши. Заклинания извивались вокруг, как хищные змеи, не давая ей защититься собственной магией.

«Все пропало,— подумала Элфи.— Самая страшная смерть, которую только можно вообразить. Заперта в тесном пространстве. Как мама».

Рядом с ней корчился Номер Первый. Вероятно, маленький колдун чувствовал себя так, будто из него душу вынимают.

Элфи запаниковала. Брыкалась и лягалась, обдирая локти и колени. Но стоило магии попытаться исцелить ее раны, змеи заклинаний тут же налетали и проглатывали искорки.

Она едва не открыла рот, чтобы закричать,— только последняя капля благоразумия остановила эльфийку. И тут что-то коснулась ее лица. Гофрированная трубка. Рядом с первой появилась вторая.

«Дыхательные трубки...»

Дрожащими пальцами Элфи нашупала конец трубки, с трудом подавив в себе порыв сунуть ее в рот Номеру Первому.

«В экстренной ситуации в первую очередь обеспечивай собственную безопасность, а потом начинай помогать гражданскому населению».

Поэтому Элфи истратила последний оставшийся в легких глоток воздух на продувание трубки, как поступил бы аквалангист. Она даже представила, как брызги жира разлетаются по комнате.

«Надеюсь, они попали Дворецки на костюм»,— подумала она.

Теперь оставалось только вдохнуть. Воздух со свистом ворвался в горло вместе с мерзкими сгустками жира. Элфи еще раз резко выдохнула, прочищая трубку до конца.

Пора было позаботиться о Номере Первом. Он уже почти не шевелился, окончательно вы-

бившись из сил. Существу, наделенному безграничной мощью, такое положение должно было казаться невыносимым. Элфи заткнула свою трубку большим пальцем и продула вторую, прежде чем вставить ее в безвольно приоткрытый рот демона. Поначалу он никак не реагировал, и она уже испугалась, что опоздала, но вот колдун дернулся, зачихал и завелся, как старый двигатель морозным утром.

«Жив,— подумала Элфи.— Мы оба живы. Если бы Дворецки хотел нас убить, мы бы уже умерли».

Она прочно уперлась ногами в дно бочки и крепко обняла Номера Первого. Спокойствие прежде всего.

«Тихо,— транслировала она ему, хотя понимала, что восприимчивость демона в данный момент подавлена.— Тихо, мой маленький друг. Артемис спасет нас».

«Если он еще жив»,— добавила она, постравившись эту мысль оставить при себе.

Артемис попятился от нависшей над ним кошмарной копии матери. Джуджу визжал и бился в его руках, но Артемис крепко держал его, машинально поглаживая по поросшей мягкой шерстью макушке.

— Отдавай животное,— потребовала Опал.— У тебя нет выбора.

Артемис сжал горло Джуджу между большим и указательным пальцем.

— А мне кажется, есть.

Опал пришла в ужас.

— Ты не станешь убивать невинное существо!

— Я уже проделывал это раньше.

Пикси заглянула ему в глаза.

— Но повторить не сможешь, Артемис Фаул. Интуиция подсказывает мне, что ты не такой бессердечный, каким пытаешься казаться.

Она не ошиблась. Артемис не смог бы причинить вред Джуджу даже ради того, чтобы остановить эту безумную. Впрочем, сообщать об этом Опал Фаул не собирался.

— Я бессердечный, пикси. Поверь мне. Попробуй при помощи своей хваленой магии залезть мне в душу.

Его тон заставил Опал задуматься. В голосе чувствовалась решимость, поступки юноши становилось все труднее просчитывать. Может, не стоило так неосторожно играть с ним.

— Хорошо, человек. Отдай мне животное, и я пощажу твоих друзей.

— У меня нет друзей,— парировал Артемис, хотя понимал очевидность подобного блефа.

Опал провела здесь не меньше нескольких дней и, вне всякого сомнения, успела взломать системы наблюдения и безопасности.

Ангелина-Опал задумчиво почесала подбородок.

— Гмм... нет друзей. Кроме эльфийки из ЛеППРКОНа, отправившейся с тобой в прошлое, и, конечно, демона-колдуна, вернувшего тебя оттуда. Не говоря уже о громиле охраннике с его громко гремящей пушкой.

«Аллитерация,— отметил Артемис.— Она играет со мной».

— Впрочем,— задумчиво произнесла Опал-Ангелина,— Дворецки вряд ли можно считать твоим другом. Скорее моим.

Это заявление не могло не насторожить и, возможно, соответствовало истине. Артемис, считавший себя большим специалистом по языку жестов и предательским нервным тикам, был совершенно сбит с толку этим безумным вариантом собственной матери.

— Дворецки не стал бы по собственной воле тебе помогать!

Опал пожала плечами. Замечание было справедливым.

— А кто говорит о собственной воле?

Артемис побледнел.

«Ого».

— Позволь объяснить, что именно произошло,— произнесла Опал ласковым тоном.— Я покопалась в мозгах у своих помощничков, дабы они не могли донести на меня, и отправила их на шаттле в Гавань. Потом воспользовалась твоим же временным туннелем, прежде чем он успел захлопнуться. Учитывая мои способности, это оказалось нетрудно. Ты даже не потрудился защитить вход заклинанием.

Артемис щелкнул пальцами.

— Так я и знал, что упустил из виду какую-то мелочь.

Опал едва заметно улыбнулась.

— Восхитительно. Достаточно быстро я поняла, что все равно всю ответственность за эту историю возложили — или возложат — на меня, поэтому покинула туннель на несколько дней раньше и потратила это время на ознакомление с твоими близкими: матерью, отцом, Дворецки.

— Где моя мать? — крикнул Артемис.

Гнев молотом крушил изнутри ледяную броню внешнего безразличия.

— Рядом с тобой, мой мальчик,— пропела Опал голосом Ангелины.— Я тяжело больна и хочу, чтобы ты отправился в прошлое и поймал для меня волшебную обезьянку.— Она глумливо расхохоталась.— Люди такие идиоты!

— Следовательно, изменяющие внешность заклинания тут ни при чем?

— Конечно нет, придурок. Я прекрасно знала, что Ангелину будут осматривать. Упомянутые тобой заклятия работают только на уровне кожи, и даже мастер моего класса способен поддерживать их лишь весьма непродолжительное время.

— Значит, моя мать не умирает? — Артемис уже знал ответ, но хотел лишний раз убедиться в правильности своей догадки.

Опал заскрежетала зубами, разрываясь между нетерпением получить животное и желанием продемонстрировать гениальность своего плана.

— Пока нет. Но скоро нанесенный ее организму ущерб станет необратимым. Я овладела ее сознанием с расстояния — это высшая форма гипнотических чар. Благодаря своим способностям я могу управлять ее внутрен-

ними органами. Симуляция чаротропии — детские игрушки. А когда маленький Джуджу окажется у меня, я смогу открыть собственную дыру во времени.

— Значит, ты где-то рядом? Я имею в виду, настоящая.

Опал надоело отвечать на вопросы.

— Да. Нет. Какая разница? Я выиграла, ты проиграл. Смирись с этим, или все умрут.

Артемис незаметно отступил к выходу.

— Игра еще не окончена.

Из-за двери доносились шаги и какое-то странное поскрипывание. Артемис подумал про тачку, но он плохо разбирался в садовых инструментах.

— А по-моему, окончена,— лукаво произнесла Опал.

Тяжелые створки содрогнулись от ударов снаружи. Сгорбленный и дрожащий Дворецки, едва передвигая ноги, вкатил тачку в комнату.

— С ним пришлось изрядно повозиться,— сказала Опал почти с восхищением.— Я загипнотизировала его, но он отказался убивать твоих друзей. У дурака едва сердце не лопнуло. Я только и смогла заставить его найти бочку и заполнить ее жиром.

— Чтобы подавить их магию,— высказал предположение Артемис.

— Разумеется, кретин. А вот теперь игра действительно закончилась. Дворецки — мой туз в рукаве, как сказали бы люди. У меня на руках все козыри. Ты остался один. Отдай мне лемура, и я вернусь в свое время. Никто не пострадает.

«Если Опал получит лемура, пострадает вся планета», — подумал Артемис.

Опал щелкнула пальцами.

— Дворецки, отбери у него животное.

Дворецки шагнул к Артемису и остановился. Его широкая спина затряслась, пальцы превратились в когти, которыми он сжимал воображаемую шею.

— Я сказала, отбери животное, тушица.

Телохранитель рухнул на колени и заколотил кулаками по полу, силясь прогнать голос из своей головы.

— Хватай лемура! — завопила Опал.

У Дворецки достало сил, чтобы произнести три слова:

— Иди... к... черту.

Потом он схватился за плечо и повалился на пол.

— Ой,— воскликнула Опал.— Сердечный приступ. Я его сломала.

«Сосредоточься,— приказал себе Артемис.— Пусть все козыри на руках у Опал, но один из них вполне может оказатьсябитым».

Артемис пощекотал Джуджу под подбородком.

— Спрячься, малыш, спрячься.

Сказав это, он подбросил лемура к висевшей на потолке люстре. Джуджу перекувырнулся в воздухе, но в следующий момент вцепился в стеклянную поперечину, стремительно побежал ближе к свету и юркнул в гущу хрустальных подвесок.

Опал мгновенно потеряла интерес к Артемису и попыталась переместить тело Ангелины к люстре, но скоро поняла, что такая дистанционная левитация не по плечу даже ей, и завизжала от злости.

— Доктор Шальке! — крикнула она, и где-то рядом этот крик повторили ее собственные губы.— Шальке, немедленно в спальню!

Артемис запомнил эту информацию и бросился, проскочив под Опал, к кровати. Он помнил, что рядом с ней среди других медицинских приборов стоит портативный дефибриллятор. Быстро включив аппарат, он подкатил

тележку, насколько позволял шнур питания, ближе к упавшему Дворецки.

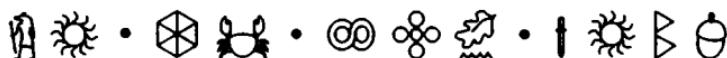
Телохранитель лежал лицом вверх, выставив перед собой ладони, словно он пытался столкнуть с груди невидимый камень. Кожа на лице натянулась от напряжения всех сил, глаза закрыты, зубы стиснуты, лоб блестит от пота.

Артемис расстегнул на гиганте рубашку, обнажив покрытую шрамами мощную грудь. Поверхностный осмотр показал, что сердце не бьется. Тело Дворецки умерло, жил только мозг.

— Держись, старина, — пробормотал Артемис, пытаясь сосредоточиться.

Он вынул электроды дефибриллятора из футляров, снял одноразовые защитные оболочки, на контактных поверхностях остался тонкий слой проводящего геля. Ему показалось, что в процессе подзарядки электроды тяжелеют в его руках, а когда загорелся зеленый индикатор, они превратились в две неподъемные гири.

— Отошли все! — крикнул он, ни к кому не обращаясь, прижал электроды к груди друга и нажал большими пальцами на кнопки разряда, послав триста шестьдесят джоулей электричества в сердце телохранителя.

Тело Дворецки выгнулось, Артемису в нос ударили запах паленых волос и кожи. По гелю пробежали искры, он зашипел, а когда Артемис убрал электроды, на груди остались два круглых ожога. Глаза Дворецки открылись, и он схватил Артемиса за плечи мощными руками.

«Он по-прежнему раб Опал?»

— Артемис,— прошептал Дворецки и нахмурился, ничего не понимая.— Артемис?.. Как?..

— Потом, старина,— отрывисто бросил ирландец, переключаясь на решение следующей проблемы.— Отдыхай пока.

Этот приказ повторять не пришлось. Дворецки немедленно погрузился в полубессознательное состояние, но сердце в его груди билось нормально. Состояние клинической смерти длилось не настолько долго, чтобы возникли серьезные повреждения мозга.

Следующая проблема заключалась в Опал, а точнее, в изгнании пикси из тела матери. Если не разобраться с этим в ближайшие секунды, мать уже не оправится — в этом Артемис не сомневался.

Сделав несколько глубоких вдохов и собравшись с силой, Артемис сосредоточился на па-

рящем теле матери. Ангелина крутилась под люстрой, словно подвешенная, и пыталась схватить Джуджу, который, казалось, дразнил ее, упорно поворачиваясь к ней хвостом.

«Разве можно вообразить более сюрреалистическую картину?»

В этот миг в комнату ворвался доктор Шальке, размахивая пистолетом, слишком большим для его изящных ручек.

— Я пришел, исчадие ада, но, должен заметить, мне не нравится твой тон. Возможно, ты зачаровала меня, но животным я не стал.

— Заткнись, Шальке. Судя по всему, придется поджарить тебе еще несколько мозговых клеток. А теперь, пожалуйста, достань мне этого лемура!

Шальке показал четырьмя пальцами свободной руки на люстру.

— Лемур находится на значительной высоте, не так ли? Как я его достану? Не проще ли пристрелить его?

Опал, замахав руками и ногами, налетела на него, как гарпия.

— Нет! — взвизгнула она, осыпая его голову и плечи градом ударов.— Я застрелю сотню таких, как ты, нет, тысячу, прежде чем позволю хоть одному волоску упасть с этого су-

щества. В нем будущее. Мое будущее! Будущее всего мира!

— Конечно,— сказал врач.— Полагаю, не будь я под гипнозом, рот бы от изумления разинул.

— Стреляй в людей,— приказала Опал.— Сначала в мальчишку, он самый опасный.

— Ты уверена? Этот человек-гора кажется мне более грозным.

— Пристрели щенка! — взвыла Опал, и от злости у нее по щекам покатились слезы.— Потом Дворецки, а потом застрелись сам.

Артемис проглотил комок в горле. Времени оставалось в обрез, его сообщнику следовало поторопиться.

— Хорошо,— сказал Шальке, пытаясь снять «ЗИГ-Зауэр» Дворецки с предохранителя.— Все, что угодно, лишь бы прекратить этот ба-лаган.

«В моем распоряжении всего несколько секунд, пока он разбирается с предохранителем,— подумал Артемис.— Всего несколько секунд, чтобы отвлечь Опал. Придется показать, что ее козырь бит».

— Перестань, Опал,— сказал Артемис спокойным тоном, хотя это далось ему нелегко.—

Неужели ты станешь убивать десятилетнего мальчишку?

— Конечно стану,— не задумываясь ответила пикси.— Я собираюсь клонировать тебя, чтобы убивать снова и снова. Блаженство!

Потом до нее дошли все сказанные Артемисом слова.

— Десятилетнего? Ты сказал, что тебе десять лет?

Артемис, забыв обо всех окружающих его опасностях, наслаждался маленькой победой. Пьянящее чувство.

— Да, я сказал именно это. Мне десять лет. Моя настоящая мать заметила бы это сразу.

Опал пожевала костяшки пальцев левой руки Ангелины. Задумалась.

— Ты — Артемис Фаул из моего времени? Тебя переместили сюда?

— Конечно.

Опал шарахнулась от него, словно подхваченная порывом ветра.

— Здесь есть другой. Где-то рядом. Другой Артемис Фаул!

— Наконец-то,— произнес Артемис с насмешкой.— Гениальная пикси докопалась до истины.

— Найди его! — завизжала Опал.— Найди немедленно! Сейчас же!

Шальке поправил очки на носу.

— Сейчас же и немедленно. Очевидно, это есть воистину важно.

Опал проводила его полным ненависти взглядом.

— Когда все закончится, я разрушу это поместье ради удовольствия. А потом, когда вернусь в прошлое, я...

— Можешь не продолжать,— перебил ее десятилетний Артемис Фаул.— Ты разрушишь его еще раз.

Почти восемь лет назад

Когда у четырнадцатилетнего Артемиса появилось время подумать — между прогулками по высоковольтным проводам и схваткой с кровожадными экстинкционистами,— он обнаружил в истории маминой болезни некоторые неувязки. Предположительно, чаротропией заразил ее он, но кто передал болезнь ему? Магия Элфи проникала в его тело в прошлом, но Элфи была жива и здорова. Почему она не заболела? Или, если на то пошло, почему не

заразился Дворецки? Телохранителя исцеляли столько раз, что он, считай, уже наполовину эльф.

В конце концов, почему из многих тысяч людей, подвергавшихся каждый год воздействию магии на предмет исцеления, гипноза или стирания памяти, заболела только его мать? Мать единственного человека на Земле, способного что-то предпринять в подобной ситуации. Странное совпадение. Чересчур странное.

Итак. Либо кто-то умышленно заразил его мать, либо симптомы были воспроизведены при помощи магии. В любом случае последствия это имело одинаковые: Артемис отправился в прошлое за противоядием — шелковистой сифакой по имени Джуджу.

А кто еще хотел найти Джуджу так же сильно, как Артемис? Ответ на этот вопрос тоже крылся в прошлом. Опал Кобой, конечно. Маленький лемур являлся источником последнего ингредиента для ее магического коктейля. Влейся ей в кровь мозговая жидкость лемура, пикси стала бы самым могущественным существом на планете. И если Опал не сумела изловить Джуджу в своем времени, значит, она намеревалась получить его в будущем. Во что бы то ни стало. Вероятно, она проникла

вслед за ними во временной туннель, покинула его чуть раньше и организовала все последующие события. Теоретически, по получении желаемого ей не составило бы особого труда вернуться назад.

Даже у Артемиса от этого всего голова шла кругом. Опал не оказалась бы в его настоящем, если бы он не вернулся в прошлое. А в прошлое он вернулся только из-за ее козней. Первая попытка вылечить мать и стала причиной ее заражения.

В одном он не сомневался — за всем этим стояла Опал. И до, и после. Она последовательно загоняла их всех в свою ловушку. Парадокс времени.

«Если в этом уравнении присутствуют две Опал, — подумал юноша, — значит, должны остаться два Артемиса».

И в голове у него созрел план.

Как только младший Артемис выяснил все подробности и убедился в их достоверности, он согласился сопровождать их в будущее, несмотря на громкие возражения Дворецки.

— Это моя мама, Дворецки, — просто сказал он. — Я должен ее спасти. А тебе приказываю оставаться рядом с ней до моего возвра-

щения. В любом случае без меня у них нет ни малейшей надежды на успех.

— Куда уж нам,— насмешливо произнесла Элфи Малой.

Миг спустя, когда перед ними распахнулся вход в туннель времени, напоминающий пасть сгенерированного компьютером гигантского змея, она с удовлетворением заметила, что выражение высокомерия исчезло с лица мальчишки.

— Выше голову, вершок,— сказала она, когда младший Артемис увидел, как растворилась в туннеле его рука.— Берегись квантовых зомби.

Это путешествие по туннелю времени далось старшему Артемису особенно тяжело. Любой другой человек от частого воздействия подобного излучения рассыпался бы в пыль, но Артемис, исключительно благодаря силе воли, выдержал и это испытание. Он сосредоточился на решении недоказуемых теорем с кардинальными числами и сочинении финала незавершенной Восьмой симфонии Шуберта.

И это помогло. В процессе он уловил критическое замечание, мысленно высказанное его младшим «я»: «Опять си-минор? Уверен?»

Неужели он действительно был таким несносным? Какая скука. Неудивительно, что большинство людей его недолюбливали.

Особняк Фаулов, настоящее время

Вернувшись в свое время и свой дом, старший Артемис лишь на секунду заскочил в кабинет за одеждой, попросив Жеребкинса и Номера Первого вести себя тихо простым «шшш». Он быстро прошел по коридору к кухонному лифту рядом с расположенной на третьем этаже чайной комнатой. Не самый прямой маршрут к центру охраны и наблюдения, проще говоря, окольный и неудобный, но только он позволял тайно перемещаться по дому.

Дворецки полагал, что под наблюдением видеокамер находится каждый квадратный дюйм особняка, за исключением, конечно, личных покоев Фаулов, но Артемис уже давно научился ходить по дому незаметно. Иногда приходилось прятаться в темных углах, залезать на мебель, спускаться по шахте кухонного лифта и наклонять под нужным углом высокие зеркала.

Существовал риск, что этот путь сумеет вычислить и враг, определив нужные координаты и траектории, и таким образом тайно проникнет в дом. Возможно, но маловероятно, по крайней мере, без знания углов и закоулков, не обозначенных ни на одном плане.

Артемис зигзагами пересек зал за секунду до поворота камеры и быстро нырнул в шахту кухонного лифта. К счастью, кабина, предназначенная для подачи блюд, находилась на этом этаже, иначе ему пришлось бы спускаться по тросу, а он никогда не испытывал тяги к физическим упражнениям. Артемис втиснулся в кабину и нажал кнопку первого этажа на панели снаружи, едва успев убрать руку, чтобы ему не оттяпало кисть. Охранная система, конечно, отметит пришедший в движение кухонный лифт, но тревоги не поднимет.

Оказавшись на уровне кухни, Артемис выкатился на пол и распахнул дверь холодильника, чтобы незаметно проникнуть в кладовую. Он прятался в густой тени, пока камера не отвернулась от дверного проема, потом залез на стол и выпрыгнул из кухни.

Все это время он напряженно думал. Строил план.

«Предположим худшее. Младший Артемис беспомощен, а Элфи и Номер Первый выведены из строя. Это вполне вероятно, если некто вроде Дворецки окажется загипнотизированным и займется ими. Опал где-то рядом с командным центром, управляет оттуда матерью. Именно Опал заметила магию внутри меня, а не мама. Она сняла заклинание, которое я наложил на родителей».

И, параллельно:

«Конечно в си-миноре. Если симфония начинается в си-миноре, то и заканчиваться она должна в нем же. Любой дурак это знает».

В главном зале стояли рыцарские доспехи. Именно в них Дворецки сражался с троллем пять лет тому назад, во время осады особняка Фаулов. Артемис стал медленно подбираться к ним, прижимаясь спиной к висящему на стене серо-черному гобелену с абстрактным рисунком, служившему почти идеальной маскировкой. Спрятавшись за доспехами, он перешел основание стоявшего рядом зеркала так, чтобы оно отражало луч точечного светильника прямо в объектив камеры.

Расчистив таким образом путь к центральному пульту охраны и наблюдения, Артемис

решительным шагом направился к двери. Опал находилась там, он был уверен в этом. Отсюда она могла контролировать весь дом, кроме того, пост располагался прямо под спальней Ангелины. Чем ближе, тем лучше, если, конечно, Опал действительно управляла действиями его матери.

Он понял, что не ошибся, когда до поста оставалось еще несколько метров: до него доделетел взволнованный голос Опал:

— Здесь есть другой. Где-то рядом. Другой Артемис Фаул!

Либо до нее самой дошло, либо младшему Артемису пришлось раскрыть карты.

— Найди его! — завизжала Опал.— Найди немедленно! Сейчас же!

Артемис быстро прошел на пост охраны — небольшой чулан рядом с главным залом, служивший в разное время гардеробной, арсеналом и карцером. Теперь здесь помещался компьютерный стол, похожий на те, что используются в монтажных студиях, и ряды мониторов, отражавших все, что происходило в самом доме и рядом с ним.

Перед мониторами сидела Опал в полицейском костюме Элфи. Ей не пришлось его

красть — Артемис запер его в сейфе всего несколько минут назад.

Крошечная пикси отчаянно пыталась выполнять несколько задач одновременно: следила за мониторами и дистанционно управляла матерью Артемиса. Ее темные волосы слиплись от пота, а детские ручки дрожали от напряжения.

Артемис прокрался в комнату и быстро ввел код замка оружейного шкафа.

— Когда все закончится, я разрушу это поместье ради удовольствия. А потом, когда вернусь в прошлое, я...

Услышав щелчок за спиной, Опал замерла, медленно обернулась и увидела Артемиса, направившего на нее какое-то оружие. Она немедленно бросила прочие занятия и сосредоточилась на гипнотических чарах.

— Брось пистолет,— нараспев произнесла она.— Ты — мой раб.

Артемис сразу же почувствовал слабость и тошноту, но успел нажать на спусковой крючок, и дротик, заполненный составленной лично Дворецки смесью миорелаксанта и снотворного, впился длинной иглой в шею Опал там, где она не была защищена костюмом. Блестящий выстрел, поскольку стрелок из Артемиса

был никудышный. Как говаривал Дворецки: «Возможно, ты гений, Артемис, но стрелять предоставь мне, ибо ты не попадешь даже спящему слону в задницу».

Опал попыталась сосредоточиться на месте укола и исцелить его магическими искрами, но опоздала. Лекарство уже проникло в мозг, лишив ее контроля над внутренней магией.

Она начала раскачиваться и менять обличье, становясь то пикси, то мисс Бук.

«Мисс Бук,— подумал Артемис.— Мои подозрения оправдались. Единственный неизвестный член уравнения».

Периодически Опал исчезала совсем, и тогда начинал гудеть защитный экран. Магические молнии слетели с кончиков пальцев и соожгли мониторы, прежде чем Артемис успел взглянуть, что происходит на верхнем этаже.

— Теперь и молнии получаются,— промяглила она.— Всю неделю магию копила.

Перед ней возник магический вихрь, постепенно принявший четкие очертания — грубое изображение хохочущего Жеребкинса.

— Ненавижу тебя, кентавр! — закричала Опал, бросилась вперед и пролетела сквозь бесплотное изображение.

Потом глаза ее закатились, она упала на пол и захрапела.

Артемис поправил галстук.

«Фрейд упивался бы этим зрелищем», — подумал он.

Юноша поспешил в родительскую спальню. По ковру растекался жир. От переливающейся перламутром лужи маленькие следы вели в смежную со спальней ванную комнату. Артемис услышал, как бьют по плиткам пола мощные струи душа.

«Опал использовала животный жир, чтобы подавить магию Номера Первого. Как подло. Как ужасно».

Младший Артемис внимательно изучал мерзкого вида субстанцию.

— Взгляни, — сказал он, заметив себя старшего. — Опал использовала животный жир, чтобы подавить магию Номера Первого. Гениально.

Несмотря на шум воды, было слышно, как кого-то рвет. Дворецки, не жалея сил, поливал протестующих Элфи и Номера Первого. Судя по звукам, они не были ни веселы, ни здоровы.

«Но живы. Оба живы».

Закутанная в пуховое одеяло Ангелина лежала на постели. Она еще не пришла в себя, но...

ему показалось или бледные щеки действительно чуть-чуть порозовели? Она закашлялась, и оба Артемиса мгновенно подскочили к кровати.

Старший Артемис, изогнув бровь, взорил-ся на младшего.

— Тебе не кажется, что может возникнуть недоразумение? — многозначительно спро-
сил он.

— Конечно может,— согласился десятилет-
ний Артемис.— Давай я пока покопаюсь в тво-
ем... моем кабинете? Посмотрю, с чем придет-
ся иметь дело.

«А это проблема,— сообразил четырнадца-
тилетний Артемис.— Проклятая любознатель-
ность. Видно, не стоило обещать, что я не со-
тру у своего младшего “я” память. Надо что-то
придумать».

Ангелина очнулась. Взгляд голубых глаз,
обведенных черными кругами на изможден-
ном лице, был спокойным.

— Артемис,— произнесла она шелестящим,
как кора дерева под сухими пальцами, голо-
сом,— мне снилось, что я летала. И еще мар-
тышка...

Артемис вздохнул с облегчением. Опас-
ность миновала. Он успел.

— Это был лемур, мама. Мамочка.

Ангелина с трудом улыбнулась, подняла руку и погладила его по щеке.

— Мамочка. Я долго ждала, чтобы ты меня так назвал. Так долго...

С улыбкой на губах Ангелина откинулась на подушку и погрузилась в глубокий здоровый сон.

«Как раз вовремя,— подумал Артемис.— А то, чего доброго, заметила бы странных существ в ванной или лужу жира на ковре. Или второго Артемиса, неумело спрятавшегося за книжным шкафом».

Из ванной вышел Дворецки, голый по пояс, мокрый с головы до пят, с отчетливо проступавшими на груди ожогами от электродов. Он был бледнее, чем обычно, и даже прислонился к косяку, чтобы не упасть.

— С возвращением,— кивнул он старшему Артемису.— Этот младший — весь в тебя. Либо меня запустил.

— Он и есть я,— криво усмехнулся юноша.

Дворецки показал большим пальцем за спину.

— Тем двоим не понравилось плавать в бочке.

— Животный жир — настоящий яд для волшебных созданий,— объяснил Артемис.— Он блокирует магические потоки. Лишает их сил.

Дворецки помрачнел.

— Опал меня заставила. Она... мисс Бук подошла ко мне у ворот, когда я уезжал в аэропорт. Я оказался заперт в собственном черепе.

Артемис положил телохранителю руку на плечо.

— Я знаю. Не извиняйся.

Дворецки вспомнил, что у него нет оружия, и сообразил, у кого оно сейчас.

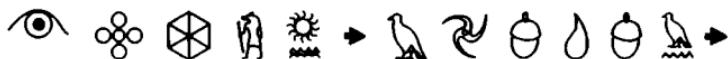
— Что ты сделал с Шальке? Вырубил дро-тиком?

— Нет. Наши пути не пересеклись.

Дворецки направился к дверям спальни, Артемис последовал за ним.

— Опал управляет им, правда, ей пришлось постараться. Мы должны немедленно задержать их обоих.

До поста охраны они добирались нескользко минут — Дворецки едва передвигал ноги — и, конечно, Опал уже не застали. Артемис подбежал к окну и успел заметить массивный бампер скрывавшегося за поворотом старин-

ногого «мерседеса». На заднем сиденье мелькала крошечная фигурка, то обретая черты Опал, то становясь мисс Имоджин Бук.

«К ней уже возвращаются силы», — понял Артемис.

Задыхающийся Дворецки навис над ним.

— До конца еще далеко, — сказал он.

Артемис промолчал: Дворецки просто констатировал очевидное.

Потом шум двигателя изменился по громкости и тону.

— Переключили передачу, — сказал Дворецки. — Она возвращается.

Хотя это не стало для него неожиданностью, Артемис почувствовал, как стынет кровь в жилах.

«Конечно, возвращается, — подумал он. — Другого такого шанса у нее не будет: Дворецки едва держится на ногах, Элфи и Номер Первый придут в себя только через несколько часов, а я — всего лишь человек. Если она отступит сейчас, то лишится Джуджу навсегда. Скоро прибудет из Тары отряд Жеребкинса и спрячет лемура глубоко под землей. Еще минут пять преимущество на стороне Опал».

Артемис быстро составил план действий.

— Джуджу надо увезти отсюда. Пока он в доме, нам всем грозит опасность. Кобой убьет нас всех, чтобы замести следы.

Дворецки кивнул, пот градом катился по его изрезанному морщинами лицу.

— Да. Мы успеем добраться до «сессны».

— Я успею добраться до «сессны», старина, — поправил его Артемис. — Тебе я поручаю защиту матери и друзей, не говоря уже о том, что нельзя пускать младшего меня в Интернет. Он гораздо опасней Опал.

Это была разумная тактика, и Дворецки все понял, прежде чем Артемис успел открыть рот. Телохранитель был настолько не в форме, что только задержал бы Артемиса. К тому же дом остался бы без защиты, и любые рабы Опал могли бы проникнуть внутрь и реализовать мстительные планы хозяйки.

— Отлично. Не поднимайся выше трех тысяч метров и следи за закрылками — они слегка залипают.

Артемис кивнул, словно не знал об этом. Дворецки всегда успокаивался, раздавая указания.

— Три тысячи. Закрылки. Все понял.

— Пистолет не нужен? У меня есть небольшая «беретта».

Артемис покачал головой.

— Никаких пистолетов. Я настолько бездарен, что даже при наличии Элфиного глаза способен разве пальцы себе отстрелить. Нет, мне нужна только приманка.— Он помолчал.— И темные очки.

ГЛАВА 15

САМОЕ ЖУТКОЕ УБИЙСТВО

Семье Фаулов принадлежали три воздушных судна. Реактивный «лирджет» и вертолет «Сикорски» томились в ангаре в ближайшем аэропорту, а маленькая «сессна» занимала небольшой гараж-мастерскую рядом с лугом на северной границе поместья. «Сессна» летала много лет и давно подлежала списанию, не задумай Артемис один проект. Он поставил себе задачу переоборудовать самолет под экологически чистое топливо и при этом сделать его рентабельным, что нашло всестороннюю поддержку отца.

— У меня над этой проблемой работают сорок ученых, но, я уверен, успеха добьешься именно ты,— сообщил он сыну.

Поэтому Артемис покрыл весь корпус самолета легкими и высокоэффективными солнечными панелями вроде тех, какие использовались в разработанном НАСА опытном образце летающего крыла «Гелиос». В отличие от «Гелиоса», «сессна» Фаулов по-прежнему могла летать с нормальной скоростью и перевозить пассажиров. Этого Артемис добился, сняв большой двигатель и установив вместо него несколько мелких для вращения главного пропеллера и добавив четыре винта на крылья и шасси. Металлический каркас заменили конструкцией из легкого полимера. Вместо топливного бака установили небольшой аккумулятор.

Еще требовались незначительные доработки, но Артемис считал, что аппарат готов к полету. По крайней мере, надеялся на это. Слишком многое зависело от надежности крохотного самолета. Юноша выскочил из особняка через кухню и помчался к лугу. Если повезет, Опал заметит его исчезновение, только когда самолет будет уже в воздухе. А вот после этого надо, чтобы она его увидела. Лишь бы удалось отвлечь ее внимание на себя, пока не прибудет отряд Подземной полиции.

Артемис не пробежал и сотни метров, как начал уставать. Он никогда не увлекался спор-

том, к тому же недавние прыжки во времени не улучшили его физической формы, хотя он и мысленно сосредоточивался во время путешествия на собственных мышцах, приказывая им расти. К сожалению, этот небольшой эксперимент в области победы духа над плотью не принес видимых результатов.

Ворота на старое пастбище были закрыты, и Артемис перелез через них, не желая возиться с тяжелым засовом. Он ощущал тепло крохотного тельца под пиджаком, чувствовал, как крепко обвили шею тонкие ручки.

«Джуджу необходимо спасти,— подумал он.— Я должен спасти его».

Более прочные, чем могло показаться на первый взгляд, двери гаража были, кроме того, заперты на кодовый замок. Артемис ввел код и широко распахнул створки, впустив в гараж густо-оранжевые лучи вечернего солнца. Внутри выстроились буквой «П» верстаки и передвижные ящики с инструментами, между ними стояла на подзарядке усовершенствованная «сессна», провод уходил в темноту. Артемис выдернул штекер кабеля из гнезда на фюзеляже и забрался в кабину. Он пристегнулся и вспомнил свой первый самостоятельный полет.

«Мне было всего девять лет. Пришлось класть подушку на сиденье».

Двигатели запустились мгновенно и практически бесшумно. Тишину нарушало только жужжание пропеллеров и щелчки переключателей, пока Артемис выполнял предполетную проверку.

Результаты в целом обнадеживали. Восемьдесят процентов мощности. Значит, самолет мог пролететь несколько сотен миль. Вполне достаточно, чтобы заставить Опал поплясать вдоль ирландского побережья. Но закрылки действительно залипали, да и некоторые сальники износились.

«Не поднимайся выше трех тысяч метров».

— Все будет в порядке,— успокоил он единственного пассажира, сидевшего за пазухой.— В полном порядке.

Говорил ли он правду? Он и сам не знал.

Широкий и длинный луг отлого поднимался к особняку. Артемис вывел «сессну» из ангаря и круто развернул, обеспечивая максимальный разбег. В идеальных условиях пятисот метров травяного поля для взлета вполне хватало. Но сейчас ветер дул в спину, и трава была на несколько сантиметров выше, чем требовалось.

«Ничего, справимся. Мне приходилось летать и в худших условиях».

Взлет прошел как по учебнику. На трехстах метрах Артемис убрал носовое шасси и с запасом перелетел северную стену поместья. Даже с этой небольшой высоты он видел на западе Ирландское море, черное, с иссеченными ятаганами солнечных лучей гребнями волн.

Мелькнуло искушение просто взять и сбежать, но он, конечно, ему не поддался.

«Неужели я так изменился?» — подумал Артемис.

Он вдруг осознал, что почти перестал испытывать удовольствие от нарушения закона, а ведь совсем недавно был готов практически на любое преступление.

«Нет,— подумал он.— Еще остались люди, заслуживающие того, чтобы их обокрали, или вывели на чистую воду, или сбросили в джунгли в одних резиновых шлепанцах и с ложкой в руке. Просто надо потратить больше усилий на розыски подобных экземпляров».

Артемис включил установленные на крыльях камеры. Такое существо, правда, не человек, находилось прямо под ним. Одержанная манией величия хладнокровная пикси. Опал Кобой. Артемис видел, как она, поправляя на

голове шлем Элфи, решительным шагом направляется к особняку.

«Этого я и боялся. Она догадалась взять шлем. Самый ценный прибор из полицейского снаряжения».

Тем не менее он должен привлечь ее внимание. На карту поставлены жизни его родных и друзей. Артемис полетел вслед за Опал всего метрах в тридцати над землей. Двигатели она вряд ли могла услышать, но на дисплее шлема не могли не вспыхнуть дюжины красных индикаторов.

И точно, Опал резко остановилась, посмотрела вверх и, конечно, заметила самолет.

«Давай, Опал,— подумал Артемис.— Глотай наживку. Включай тепловое сканирование».

Опал решительно шагала к особняку, пока не запнулась носком одного ботинка о каблук другого.

«Тупая дылда-эльфийка,— подумала она, едва сохранив равновесие.— Когда я стану королевой, нет, императрицей, прикажу укоротить ноги всем длинным расам. Нет, лучше я вживлю себе в мозг человеческий гипофиз, что-

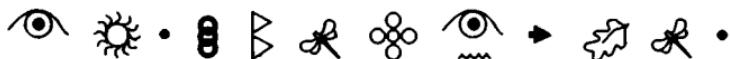
бы стать высокой — гигантом среди подземных жителей, и умственно и физически».

У нее имелись и другие планы. Например, косметическая маска Опал, способная буквально за несколько мгновений сделать любого поклонника похожим на нее. Или гомеопатическое кресло на воздушной подушке с массажными приборами и датчиками настроения, которые распыляли бы необходимые для поднятия тонуса запахи.

Но эти мечты подождут, пока она не станет императрицей. Самое главное — поймать лемура. Без его мозговой жидкости на осуществление замыслов понадобятся годы. Кроме того, магия гораздо проще науки.

Опал поправила шлем Элфи. Внутренние подушки мгновенно надулись, плотно охватывая череп. Кодовую защиту она сняла без особых проблем, несколько раз мигнув и пошевелив руками. Эти полицейские шлемы значительно уступали тем, что разрабатывались ее собственным инженерным отделом.

Как только она получила доступ ко всем функциям шлема, кристаллы дисплея на щитке зашипели и стали альми. Боевая тревога! Что-то приближалось. Трехмерный радар обнаружил над головой небольшой самолет, про-

грамма распознавания определила марку — «сессна».

Опал мгновенно набрала последовательность команд для теплового сканирования, и инфракрасный детектор шлема проанализировал спектр электромагнитного излучения в кабине летательного аппарата. Несмотря на помехи от солнечных батарей, прибор быстро выделил оранжевое пятно на месте пилота. Только один человек. Блок считывания биометрических данных услужливо идентифицировал пилота как Артемиса Фаула и наложил на его расплывчатое изображение трехмерную сетку.

— Один человек, — пробормотала Опал. — Пытаешься увести меня подальше от дома, Артемис Фаул? Поэтому летишь так низко?

Но вершок неплохо разбирался в технике и, конечно, предугадал бы тепловое сканирование.

— Что ты спрятал в рукаве? — задумалась пикси. — Или за пазухой?

Она увеличила изображение сердца Артемиса и тут же обнаружила второй источник тепла, наложенный на первый и отличавшийся чуть менее ярким оттенком красного цвета.

Даже в такой напряженный момент Опал не могла не восхититься юношем, пытавшимся

замаскировать тепловой отпечаток лемура своим собственным.

— Толково, но не гениально.

Только гений мог победить Опал Кобой. Появление второго Артемиса было ловким трюком, и она должна была его предугадать.

«Меня подвела собственная самонадеянность,— поняла она.— Такое больше не повторится».

Шлем автоматически настроился на радиочастоту «сессны», и Опал передала Артемису короткое сообщение.

— Я иду за лемуром,— сказала она, запуская крылья костюма.— И на сей раз другой «ты» тебя не спасет.

Артемис, конечно, не мог видеть или чувствовать всевозможные лучи, обшаривавшие «сессну», но предполагал, что Опал прибегнет к инфракрасному сканеру, дабы определить, сколько живых существ находится в кабине самолета. Может быть, даже воспользуется рентгеном. У нее должно было создаться впечатление, будто он пытается заглушить тепловой отпечаток лемура собственным, и Опал полагалось в одно мгновение разгадать столь очевидную уловку.

Обнаружив, что от нее ускользает добыча, Пикси не могла не пуститься в погоню.

Артемис ушел влево, стараясь держать Опал в поле зрения камеры, и заметил, как из пазов полицейского костюма выдвигаются крылья.

«Гонка началась».

Пора наживке прикинуться удирающей.

Артемис повернулся от поместья в сторону темно-лилового моря, увеличил тягу и остался доволен плавным ускорением самолета. Аккумуляторы непрерывно снабжали двигатели энергией, не выбрасывая в атмосферу ни единого грамма углекислого газа.

Он проверил вид с хвостовой камеры и не удивился, увидев на мониторе летящую пикси.

«Сноторное мешает ей применять магию в полную силу,— догадался он.— Вероятно, энергии едва хватило на запуск костюма. Но скоро побочные эффекты лекарства иссякнут, и тогда у меня на крыльях засверкают молнии».

Артемис повернулся на юг вдоль изрезанного берега. Скоро шум и суматоха дублинских небоскребов, дымящие трубы и рои жужжащих вертолетов сменились каменистыми грядами, затенявшими идущую с севера на юг железную дорогу. Море накатывалось на берег, протяги-

вая миллионы пальцев к песку, кустарникам и скалам.

Рыбацкие лодки, пыхтя моторами, сновали от буя к бую, оставляя извивающиеся подобно морским змеям пенные следы, моряки вытаскивали длинными баграми верши для омаров. В четырех тысячах метров над ними зловеще нависали набухшие дождем тучи.

«Вполне спокойный вечер, если не смотреть на небо».

Впрочем, расплывчатый силуэт летевшей на такой высоте Опал вполне можно было принять за орла.

План Артемиса развивался без сбоев дольше, чем он смел надеяться. Он пролетел шестьдесят миль, и Опал пока ничем не помешала ему. Артемис позволил себе почувствовать слабый проблеск надежды.

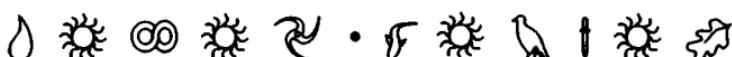
«Скоро,— подумал он.— Скоро подоспеет ЛЕППРКОН».

И тут ожила приемник.

— Артемис! Ты слышишь меня? Артемис!

Голос Дворецки звучал исключительно спокойно — как всегда перед объяснением того, насколько все серьезно.

— Дворецки, старина. Я тебя слышу. Надеюсь, новости хорошие?

Телохранитель вздохнул в микрофон, заглушив шум помех.

— Они не полетят за «сессной». Не считают твою задачу приоритетной.

— Номер Первый важнее,— сказал Артемис.— Они хотят поскорее увести его под землю. Я понимаю.

— Да, его и...

— Не продолжай, старина,— резко перебил его Артемис.— Опал нас слышит.

— Артемис, Подземная полиция уже здесь. Разворачивайся и лети домой.

— Нет,— твердо возразил Артемис твердым тоном.— Я не хочу снова подвергать мать опасности.

Артемис услышал странный скрип и представил, как Дворецки стискивает в кулаке шейку микрофона.

— Хорошо, значит, лети в другое место, тут да, где мы сможем окопаться.

— Ладно, я все равно направляюсь на юг, так почему бы нам...

Артемис не успел передать свое завуалированное предложение, потому что канал связи оказался заблокирован оглушительным всплеском помех. После у него еще долго шумело в

ушах, и он даже на миг потерял управление «сессной».

Юноша едва успел выровнять самолет, как тот снова накренился от тяжелого удара по фюзеляжу.

На пульте управления солнечными батареями вспыхнуло несколько красных индикаторов. По меньшей мере десять панелей вышли из строя.

Артемис истратил полсекунды на проверку изображения с камеры заднего вида. Опал позади самолета не наблюдалось. Неудивительно.

Голос пикси вырвался из динамиков приемника, еще более пронзительный от раздражения и явно недобрых намерений.

— Я восстановила силы, вершок, — сообщила она. — Твой яд исчез, мой организм избавился от него. Силы мои возрастают, и мне не терпится получить еще больше.

Артемис решил не поддерживать разговор. Все его умение и быстрота мышления требовались для управления «сессной».

Опал нанесла следующий удар, на сей раз по левому крылу, и, весело молотя руками, принялась ломать солнечные панели, как ребенок — тонкий лед на пруду. Ее крылья слились в мутное пятно. «Сессна» дернулась и нача-

ла рыскать, и Артемису с трудом удалось выровнять самолет.

«Она безумна,— подумал он.— Совершенно безумна».

И: «Эти панели уникальны. И она еще называет себя ученым».

Опал, пробежав по крылу, врезала бронированным кулаком по фюзеляжу. Пострадали новые панели, и над плечом у Артемиса на поверхности полимера появились вмятины размером с теннисный шарик. От них во все стороны побежали тонкие трещины и начали расширяться под воздействием ветра.

— Приземляйся, Фаул,— раздался в наушниках громкий голос Опал.— Приземляйся, и я, может быть, не вернусь в особняк, покончив с тобой. Садись! Садись!

Каждый приказ сесть подкреплялся очередным ударом по кабине. Лобовое стекло разлетелось, осыпав Артемиса градом зазубренных осколков плексигласа.

— Садись! Садись!

«У тебя есть товар,— напомнил себе Артемис.— Значит, есть власть. Опал не может позволить себе убить Джуджу».

Ветер с воем бил Артемису в лицо, приборы несли околосицу, если, конечно, Опал не глу-

шила их защитным полем полицейского костюма. Но у Артемиса еще оставался шанс. Фаулы просто так не сдаются.

Он опустил нос самолета и заложил резкий вираж влево. Опал легко догнала его и продолжила рвать фюзеляж на куски. В тусклом свете сумерек она казалась воплощением разрушения.

Артемис почувствовал запах моря.

«Слишком низко. Слишком быстро».

На приборной панели вспыхнули новые красные индикаторы. Отключилось питание. Аккумуляторы приказали долго жить. Альтиметр вертелся как сумасшедший и пищал.

Опал появилась у бокового стекла. Артемис видел ее крошечные оскаленные зубы. Она что-то говорила, вернее, кричала. Но радио уже не работала. Может, и к лучшему.

«Да она просто в восторге,— догадался он.— Едва не лопается от веселья».

Артемис отчаянно пытался сохранить контроль над машиной. В данный момент его больше всего беспокоили закрылки. Если Опал додумается перерезать провода, он лишится последнего шанса посадить самолет. Артемис выпустил шасси, хотя для этого было еще слишком рано, но если Опал выведет

механизм из строя, по крайней мере колеса будут снаружи.

Они, сцепившись, мчались к земле. Воробей на спине у орла. Опал пробила своей бронированной головой стекло боковой двери и что-то кричала внутри шлема, брызгая слюной на щиток. Приказов ее Артемис не слышал, а читать по губам ему было некогда. Он успел заметить, как налились ее глаза красным светом от прилива магических сил, и, поймав на миг этот безумный взгляд, понял, что пикси окончательно утратила соображение.

Снова крики, едва слышные из-за шлема. Артемис бросил многозначительный взгляд на молчащую рацию.

Опал заметила этот взгляд и подняла щиток. Она пыталась перекричать ветер, почему-то забыв об установленном в шлеме усилителе звука.

— Отдай мне лемура, и я спасу тебя!!! — воопила она полным гипнотических чар голосом.— Я даю...

Артемис, стараясь избегать ее взгляда, достал из-под сиденья ракетницу и прицелился ей прямо в лицо.

— Ты не оставила мне выбора, я вынужден стрелять,— произнес он холодным, уверен-

ным тоном. Это была не угроза, а констатация факта.

Опал еще не лишилась способности понимать, когда человек говорит серьезно, и от ее решительности не осталось и следа. Она отпрянула от самолета, но недостаточно быстро — Артемис успел не только выстрелить сигнальной ракетой в шлем, но и, протянув руку, опустить щиток.

Опал кувырком полетела прочь, оставляя черный дымный след. Вокруг ее головы рассерженными осами роились красные искры. Но по пути крыло ее костюма задело корпус «сессны», и ни оно, ни самолет не пережили этого удара.

Осколки солнечных батарей разлетелись во все стороны, как звездная пыль, обломки волшебных крыльев, кружась, полетели вниз. Самолет накренился вправо и застонал, словно раненый зверь.

«Нужно садиться. Срочно».

Артемис не чувствовал за собой никакой вины. Ожоги от сигнальной ракеты не могли сильно повлиять на способность пикси к регенерации. Магия, скорее всего, уже залечивала раны на коже Опал. В лучшем случае, он получил минутную передышку.

«Она вернется не просто в ярости. Она будет вне себя. Надеюсь, это окончательно погубит ее рассудок».

Юноша мрачно улыбнулся, на мгновение почувствовав себя прежним Артемисом, которого мать и Элфи еще не заставили соблюдать свои дурацкие моральные нормы.

«Отлично. Ее безумие даст мне столь необходимое преимущество».

Артемис по возможности выровнял самолет и постарался замедлить снижение. Ветер хлестал по лицу, до боли растягивал кожу. Прикрыл глаза предплечьем, он глянул на землю сквозь размытый круг вращающегося пропеллера.

На фоне иссиня-черного моря похожий на наконечник стрелы мыс Хук-Хэд казался голубато-серым. Восточное побережье мерцало тусклыми огоньками. Там, в рыбакском поселке Данкейд, Дворецки когда-то ждал возвращения своего молодого хозяина из ада по ту сторону вечности. Здешняя бухта была волшебной, в ней когда-то прятался целый остров демонов, Гибрас. Весь этот район являлся магической горячей точкой, и проникновение в нее мгновенно активирует спектрометры Подземной полиции.

Быстро опускалась темно-синяя ночь, и уже твердую поверхность не отличишь от мягкой. Артемис знал, что луга тянутся от Данкейда до самого маяка на мысе, но изумрудная полоска травы мелькала перед его глазами лишь раз в пять секунд, когда на нее падал луч с вершины башни.

«Вот и моя посадочная полоса», — подумал Артемис.

Он вывел «сессну» на самый подходящий для приземления курс и начал снижение неуверенными рывками, от которых все внутри переворачивалось. Солнечные панели то и дело срывались с носа и крыльев и уносились во тьму.

Опал не показывалась.

«Она явится. Не обольщайся».

С каждой изумрудной вспышкой земля становилась все ближе.

«Слишком быстро,— подумал Артемис.— Я снижаюсь слишком быстро. Если буду так летать, никогда не получу свидетельство пилота законным путем».

Он стиснул зубы и еще крепче вцепился в штурвал. Посадка намечалась жесткая.

Такой она и оказалась, правда, кости остались целы — при первом касании. Когда само-

лет подпрыгнул и опустился на землю вторично, Артемиса швырнуло на приборную панель, и он услышал, как треснула левая ключица. Мерзкий звук, от которого желчь подступила к горлу.

«Боли пока нет. Только холод. У меня шок».

Колеса «сессны» заскользили по длинной траве, покрытой солеными брызгами и скользкой как лед. Артемис нахмурился, но не из-за полученной травмы, а из-за того, что судьба его в настоящий миг зависела от случайности — он никак не мог повлиять на ситуацию. Опал непременно явится за Джуджу, а ему надлежит изо всех сил ее отвлечь.

Внешний мир продолжал бесцеремонно вторгаться в мысли Артемиса. Переднее колесо налетело на острый камень и отвалилось. В течение нескольких секунд оно катилось рядом с самолетом, но потом свернуло и пропало в темноте.

Еще один толчок, и «сессна» ткнулась носом в землю, пропахав винтом глубокие борозды. Скошенная трава веером взметнулась в воздух, сквозь дыры в лобовом стекле в кабину посыпались комья земли.

Артемис попробовал землю на вкус, и в голове мелькнуло: «Не понимаю, чего Мульч

каждый раз так суетится — совсем не похоже на мусс с омарами».

Потом он вывалился из кабины и побрел к каменистому берегу. Артемис не звал на помощь и не дождался бы ее, если б позвал. Скалы были черны, коварны и пустынны. Грохотал прибой, громко завывал ветер. Даже если луч маяка и высветил в небе силуэт падающего самолета, пройдет немало времени, пока не вооруженные, ничего не подозревающие жители поселка прибегут к нему на выручку. А тогда будет уже слишком поздно.

Артемис упрямо тащился к берегу, левая рука свисала плетью. Ладонь здоровой он положил на торчавшую из-за пазухи мохнатую голову.

— Почти дошли,— пробормотал он.

Пара морских утесов торчала из моря, как последние зубы из десен у любителя жевательного табака. Тридцатиметровые каменные столбы, равнодушные к натиску волн и ветра. За внешний вид местные жители прозвали их Монахинями. Скалы казались облаченными в ряды с головы до пят.

Монахини являлись местной достопримечательностью, поэтому с мыса на Маленькую Сестру, а с нее — на Мать Настоятельницу были

перекинуты крепкие веревочные мосты. Дворецки как-то сказал Артемису, что часто поднимался по ночам на второй утес с биноклем ночного видения и вглядывался в океан в надежде отыскать остров Гибрас.

Артемис ступил на первый пролет моста. Тот зашатался и заскрипел под его весом, но выдержал. Далеко внизу сквозь щели между планками виднелось море и плоские камни, прораставшие сквозь волны, как грибы сквозь глину. У подножия утеса валялась дохлая собака — окоченевшее напоминание о том, что тебя ждет, если ты оступишься на Монахинях.

«Я сам себя загоняю в тупик. Со второго утеса только один выход — вниз».

Но выбора не оставалось. Быстро оглянувшись, он увидел приближающуюся Опал. Для этого не понадобились даже его темные очки, позволяющие видеть сквозь защитный экран, — пикси не желала тратить магические силы на невидимость. Неровной походкой зомби, крепко сжав кулаки, она шла по лугу. Лицо ее за прозрачным забралом шлема озарял магический красный свет. За плечами торчали побитые и потрепанные крылья, на них она уже никуда не полетит. Спасти Опал могла только сила Джуджу. Он был ее последней надеждой

на победу. Если она в ближайшее время не сделает себе инъекцию мозговой жидкостью лемура, явится Подземная полиция и защитит исчезающий вид.

Артемис зашагал по мосту, стараясь не задевать перила больной рукой. Странно, но постоянной боли почти не чувствовалось, лишь с каждым шагом верхнюю часть груди словно пронзал раскаленный добела железный штырь.

«Постарайся задержать ее. Скоро примчится кавалерия. Крылатая невидимая кавалерия. Они ведь тебя не бросят?»

— Фаул! — услышал он пронзительный крик за спиной, ближе, чем ожидал. — Отдай мартышку!

Голос сочился бесполезными гипнотическими чарами. Нет зрительного контакта — нет гипноза.

«Мартышку, — ухмыльнулся про себя Артемис. — Ну-ну».

Еще шаг над бездной. Чернота под ногами и над головой, точки звезд на небе и в море. Рычащие голодными тиграми волны.

Артемис доковылял до первой Монахини, Маленькой Сестры. Ступил на изъеденную ветрами поверхность скалы. Поскользнулся и за-

кружился на пятачке вершины, как танцор с невидимой партнершей.

До него донесся пронзительный крик Опал. Гибель Джуджу означала для нее полный крах: она застряла бы в этом времени, с висящим у нее на хвосте Легионом в полном составе, так и не получив беспредельной власти.

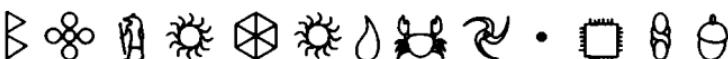
Артемис не стал оборачиваться, хотя искушение было велико. Он слышал, как Опал ковыляет по доскам, ругаясь на каждом шагу. Грязные слова, произносимые ее детским голоском, звучали почти комично.

Оставалось только идти вперед. Едва не падая, юноша ступил на второй мост и, цепляясь здоровой рукой за трос, добрался до Матери Настоятельницы. Местные жители уверяли, что если на рассвете встать в определенном месте на берегу и немного прищуриться, то можно различить на утесе черты сурового лица.

Скала под ногами была твердой, холодной и неумолимой. Она не простила бы ни одного неверного шага.

Артемис опустился на колени на напоминающем шляпку гриба пятачке, баюкая локоть левой руки в ладони правой.

«Скоро я перестану соображать от шока и боли. Но не сейчас, гений. Сосредоточься».

Артемис заглянул себе за пазуху. Мохнатая голова исчезла.

«Выронил на Маленькой Сестре. На радость Опал».

Его догадку подтвердил восторженный вопль. Артемис медленно и с огромным усилием повернулся к врагу. Казалось, он сражается с ней уже целую вечность.

Пикси на вершине утеса едва не плясала от радости. Рядом с ней ирландец разглядел лежащее на скале мохнатое существо.

— Он у меня!!! — вопила Опал.— Не помогла твоя гениальность! Не помог твой хваленый надутый мозг! Ты выронил его! Просто выронил!

Артемис ощутил пульсирующую боль в плече. Через минуту станет еще хуже, в этом он не сомневался.

Опал протянула обе руки к желанной добыче.

— Он мой! — полным благоговения голосом произнесла она, и Артемис готов был поклясться, что услышал раскаты грома.— Беспредельная магия моя! Лемур у меня!

Юноша напряг голос, чтобы его услышали на другом утесе:

— Это не лемур! Это обезьяна!

Улыбка на лице Опал превратилась в оскал, обнажив почти все крохотные зубы. Пикси схватила существо, которое приняла за Джуджу, и мгновенно все поняла.

— Игрушка! — воскликнула она.— Это игрушка!

Боль и почти полное изнеможение притупляли радость победы.

— Опал, познакомься с Профессором Приматом, любимой игрушкой моего брата.

— Игрушка,— тупо повторила Опал.— Но источников тепла было два. Я же видела.

— Гелевый генератор микроволн внутри набивки. Все кончено, Опал. Джуджу уже в Гавани, тебе его не достать. Сдавайся, и я не причиню тебе вреда.

Лицо Опал перекосилось от ярости.

— Вреда? Мне?! — Она принялась колотить игрушкой по камням, пока из той не вывалился покореженный механизм.

Из крохотного динамика раздался металлический голос:

— Этот день войдет в историю... Этот день... Этот день войдет в историю.

Опал закричала, и красные искры заплясали вокруг ее пальцев.

— Я не могу летать, не могу метать молнии, но у меня хватит сил вскипятить твои мозги.

Мечты о всемогуществе были забыты. В данный момент Опал хотела только одного — убить Артемиса Фаула. С этой мыслью в сердце она ступила на второй мост.

Артемис с трудом поднялся на ноги и сунул руку в карман.

— Костюм должен тебя спасти,— сказал он спокойным тоном.— Будет очень страшно, но Легион тебя откопает.

Опал усмехнулась.

— Брось свои фокусы. Блеф, и еще раз блеф. На этот раз у тебя ничего не получится, Артемис.

— Не вынуждай меня так поступить,— взмолился юноша.— Просто дождись полиции. Никто не должен пострадать.

— А по-моему, должен,— заявила Опал.

Артемис достал из кармана усовершенствованную лазерную указку, включил ее и направил луч на основание Маленькой Сестры.

— Что ты затеял? Этой штукой скалу можно сто лет пилить.

— Я не собираюсь ее пилить,— заверил врача Артемис, удерживая луч в одной точке.— И это не скала.

Опал подняла руки, искры оплели ее пальцы колючей проволокой.

«Хватит разговоров».

Лазерный луч все глубже уходил в основание Маленькой Сестры, пока не пробил наружный панцирь и не попал в огромный, заполненный метаном карман.

Маленькая Сестра не была утесом. Она была седьмым кракеном, привлеченным в это место магическими колебаниями Гибраса. Артемис изучал его на протяжении нескольких лет. Даже Жеребкинс не подозревал о существовании седьмого.

Колоссальный по силе взрыв выбросил столб пламени высотой пятнадцать метров. Наружный панцирь обрушился под ногами Опал, затянув ее в вихрь осколков.

Артемис слышал, как с глухим хлопком выгнулась, смягчая удар, броня костюма.

«Доспехи Жеребкинса должны ее уберечь».

Он распластался ничком на вершине утеса, и ему на спину и ноги посыпались камни, трава и даже рыбы.

«Только везение может меня спасти. Только везение».

И оно его спасло. На вершину упали и значительные по размерам обломки, но ни один

из них не попал в Артемиса. Мелкие обломки сыпались градом, и список уже полученных травм пополнился сотней ушибов и порезов, но обошлось без новых переломов.

Когда мир, судя по ощущениям, перестал содрогаться, Артемис подполз к краю утеса и окинул взглядом бурлящее море. На месте кракена слабо дымилась груда обломков. Огромное существо, видимо, отправилось на поиски другой магической точки. Опал нигде не было видно.

«Легион найдет ее».

Артемис перевернулся на спину и стал смотреть на звезды. Он часто так делал и, глядя на них, мечтал, как доберется до вращающихся вокруг этих точек света планет и что он там увидит. Но в этот раз вид звездного неба только заставил его почувствовать себя маленьким и незначительным. Природа безбрежна и могущественна и в конце концов поглотит его и даже память о нем. Он лежал на вершине утеса, дрожа от холода, ждал, когда же придет наконец радость победы, понимал, что она уже не придет, и слушал далекие крики бежавших по длинному лугу жителей поселка.

Элфи появилась раньше селян, прилетела с севера и бесшумно опустилась на морской утес.

— Ты летаешь,— сказал Артемис таким тоном, будто никогда не видел этого раньше.

— Позаимствовала костюм у одного из теплохранителей Номера Первого. Ну, не то чтобы «позаимствовала», но...

— Как ты меня нашла? — спросил Артемис, хотя уже и сам догадался.

— Просто увидела огромный взрыв и подумала: «Кто бы это мог быть?»

— Гм,— пробормотал Артемис.— Сам себя выдал.

— А еще я засекла остаточное излучение моего старого костюма. И до сих пор его улавливаю.— Элфи коснулась пальцем щитка, чтобы сменить фильтр.— Хорошей грудой камней ты завалил Опал. Спасателям придется попотеть, откапывая ее. Она ругается, как туннельный гном. Что ты с ней сделал?

— Седьмой кракен,— объяснил Артемис.— Полагаю, Жеребкинс его проглядел, потому что этот столбчатый, а не конический по форме. Я нашел его по сигналу метеорологического спутника.

Элфи ткнула Артемиса в лоб пальцем.

— Типичный Артемис Фаул. Даже измочаленный до полусмерти, все равно читает лекцию.

Искры магии слетели с кончиков пальцев Элфи и окутали Артемиса светящимся коконом. Ему сделалось покойно и уютно, как завернутому в одеяло младенцу. Боль ушла, сломанная ключица расплавилась, затем снова окостенела, но уже без трещины.

— Славный фокус,— улыбнулся он, глядя на Элфи стеклянным взглядом.

— Всегда к вашим услугам,— улыбнулась она в ответ.— Номер Первый заправил меня под завязку.

Артемис смотрел на нее сквозь красную дымку.

— Прости, что солгал тебе, Элфи. Мне очень жаль. Честно. Ты так помогла мне.

Элфи смотрела куда-то вдаль.

— Может, ты принял неверное решение, может, я сама приняла бы такое же. Мы — из разных миров, Артемис. И никогда не сможем доверять друг другу полностью. Давай жить дальше, оставим прошлое в прошлом, где ему и надлежит быть.

Артемис кивнул. На лучшее рассчитывать не приходилось, он и так получил больше, чем заслужил.

Она сняла с пояса страховочный трос и пропустила его у Артемиса под мышками.

— Полетели-ка домой, пока селяне не начали сколачивать виселицу.

— Дельная мысль,— пробормотал Артемис, после магического исцеления его клонило в сон.

— Да, хочешь верь, хочешь нет, но они приходят не только в твою голову, иногда и в чужие тоже.

— Иногда,— согласился Артемис, уронил голову и заснул.

Элфи перенастроила крылья на дополнительный вес, спрыгнула с морского утеса и полетела низко надо водой, чтобы не попасть в лучи фонариков, обшаривавших ночное небо подобно зенитным прожекторам.

Когда Элфи уже находилась в воздухе, Жеребкинс настроился на частоту ее шлема.

— Седьмой кракен, я полагаю. Конечно, у меня возникали определенные подозрения... Кстати, прекрасная возможность стереть Артемису память. Избавим себя от множества проблем в будущем.

— Жеребкинс! — ужаснулась Элфи.— Мы не стираем память у друзей. Артемис вернул нам Джуджу. Кто знает, сколько лекарств мы создадим с помощью этого лемура.

— Пошутил, пошутил. Кстати, ни за что не догадаешься: нам уже не надо просить Джуджу пожертвовать часть своей мозговой жидкости. Номер Первый синтезировал ее, пока ждал шаттл. Этот парень гений.

— Почему-то мне все время попадаются такие. Кстати, нужно послать команду за Опал.

— Они уже в пути. Кстати, думаю, тебя ждет очередное разбирательство в отделе внутренних расследований.

Элфи презрительно хмыкнула.

— Не впервые.

Жеребкинс молчал — ждал, когда Элфи расскажет о своих приключениях. Наконец его терпение лопнуло.

— Ладно, ты победила. Спрошу сам. Что произошло восемь лет назад? Боги! Небось, заварушка получилась неслабая.

Элфи ощущала фантомное покалывание на губах — напоминание о поцелуе с Артемисом.

— Ничего особенного. Ушли, отыскали лемура, вернулись. По ходу возникла пара заморочек, но, как видишь, мы с ними справились.

Жеребкинс решил не выпытывать у нее подробности. Элфи сама расскажет, когда сочтет нужным.

— Ты никогда не задумывалась, как приятно просто ходить на работу, а потом возвращаться домой? Без драм и приключений.

Элфи посмотрела на проносящийся внизу океан, подумала, как приятно ощущать вес Артемиса в своих объятиях.

— Нет,— сказала она.— Никогда не задумывалась.

ГЛАВА 16

БРИГАДА ПАРИКМАХЕРОВ

Не прошло и получаса, как они уже приземлились у особняка Фаулов. Артемис проснулся сразу, как только каблуки Элфи коснулись гравия. Чувствовал он себя великолепно.

- Хорошая штука — магия,— сказал он, покрутив левой рукой.
- Свою надо было беречь,— язвительно заметила Элфи.
- По иронии судьбы, не попытайся я исцелить мать, Опал позволила бы ей выздороветь. Именно мое путешествие в прошлое легло в основу плана Опал, который она попыталась осуществить, последовав за нами в будущее.

— Лучше бы ты спал,— проворчала Элфи, сматывая страховочный трос.— У меня бы голова меньше болела.

— Все дело в парадоксе времени. Если бы я ничего не сделал, не возникло бы необходимости что-либо делать.

Элфи коснулась рукой шлема.

— Сейчас вызову Жеребкина, и вы чудесно пообщаетесь.

Садовые фонари озаряли гравий мягким светом, заставляя камушки сверкать подобно драгоценностям. Высокие венчозеленые деревья покачивались на ветру, шелестя ветвями, и казались живыми, как существа из книг Толкиена.

Артемис проводил взглядом направившуюся к главному входу Элфи.

«Если бы только,— подумал он.— Если бы только...»

Номер Первый сидел на ступеньках перед дверью в окружении увешанных новейшим оружием сотрудников Подземной полиции. Артемис знал, что код его ДНК стоит в их списке одним из первых, и им достаточно просто выделить соответствующую иконку, чтобы лишить его малейшей возможности бегства. Джуджу, словно охотничья шапочка, сидел у де-

мона на голове и, судя по всему, наслаждался жизнью. Увидев Артемиса, он оживился и бросился в объятия юноши. Винтовки полицейских тут же запищали, и ирландец догадался, что иконка уже выделена.

— Привет, малыш. Как ты себя чувствуешь в нашем времени?

За лемура ответил Номер Первый:

— Прекрасно. Особенно после того, как он понял, что никто не собирается втыкать ему иголки в голову.

Артемис кивнул.

— Ты синтезировал жидкость. Я тоже рассматривал такой вариант. А где доктор Шальке?

— Свалился, как только Опал исчезла. Дворецки отнес его в комнату для гостей.

— А?..

— Формально Артемис-младший — ты, — ответил Номер Первый. — Но я понимаю, что тебя интересует. Я вернул его в его время. Отправил с ним капитана спасателей, а сам остался здесь в качестве указателя. Мне подумалось, ты предпочел бы убрать его отсюда как можно быстрее, учитывая тот факт, что твой отец и близнецы уже едут домой.

Артемис пощекотал Джуджу под подбородком.

ଓ ହୁରୁ • ଥୁରୁ ଫୋଟୋପାଇସନ୍ • ଫୋଟୋ

- Да, могло выйти недоразумение.
- Мы обещали не стирать ему память, я знаю,— встревоженно произнесла Элфи,— но меня не приводит в восторг мысль о том, что в изощренном уме крошки Фаула сохраняются знания о волшебном народце.

Артемис вскинул бровь.

- В изощренном уме? Очаровательно.
- Послушай, если будешь обижаться на очевидное...

Номер Первый вдруг побледнел. Дернув хвостом, он приподнялся над ступенями.

- Кстати, об этом обещании. Мне же никто ничего не сказал.

Элфи уставилась на него.

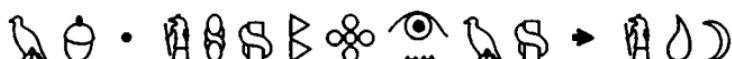
- И ты стер ему память?

Номер Первый кивнул.

- И Шальке тоже. А еще я поместил остаточное заклинание в глазные яблоки Артемиса, чтобы тот Дворецки тоже все забыл. Ничего особенного, обычная амнезия. Мозг сам заполнит пустоты, измыслив правдоподобные воспоминания.

Элфи содрогнулась.

- Остаточное заклинание в глазных яблоках!.. Отвратительно.

— Отвратительно, но гениально,— заметил Артемис.

Элфи не верила своим ушам.

— Почему ты не возмущаешься? Я думала, ты произнесешь речь. С закатыванием глаз, за- ламыванием рук и прочими фауловскими штуч- ками.

Артемис пожал плечами.

— Я знал, что это случится. Я же ничего не помнил, значит, мне стерли память, и, следо- вательно, мы победили.

— Ты всегда знал.

— Не знал только, какой ценой.

Номер Первый вздохнул.

— Значит, меня «отмазали», как говорят люди?

— Конечно,— сказала Элфи, похлопав его по плечу.— И у меня камень с души свалился. Жуть как приятно...

— Кстати, о приятном, я укрепил атомар- ную структуру вас обоих. Она настолько раз- болталась в потоке времени, что просто порази- тельно, как вы не развалились. Могу предста- вить, как трудно вам было сосредоточиться.

— Ладно, ты укрепил мои атомы, но я вы- нужден просить еще об одной услуге,— сказал

Артемис.— Мне нужно послать в прошлое одно сообщение.

— Мне приказано больше не открывать туннель времени, но, может быть, осталась щелочка,— сказал Номер Первый.

Артемис кивнул.

- Я так и думал.
- Куда и в какое время?
- Элфи знает. Сможешь сделать это из Тары.
- Кстати, как правильно пишется «колоссальное»? — с улыбкой спросила Элфи.

Артемис отступил на шаг и, подняв голову, посмотрел на окно родительской спальни. Джуджу передразнил его, прыгнув ему на плечи и запрокинув маленькую головку.

— Почему-то я боюсь подниматься туда. Он заметил, что от волнения ломает пальцы, и поспешил спрятать руки в карманы пиджака.

— Ей столько пришлось пережить, и все из-за меня. Как она должна была...

— А мы? О нас-то с Элфи не забывай,— перебил его Номер Первый.— Нас, между прочим, окунули в животный жир. Ты даже представить не можешь, насколько это гнусный трюк. По сравнению с ним заклинание в глазах — воплощение хороших манер.

— А я превратилась в девчонку,— добавила Элфи, подмигнув Артемису.— Верх неприличия.

Артемис заставил себя улыбнуться.

— Странно, но после всех ваших обвинений мне не стало лучше. И ДНК-пушки тоже не повышают настроение.

Элфи жестом велела полицейским разойтись, потом, наклонив голову, выслушала сообщение.

— Приближается вертолет. Это твой отец. Нам пора исчезнуть.

Номер Первый шутливо погрозил пальцем.

— И это не просто фигура речи. Нам действительно пора. Я знаю, люди используют это слово даже в тех случаях, когда исчезать не собираются, поэтому, дабы избежать недопонимания...

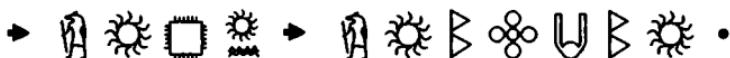
— Я все понял, Номер Первый,— тихо произнес Артемис.

Элфи согнула руку в локте, и Джуджу тут же запрыгнул на нее.

— У нас он будет в большей безопасности.

— Я знаю.

Он повернулся к Элфи и посмотрел ей прямо в глаза, карий и голубой.

Она тоже посмотрела ему в глаза, потом включила крылья и взмыла над землей.

— В другое время,— сказала она и поцеловала его в щеку.

Он был уже у двери, когда Элфи окликнула его.

— Знаешь, Фаул? Ты совершил добный поступок. Ради того, чтобы его совершить. Не ради выгоды.

Артемис поморщился.

— Знаю. Я просто в ужасе.

Он опустил глаза, собираясь с духом, чтобы сказать нечто важное, а когда поднял голову, рядом с домом уже никого не было.

— До свидания, друзья,— сказал он.— Берегите Джуджу.

Артемис услышал шум вертолета, подходя к двери материнской спальни. Ему предстояло многое объяснить, но почему-то он думал, что Артемис-старший не станет вдаваться в детали, увидев Ангелину здоровой.

Юноша пошевелил пальцами, собрался с духом и вошел в спальню. Постель была пуста. Мать сидела у зеркала и в полном отчаяния смотрела на свои волосы.

— О боже, Арти! — воскликнула она с притворным ужасом, заметив в зеркале отражение сына.— Ты только взгляни на меня. Я должна немедленно вызвать из Лондона бригаду парикмахеров.

— Ты прекрасно выглядишь, мама... гм, мамочка.

Ангелина несколько раз провела расческой с перламутровой ручкой по длинным волосам, и с каждым движением к ним возвращался привычный блеск.

— Да, учитывая, что мне пришлось пережить.

— Ты была больна. Но тебе уже лучше.

Ангелина развернулась на стуле и протянула к нему руки.

— Иди сюда, мой герой. Обними свою маму. Артемис был счастлив исполнить ее просьбу.

И тут его царапнула тревожная мысль: «Герой? Почему мама назвала меня героем?»

Обычно жертвы гипнотических чар полностью лишаются воспоминаний. Но Дворецки помнил, что сделала с ним Опал, даже описал свои ощущения Артемису. Шальке стерли память. Но что с матерью?

Ангелина крепко прижала его к себе.

— Ты столько сделал, Арти. Ты так рисковал.

Шум винтов стал ближе. От него задрожали окна. Отец вернулся домой.

— Ничего особенного, мамочка. Так поступил бы любой сын.

Ангелина положила ладонь ему на затылок. Он почувствовал ее слезы на своих щеках.

— Я все знаю, Арти. Все. Это существо оставило мне свои воспоминания. Я пыталась сопротивляться, но она была слишком сильна.

— Какое существо, мама? У тебя был жар. Галлюцинации, больше ничего.

Ангелина отодвинула его на расстояние вытянутых рук.

— Я находилась в воспаленном мозгу пикси, Артемис. И не смей мне лгать, будто этого не было. Я видела, как твои друзья едва не погибли, пытаясь тебе помочь. Как у Дворецки остановилось сердце. Видела, как ты спас нас всех. Посмотри мне в глаза и скажи, что ничего этого не было.

Артемис вдруг обнаружил, что не в силах взглянуть матери в глаза, а когда заставил себя это сделать, не смог солгать.

— Было. Все было. Даже больше.

Ангелина нахмурилась.

— У тебя карий глаз. Почему я раньше не замечала?

— Я тебя заколдовал,— произнес с несчастным видом Артемис.

— И отца?

— И его.

На нижнем этаже с треском распахнулись двери. Отец быстрым шагом пересек холл и начал подниматься по лестнице.

— Ты меня спас, Артемис,— торопливо произнесла мать.— Но мне кажется, что в эту ситуацию мы попали из-за твоего колдовства. Поэтому я хочу знать все. Все. Ты меня понимаешь?

Артемис кивнул. Он не видел иного пути. Он сам загнал себя в тупик, и единственным выходом была честность.

— Только дай возможность отцу и близнецам обнять и поцеловать меня, а потом мы поговорим. Это останется нашей тайной. Понял?

— Понял.

Артемис присел на кровать. Он снова почувствовал себя шестилетним мальчишкой, пойманым на взломе школьных компьютеров — он тогда пытался подменить контрольные вопросы более сложными.

Отец был уже на площадке. Артемис понимал, что его тайная жизнь закончилась. Когда они с матерью останутся наедине, придется все объяснить, с самого начала: похищения, восстания, прогулки по времени, мятеж гоблинов — все.

«Абсолютно честно», — подумал он.

И Артемис Фаул содрогнулся.

Спустя несколько часов тайфун по имени Беккет Фаул полностью преобразил родительскую спальню. На тумбочке появились коробки из-под пиццы, а на стене — выполненные томатным соусом живописные полотна. Беккет сбросил с себя всю одежду и нарядился в отцовскую футболку, перепоясавшись ремнем. Тенями для век он нарисовал себе усы, губной помадой — шрамы, и в данный момент отражал нашествие невидимого врага, используя в качестве меча один из старых отцовских протезов.

Артемис заканчивал рассказ о чудесном исцелении Ангелины.

— И потом я понял, что мама каким-то образом заразилась лихорадкой Гловера, которая встречается только на Мадагаскаре, синтезировал природное лекарство, которое ис-

пользуется местными жителями, и ввел его. Облегчение наступило немедленно.

Как только Артемис замолчал, Беккет театрально вздохнул с облегчением. Он проскасал по комнате на воображаемом коне и ткнул Майлза протезом.

— Интересно было? — спросил он брата.

Майлз слез с кровати и по секрету шепнул на ушко Беккету:

— Артемис — простак.

Эпилог

Хук-Хэд, Ирландия

Спасательный отряд, направленный выкапывать Опал Кобой из-под обломков кракена, возглавлял сам командующий Труба Келл. Над зоной производства работ установили искажающий купол, чтобы спокойно применять лазер шаттла, не опасаясь обнаружения.

— Поторопись, Фортель,— передал Труба по открытому каналу.— До рассвета всего час. Пора забирать эту страдающую манией величия пикси и возвращаться в собственное время.

Им посчастливилось заполучить в команду гнома. Обычно гномы крайне неохотно соглашаются сотрудничать с властями, а этот согласился — с условием не работать в святые для

гномов дни, коих насчитывалось чуть меньше двухсот, и, конечно, за облачного вознаграждения за оказываемые им Подземной полиции консультационные услуги.

Но в подобных ситуациях помочь гномов невозможно переоценить. Ни одна раса не умеет так работать с грунтом. Если требуется откопать кого-нибудь живым, гномы справляются с задачей превосходно. Только проведут волосками бороды по поверхности — и уже знают, что под этой поверхностью творится, лучше любого геологического или сейсмического оборудования.

В настоящий момент Труба Келл следил за действиями Фортеля Слива под обломками кракена благодаря установленной на шлеме гнома камере. Руки и ноги гнома выглядели неестественно бледными из-за фильтра ночного видения. Одна рука направляла шланг, по которому подавалась опорная пена в слабые точки туннеля, вторая как раз нырнула под подбородок, чтобы вправить челюсть.

— Так, командующий,— произнес гном таким тоном, что звание прозвучало оскорблением.— Я добрался до места. Чудом уцелел. Вся эта конструкция не прочнее карточного домика во время урагана.

— Да, конечно, как скажешь, Фортель. Ты просто чудо. Давай вытаскивай ее, нам пора возвращаться под землю. Мне еще надо промыть мозги одному капитану.

— Нет греми желудями, командующий. Я четко принимаю сигнал маячка.

Труба кипел от злости. Похоже, выволочка пошла бы на пользу не только Элфи Малой.

Он продолжил следить за действиями гнома в реальном времени. Фортель отбросил в сторону камни, траву и осколки панциря, закрывавшие костюм Элфи... Но костюма под ними не оказалось — только шлем с мигающим маячком.

— И я проделал такой путь ради шлема?! — возмутился Фортель. — Здесь нет никакой пикси, только запах.

Труба резко выпрямился.

— Ты уверен? Может, место перепутал?
Гном презрительно фыркнул.

— Ага, и откопал другой, случайно оказавшийся поблизости полицейский шлем. Разумеется, я уверен.

Она скрылась. Опал исчезла.

— Невероятно. Как ей удалось сбежать?
— Понятия не имею, — отозвался Фортель. — Может, улизнула по естественному туннелю.

Эти пикси — такие скользкие твари. Помню, как-то раз, еще мальчишками, мы с кузеном Кхербом пролезли в...

Труба отключил связь. Дело принимало серьезный оборот. Опал Кобой вырвалась на свободу. Он связался по видеоканалу с Полис-Плаза и увидел Жеребкинса.

— Не может быть!.. — выдохнул кентавр, проведя ладонью по вытянувшемуся лицу.

— Сбежала. Оставила шлем, чтобы мы шли на маячок. Есть сигналы костюма?

Жеребкинс посмотрел на монитор.

— Нет. Всего пять минут назад я принимал четкий сигнал. Подумал, что костюм вышел из строя.

Труба вздохнул.

— Врубай сигнал тревоги. Первостепенной важности. Утрой охрану камеры Кобой в Атлантиде. Не удивлюсь, если Опал попытается освободить саму себя.

Жеребкинс все понимал. Если одна Опал Кобой едва не завоевала мир, две, вполне вероятно, попытаются захватить всю Галактику.

— И свяжись с Элфи, — добавил командующий Келп. — Сообщи капитану, что выходные отменяются.

Особняк Фаулов, почти восемь лет назад

Артемис Фаул проснулся в своей постели. Перед глазами на мгновение возникли красные искры. Они мерцали и гипнотически мигали, пока не исчезли, погнавшись за собственными хвостами.

«Красные искры,— подумал он.— Странно. Звезды видеть приходилось, а искры — никогда».

Десятилетний мальчик потянулся, меся руками пуховое одеяло. Почему-то он чувствовал себя более довольным, чем обычно.

«Я доволен и счастлив».

Артемис резко сел на кровати.

«Счастлив? Я чувствую себя счастливым?»

Он не испытывал настоящего счастья с момента исчезновения отца, но сейчас его настроение граничило с безудержной радостью.

«Может, из-за удачной сделки с экстинционистами? Впервые заработал солидные деньги».

Нет. Не может быть. От этой сделки у Артемиса едва не выворачивало желудок. Он не мог даже думать о ней и не хотел когда-либо вспоминать о нескольких последних днях.

Тогда чем объяснить этот прилив оптимизма? Он как-то связан с тем, что ему снилось.

С планом. С новым планом, который принесет прибыль, достаточную для финансирования хоть ста экспедиций в Арктику.

«Вот в чем дело. Сон. А что мне снилось?»

Никак не вспомнить. Образы тускнели и исчезали.

Хитрая улыбка тронула уголки его губ.

«Феи... Что-то связанное с феями».

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	7
Глава 1. «Эспрессо» и патока	10
Глава 2. Самый большой в мире	39
Глава 3. Отзвуки магии	78
Глава 4. Мартышкин дядюшка	96
Глава 5. Объявляю вас...	123
Глава 6. Сам у себя	142
Глава 7. Разговор с животными	172
Глава 8. Трезвый расчет	237
Глава 9. Красавица и чудовище	244
Глава 10. Тяжелые думы	264
Глава 11. Голубиный помет	283
Глава 12. Исчезнувшие навсегда	305
Глава 13. Волосатый погиб	384
Глава 14. Битый козырь	442
Глава 15. Самое жуткое убийство	490
Глава 16. Бригада парикмахеров	524
Эпилог	537

Литературно-художественное издание

Йон Колфер

АРТЕМИС ФАУЛ. ПАРАДОКС ВРЕМЕНИ

Ответственный редактор Н. Аллунан

Редактор А. Кузнецова

Художественный редактор А. Старикин

Технический редактор О. Шубик

Корректор Н. Тюрина

Иллюстрация на переплете В. Коробейникова

ООО «Издательский дом «Домино».
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.
Тел./факс (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовые торговли книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многофункциональный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: International@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact:
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: vrzakaz@eksmo.ru

Подписано в печать 23.10.2009.
Формат 84x108 1/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56.
Тираж 20 100 экз. Заказ № 1005.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ISBN 978-5-699-38949-0

9 785699 389490 >

Из дневника Артемиса Фаула:

«Люди меняются, и я не исключение. Честно говоря, до знакомства с волшебным народцем я порой вел себя довольно-таки беспринципно. И вот спустя четыре года эта беспринципность может стоить жизни моей маме. Если бы я тогда пожалел того лемура... Впрочем, умный человек способен не только признать свою ошибку, но и исправить ее. Даже если для этого придется вернуться в прошлое. Главное — избежать столкновения с самым серьезным из всех возможных противников. С самим собой».

**Впервые на русском языке!
Новый роман из легендарного цикла
историй об Артемисе Фауле!**

ISBN 978-5-699-38949-0

9 785699 389490 >